

УЧЁНЫЕ ТРУДЫ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ АДВОКАТУРЫ И НОТАРИАТА

№ 2 (69) 2023

№ 2 (69) 2023

УЧЁНЫЕ ТРУДЫ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ АДВОКАТУРЫ И НОТАРИАТА

УЧЁНЫЕ ТРУДЫ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
АДВОКАТУРЫ И НОТАРИАТА

Научно-правовой журнал
Издается 1 раз в 3 месяца

ISSN: 1997-0986

№ 2
(69)
2023

**Учредитель
и издатель:**
Российская академия
адвокатуры
и нотариата

Главный редактор
Г.Б. МИРЗОЕВ

**Заместитель главного
редактора**
Р.В. ШАГИЕВА

**Ответственный
секретарь**
Н.Н. КОСАРЕНКО

Решением Президиума
ВАК журнал включен
в Перечень рецензируемых
научных журналов
и изданий
для опубликования
основных результатов
диссертационных
исследований
на соискание
ученой степени доктора
и кандидата наук
(по праву).

Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ)
<http://www.info-pravo.com>
E-mail: info@info-pravo.com

Журнал основан
в 2000 г.

Зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору
за соблюдением
законодательства в сфере
массовых коммуникаций
и охране культурного
наследия

Свидетельство
о регистрации
ПИ № ФС77-35106.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель – Г. Г. ЧЕРЕМНЫХ, президент РААН, член Адвокатской палаты Московской области, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор;
Сопредседатель – К. А. КОРСИК, вице-президент РААН, президент Федеральной нотариальной палаты РФ, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор кафедры нотариата и гражданско-правовых дисциплин РААН;
Сопредседатель – Г.Б. МИРЗОЕВ, ректор РААН, президент Гильдии российских адвокатов, президент Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, член Совета Федеральной палаты адвокатов РФ, заслуженный юрист РФ, Почетный работник в сфере образования РФ, Почетный работник юстиции РФ, доктор юридических наук, профессор;
Сопредседатель – Ю. С. ПИЛИПЕНКО, председатель президиума РААН, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор кафедры адвокатуры МГЮА им. О.Е. Кутафина.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

А. П. АЛЬБОВ, кандидат философских наук, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования, член-корреспондент РАЕ, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии (РТА);
М. М. БАБАЕВ, заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор;
С. В. БАРАБАНОВА, профессор кафедры инновационного предпринимательства, права и финансового менеджмента Казанского национального исследовательского технологического университета, доктор юридических наук, доцент, почетный работник ВПО РФ;
А. А. ВЛАСОВ, проректор РААН, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, член Экспертно-консультативного совета Министерства юстиции РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;
С. И. ВОЛОДИНА, президент Федеральной палаты адвокатов РФ, проректор РААН, кандидат юридических наук, профессор кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин РААН;
А. П. ГАЛОГАНОВ, вице-президент РААН, президент Международного союза (содружества) адвокатов, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ, президент Адвокатской палаты Московской области, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин РААН;
Г. Г. ГОЛЬДИН, заведующий сектора международного права кафедры фундаментальных дисциплин и международного права РААН, доктор политических наук, профессор;
В. И. ЕЛИНСКИЙ, заведующий кафедрой государственного и административного права Института экономики и права «МИРЭА – Российский технологический университет», доктор юридических наук, профессор;
В. А. ЖАБСКИЙ, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;
В. В. КУЛАКОВ, ректор Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;
Ю. А. КРОХИНА, заведующая кафедрой правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита (факультет) Московского государственного университета им. Ломоносова; профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор;

Подписной индекс
в каталоге
«Газеты. Журналы»
Агентства «Роспечать» –
36802

Адрес редакции:
105120, Москва,
Малый Полуярославский
пер., д.3/5, стр.1.
Тел./факс: 917-22-39.
E-mail:
nauka-raa@mail.ru,
info@raa.ru;
http://www.raa.ru

Компьютерная верстка –
Е.В. Мусатова
Фото – В.Н. Еремченко

Перепечатка материалов
без согласования
с редакцией журнала
«Ученые труды Российской
академии адвокатуры
и нотариата» не
допускается.

За содержание публикаций
авторов редакция
ответственности не несет.

© Российская академия
адвокатуры и нотариата,
2023

Подписано в печать
22.06.2023.
Формат 84x108/16
Печ. офсет.
Бумага офсетная.
Печ.л. 11.
Тираж 500 экз.
Заказ №

Отпечатано в типографии
ООО «Канцлер»
150008, г. Ярославль,
ул. Клубная, 4-49.

О. С. КУЧИН, профессор, профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕ, Почетный адвокат России;

А. Н. ЛЁВУШКИН, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор;

А. В. МОРОЗОВ, профессор кафедры компьютерного права и информационной безопасности, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Н. Г. МУРАТОВА, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета, заслуженный юрист Республики Татарстан, доктор юридических наук, профессор;

В. В. РАЛЬКО, заведующий кафедрой нотариата и гражданско-правовых дисциплин РААН, нотариус города Москвы, член комиссии по нотариату Ассоциации юристов РФ, доктор юридических наук;

И. М. РАССОЛОВ, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий МГЮА им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук;

Ю.А. СВИРИН, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса и организации службы судебных приставов Всероссийского государственного университета юстиции, академик РАЕН, Почетный адвокат России;

А. Д. СЕЛЮКОВ, главный научный сотрудник Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

А. А. ФАТЬЯНОВ, заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор;

Р.В. ШАГИЕВА, первый проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, доктор юридических наук, профессор;

В. В. ЯРКОВ, нотариус Свердловской областной нотариальной палаты, доктор юридических наук, профессор.

ИНОСТРАННЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Ф. БЕЛО, член Парижской коллегии адвокатов, доктор юридических наук (Франция);

А. В. БЕЛОКОНОВ, представитель Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, Гильдии российских адвокатов в Австрии, член Адвокатской палаты г. Вены, магистр юриспруденции (Австрия);

В. Л. КВИНТ, заведующий кафедрой финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. Ломоносова, иностранный член РАН, доктор экономических наук, профессор;

М. Ч. КОГАМОВ, директор Научно-исследовательского института уголовно-процессуальных исследований и противодействия коррупции Университета КАЗГЮУ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник МВД Республики Казахстан (г. Астана, Казахстан);

Я. О. КУЧИНА, ассистент профессора, докторант Университета Макао, кандидат юридических наук, доцент (САР, КНР);

И. МИЛИЧ, ассистент Юридического факультета Новосадского университета, доктор юридических наук (г. Нови Сад, Республика Сербия);

М. И. ПАСТУХОВ, профессор, профессор кафедры теории и истории права учреждения образования «БИП – Университет Права и социально-информационных технологий» г. Минск, Республика Беларусь;

Н. РУЙЕ, профессор предпринимательского права Школы Бизнеса Лозанны (Швейцария), доктор юридических наук, партнер адвокатской конторы СвиссЛигал – SwissLegal Rouiller & Associes Avocats (г. Лозанна, Женева и Фрибург);

А. ЧИРИЧ, заведующий кафедрой торгового права, арбитража внешнеторговых арбитражей, член Научного совета общественных наук Министерства образования и науки Сербии, доктор юридических наук, профессор Международного торгового права на юридическом факультете Университета г. Ниш, приглашенный профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Сербия).

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

Г.Б. МИРЗОЕВ. Механизмы преодоления русофобии и дискриминации российских граждан за рубежом	5
---	---

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

С.И. ВОЛОДИНА, П.Е. МАРЧЕВА, С.С. ЮРЬЕВ. Судебная экспертиза по уголовному делу в аспекте профессиональных рисков адвоката	9
Г.Г. ГОЛЬДИН, Л.О. ТЕРНОВАЯ. «Полиция нравов» – цивилизационные истоки и правовое обоснование	18
Н.Н. КОСАРЕНКО. Философско-правовые основы регулирования искусственного интеллекта	25
А.А. РОЖНОВ. Правовое положение православной Церкви и духовенства в царствование Императора Николая I	30
Р.А. СТРАХОВ, Б.В. ШАГИЕВ. Динамическая стабильность законодательства: показатели и цели.	34

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Е.В. БОРОВИК. Соблюдение принципа «прозрачности» в период цифровизации государственных закупок	41
К.И. БРЫКИН. Трансформация системы государственного управления: финансово-правовой подход	45
С.И. КОНЕВ, И.Л. САРКСЯН, В.В. ЖАРКОВА, Г.Ф. ЯКУБОВА. Влияние ESG-принципов на отечественное законодательство в области топливно-энергетического комплекса	50
А.В. ОСТРОУШКО. Границы государственного суверенитета национального сегмента киберпространства	54
О.Г. ФИЛИПЕНКОВА. Особенности публично-правового регулирования обязательного социального страхования	59

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

О.В. ЕФИМОВА. Особенности правового режима имущества учреждений	64
Ю.А. КРОХИНА. Криптовалюта – фактический объект гражданских прав	69
Л.Е. ПЕРМЯКОВ, А.В. КОСОВ. О некоторых проблемах арбитража (третейское разбирательство) как способа защиты участников предпринимательской деятельности (правовое регулирование, проблемы и пути их преодоления)	77
Ю.В. ПЕТРОВИЧЕВА, В.Ю. КНУТОВА. Отдельные положения о правовом положении действий третьих лиц при администрировании корпоративных споров в коммерческих арбитражных судах.	85
И.Ю. РОГАЛЕВА, Г.А. РОГАЛЕВА. Трудовые отношения в условиях цифровой экономики	91

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

О.А. АВДЕЕВА, В.А. АВДЕЕВ, В.В. Вармунд. Правовая политика в сфере регламентации правосубъектности и уголовной ответственности деликтоспособного лица	94
Д.В. МИРОШНИЧЕНКО. Критика конструктивизма в уголовном праве.	102
М.И. ПАСТУХОВ. Некоторые особенности уголовного процесса в Республике Беларусь (часть 1)	109
В.А. ЧУКРЕЕВ. Уголовно-правовое регулирование вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ)	117

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

С.Е. КАСЬЯНОВ. О реальном и идеальном аспектах справедливости в уголовном праве	122
Л.В. КИРЬЯНОВА. Доктрина защиты персональных данных	126
Е.А. КУХТУРСКАЯ. Использование электронных доказательств в цивилистическом процессе: проблемы теории и практики.	130
А.А. СИРОТКИН. К вопросу о влиянии цифровизации на состояние правовой культуры российского общества	135
Д.А. СКУДАРНОВ. Особенности деформации правового сознания граждан России	142
А.В. ТУРКИН. Субъект преступления, предусмотренного ст. 200.3 УК РФ	147

КОРОТКО О КНИГАХ. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИЯ на учебник «Нотариат»	154
--	-----

ИНФОРМАЦИЯ

В свете событий.	156
Аннотация.	161

CONTENT

ACTUAL TOPIC

G.B. MIRZOEV. Mechanisms for overcoming Russophobia and discrimination of Russian citizens abroad	5
---	---

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

S.I. VOLODINA, P.E. MARCHEVA, S.S. YURYEV. Forensic examination of a criminal case in the aspect of professional risks of a lawyer	9
G.G. GOLDIN, L.O. TERNOVAYA. "Morality Police" – civilizational origins and legal justification	18
N.N. KOSARENKO. Philosophical and legal foundations of artificial intelligence regulation	25
A.A. ROZHNOV. The legal status of the Orthodox Church and clergy during the reign of Emperor Nicholas I	30
R.A. STRAKHOV, B.V. SHAGIEV. Dynamic stability of legislation: indicators and goals	34

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

E.V. BOROVNIK. Compliance with the principle of "transparency" in the period of digitalization of public procurement	41
K.I. BRYKIN. Transformation of the public administration system: financial and Legal Approach	45
S.I. KONEV, I.L. SARKSYAN, V.V. ZHARKOVA, G.F. YAKUBOVA. The influence of ESG principles on domestic legislation in the field of fuel and energy complex.	50
A.V. OSTROUSHKO. The boundaries of State sovereignty of the national segment of cyberspace.	54
O.G. FILIPENKOVA. Features of public legal regulation of compulsory social insurance	59

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

OF O.V. EFIMOV. Features of the legal regime of the property of institutions.	64
Yu.A. KROKHIN. Cryptocurrency is the actual object of civil rights	69
L.E. PERMYAKOV, A.V. KOSOV. About some problems of arbitration (arbitration proceedings) as a way to protect business participants (legal regulation, problems and ways to overcome them)	77
YU.V. PETROVICHEVA, V.Yu. KNUTOVA. Separate provisions on the legal status of actions of third parties in the administration of corporate disputes in commercial arbitration courts	85
I.Y. ROGALEVA, G.A. ROGALEVA. Labor relations in the digital economy	91

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

O.A. AVDEEVA, V.A. AVDEEV, V.V. Warmund. Legal policy in the field of regulation of legal personality and criminal liability of a delinquent person	94
D.V. MIROSHNICHENKO. Criticism of Constructivism in Criminal Law	102
M.I. PASTUKHOV. Some features of the criminal process in the Republic of Belarus (Part 1)	109
V.A. CHUKREEV. Criminal law regulation of assisted reproductive technologies (ART)	117

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

S.E. KASYANOV. On the real and ideal aspects of justice in criminal law	122
L.V. KIRYANOVA. The doctrine of personal data protection	126
E.A. KUKHTURSKAYA. The use of electronic evidence in the civil process: problems of theory and practice	130
A.A. SIROTKIN. On the question of the impact of digitalization on the state of the legal culture of Russian society	135
D.A. SKUDARNOV. Features of the deformation of the legal consciousness of Russian citizens.	142
A.V. TURKIN. The subject of the crime under Article 200.3 of the Criminal Code of the Russian Federation	147

BRIEFLY ABOUT BOOKS. CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

REVIEW of the textbook "Notary"	154
---	-----

INFORMATION

In the light of events.	156
Annotation	161

Г.Б. МИРЗОЕВ

Механизмы преодоления русофобии и дискриминации российских граждан за рубежом

АННОТАЦИЯ. В статье дана правовая оценка уже давно назревшей проблеме – русофобии, которой изобилует западная цивилизация и которая проявляется в открытых формах выражения ненависти и неприкрытой враждебности к россиянам, русскому языку, русскому государству, его внешней и внутренней политике. Автор делает вывод, что русофобия выступает как комплекс идей и концепций, имеющих свою структуру, типичные проявления и историю.

На основе предлагаемого автором определения русофобии в статье предложен уголовно-правовой механизм ее преодоления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гражданское общество, право, западная цивилизация, политика, русофобия, законодательство, уголовная ответственность.

МИРЗОЕВ ГАСАН БОРИСОВИЧ – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник юстиции России, Почетный адвокат России, Почетный работник в сфере образования РФ, президент Гильдии российских адвокатов, президент Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, член Совета Федеральной палаты адвокатов РФ (e-mail: advocat@gra.ru).

В соответствии с п. 18 Перечня поручений Президента РФ, составленным по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека от 12 января 2023 г., рекомендовано Государственной Думе РФ совместно с Генеральной прокуратурой РФ и Следственным комитетом РФ рассмотреть предложение Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества, правам человека, касающееся установления уголовной ответственности за призывы к дискриминации или дискриминационные действия в отношении проживающих за рубежом граждан РФ и соотечественников, для чего подготовить соответствующие изменения в законодательство РФ.

Речь идет о том, чтобы дать правовую оценку уже давно назревшей проблеме – русофобии, которой изобилует западная цивилизация и которая проявляется в открытых формах выра-

жения ненависти и неприкрытой враждебности к россиянам, русскому языку, русскому государству, его внешней и внутренней политике. Можно сказать, что русофобия выступает как комплекс идей и концепций, имеющих свою структуру, типичные проявления и историю.

Термин русофобия («Russophobia») не новый и распространился, примерно, с середины 19 в. Одним из первых ввел его в употребление Федор Тютчев, который называл русофобию паталогическим явлением, основанном на инстинктивном чувстве ненависти к России, ее самоутверждению, занятию прочной позиции на мировой арене¹. Русский философ И. Ильин писал, что мир изобилует русофобами, врагами национальной России, обещающими себе от ее крушения, унижения и ослабления, всяческий успех².

Представляется, что русофобия – это одно-

1. Тютчев Ф.И. Письмо к дочери Анне от 20 сентября 1867 г. // Литературное наследство. Т. 97. Кн. 1. М., 1988. С. 306.

2. Ильин И. Против России // Собр. Соч.: в 10 т. Т. 2. Кн. 1. М., 1993. С. 66.

порядковое явление с антисемитизмом, которое отличается совокупностью особых представлений о россиянах как особой национальной и этнической общности, которая проявляется в приписывании русским свойственных им характеристик, имеющих однозначно негативное значение³.

Таким образом, русофобия представляет собой устойчивый комплекс идей, существующих не одно столетие, которая выражается не просто в негативном отношении, а комплексном явлении этнической вражды и ненависти. «Русские представляются не способными ко всему тому, что составляет человеческое достоинство у других народов, что объясняется генетически и культурно-исторически. Логика русофобии основана на противопоставлении русского и западного как дурного хорошему. В связи с этими свойствами русские как народ видятся принципиально враждебными Западу, а Россия как сущностно иная, чуждая цивилизация. Россия предстает как экзистенциальный враг Западу и всего, что осознается в западной культуре как специфически «западное» — свободы, демократии, прав человека. Из этого делаются выводы о необходимости борьбы с Россией и уничтожения всего того, что составляет русскость, — физического или культурного в зависимости от конкретных трактовок. В связи с этим, можно предложить критерии выделения русофобии как особого явления, носящего идеологические корни»⁴.

Таким образом, очевидна опасность идеологии русофобии. Как и любая античеловеческая идеология, она построена на превосходстве одной цивилизации над другой, одного этноса над другим и т.д. В этом состоит фундаментальная антигуманистическая природа исходных предпосылок этой идеологии. Как и любая идеология, русофобия распространяется среди населения и простых обывателей, на государ-

ственном уровне поддерживается и легитимируется явное дискриминирование русских, в том числе проживающих за рубежом. Что актуализирует необходимость правовыми средствами защитить русских и русскую культуру во всех отношениях от античеловеческой идеологии — русофобии.

В Стратегии национальной безопасности России подчеркивается: «На фоне кризиса западной либеральной модели рядом государств предпринимаются попытки целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней, реабилитации фашизма, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Проводятся информационные кампании, направленные на формирование враждебного образа России. Ограничивается использование русского языка, запрещается деятельность российских средств массовой информации и использование российских информационных ресурсов, вводятся санкции в отношении российских спортсменов. Российская Федерация необоснованно обвиняется в нарушении международных обязательств, проведении компьютерных атак, вмешательстве во внутренние дела иностранных государств. Российские граждане и соотечественники, проживающие за рубежом, подвергаются дискриминации и открытому преследованию (п. 19).

Русофобия представляет собой явление, тесно связанное с общим геополитическим настроением ряда англо-саксонских и европейских держав дестабилизировать экономические, социальные и культурные основы российского общества, навязать псевдodemократические ценности, не имеющие ничего общего с традиционными взглядами россиян на духовность и суверенность права свободно выражать свои собственные идеалы, направленные в первую очередь на созидание, в соответствии

3. Неменский О.Б. Русофобия как идеология // Вопросы национализма. 2013. № 1(13). С. 28.

4. Неменский О.Б. Указ. соч. С. 36-37.

со всеми религиозными канонами и общечеловеческими ценностями. Это направление твердо стоит на почве национальной самоидентичности и самоопределения без ущерба и дискриминации по отношению к национальным меньшинствам. Напротив, Россия поддерживает право каждого народа быть самостоятельным и независимым в части своего национального самоопределения, поскольку в этом заключается основа национального самосознания и соответствует всем международным и гуманитарным нормам.

Так, в Европейской Конвенции по правам человека (1953 г.) в ст. 14 отмечается недопустимость дискриминации как один из основополагающих принципов реализации прав человека. Иными словами, сам факт ратификации Конвенции странами – участниками договора, по сути, определяет необходимость такого правового регулирования со стороны руководства данных стран, которое обеспечило бы выполнение данной нормы. В свою очередь, обозначенная норма легла в основу конституционного права ряда государств. В частности, например, текст Конституции Германии, в которой имела место существенная доля из описанных выше притеснений в отношении россиян и этнически русских (ст. 3), содержит следующее положение: «Никому не может быть причинен ущерб или оказано предпочтение вследствие его пола, его происхождения, его расы, его языка, его места рождения и родства, его вероисповедания, его религиозных или политических воззрений. Никому не может быть причинен ущерб вследствие имеющихся у него недостатков». Таким образом, практика дискриминации, основанная на русофобии, противоречит одному из ключевых законов государства, что требует со стороны последнего соответствующей реакции, направленной на подавление неконституционного поведения носителей русофобного поведения. Вместе с

тем, очевидно, выборочное следование нормам международного права несет риски не только для россиян, но прежде всего для жителей тех стран, в которых при попустительстве представителей власти могут быть реализованы социальные практики откровенно незаконного характера.

Как отмечают отдельные авторы, на сегодняшний день в условиях обострения международной обстановки «мы приходим к пониманию того, что практики развития ксенофобии в странах Запада, направленные на россиян и проживающих в этих странах представителей русского этноса, несут угрозу не только по отношению к нашим соотечественникам, но и по отношению к самим жителям стран, на уровне которых происходит развитие ксенофобии и основанных на ней дискриминационных практик. Фактически речь идет о прецеденте нарушения основополагающих правовых норм, а именно несоответствии социальной практики действующим нормам права, вызванном политическими факторами и нелокализованным представителями власти стран Запада. Несмотря на то, что в настоящее время риски, которые возникают ввиду сложившейся ситуации, ощущают на себе прежде всего россияне, сама по себе проблема несет угрозу всему правовому и социально-политическому укладу западных стран, поскольку речь идет о подрыве основополагающих устоев цивилизованного демократического общества»⁵.

В настоящее время в ФЗ от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» отсутствует указание на такое явление, как «руссофобия». Полагаем, что это упущение может быть восполнено путем введения соответствующего понятия в перечень разновидностей экстремистской деятельности. Тем самым очертить данное явление и создать правовую базу для его указания в уголовном и ином законодательстве, подчеркнуть

⁵ Афаунов А.З., Урумов А.В., Гапоненко О.Ю. Руссофобия как разновидность ксенофобии: социокультурный и правовой аспект // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 10. С. 25.

его самостоятельное общественно опасное значение для РФ.

«Русофобия, т.е. возбуждение ненависти или вражды, а равно их проявление, выраженное в унижении человеческого достоинства в отношении лиц, совершенное по признакам их гражданской принадлежности к РФ, русского языка, носителями которого они являются и публично изъясняются на нем, принадлежности к российской культуре, традициям и религии, а равно публичное выражение явной ненависти или враждебности в отношении Российской Федерации как государства».

Приняв за основу это определение, его следует установить в качестве самостоятельного состава в УК РФ. А именно:

«Статья 282.5 Возбуждение ненависти или вражды, а равно их проявление, выраженное в унижении человеческого достоинства в отношении лиц, совершенное по признакам их гражданской принадлежности к РФ, русского языка, носителями которого они являются и

публично изъясняются на нем, принадлежности к российской культуре, традициям и религии, а равно публичное выражение явной ненависти или враждебности в отношении Российской Федерации как государства».

Данное преступление должно подпадать под категорию тяжких (до 6 лет лишения свободы), что необходимо, с одной стороны, с учетом общественной опасности деяния, а с другой стороны, для цели реализации ч. 5 ст. 247 УПК РФ, с которой связывается возможность вынесения заочных решений по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях в отсутствие подсудимого, находящегося за пределами РФ.

Материальное основание для привлечения иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших преступление за пределами территории РФ против интересов РФ или ее граждан, обеспечит ч. 3 ст. 12 УК РФ (реальный принцип действия уголовного закона в пространстве).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Афаунов А.З., Урумов А.В., Гапоненко О.Ю. Русофобия как разновидность ксенофобии: социокультурный и правовой аспект // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 10. С. 22-26.
2. Неменский О.Б. Русофобия как идеология // Вопросы национализма. 2013. № 1(13). С. 26-65.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Afaunov A.Z., Urumov A.V., Gaponenko O.YU. Rusofobiya kak raznovidnost' ksenofobii: sociokul'turnyj i pravovoj aspekt // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2022. № 10. S. 22-26.
2. Nemenskij O.B. Rusofobiya kak ideologiya // Voprosy nacionalizma. 2013. № 1(13). S. 26-65.

С.И. ВОЛОДИНА, П.Е. МАРЧЕВА, С.С. ЮРЬЕВ

Судебная экспертиза по уголовному делу в аспекте профессиональных рисков адвоката

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается деятельность адвоката при использовании специальных знаний в аспекте профессиональных рисков. Выявляя ряд проблем (рисков), с которыми сталкивается адвокат в процессе оказания квалифицированной юридической помощи, таких как отсутствие равноправия при назначении экспертизы в уголовном процессе, назначение экспертиз во вне государственных судебно-экспертных учреждений, в том числе у лиц, не обладающих ни статусом судебного эксперта, ни специальными знаниями в той области, в которой им поручена экспертиза, а также существование в настоящее время как государственных, так и негосударственных судебно-экспертных организаций, авторы предлагают решение указанным проблемам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: адвокат, профессиональные риски, специальные знания, экспертиза.

ВОЛОДИНА СВЕТАНА ИГОРЕВНА – кандидат юридических наук, заведующая кафедрой адвокатуры Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), адвокат (e-mail: info@raa.ru);

МАРЧЕВА ПОЛИНА ЕВГЕНЬЕВНА – кандидат юридических наук, доцент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), адвокат (e-mail: info@raa.ru);

ЮРЬЕВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ – доктор юридических наук, адвокат (e-mail: collegium_mka@mail.ru).

Конституция Российской Федерации гарантирует право каждому на получение квалифицированной юридической помощи, одним из субъектов оказания которой является адвокат.

В ходе работы адвокату нередко приходится сталкиваться с экспертизами, назначенными в ходе предварительного следствия либо в суде по уголовным или гражданским делам. В этой связи приходится вырабатывать или корректировать правовую позицию по делу с учетом процессуальных документов, в основе которых лежат специальные знания, которые используются адвокатом для установления фактов или достоверности дока-

зательств¹ и могут быть содержанием двух видов доказательств – заключения эксперта или консультация специалиста.

Исходя из позиции защиты прав и законных интересов доверителя, адвокат должен оценивать результаты проведенных экспертиз, ставить вопросы при назначении экспертизы или при допросе эксперта, ходатайствовать о проведении необходимых экспертиз. Очевидно, что адвокат (как и иной субъект правоприменительной деятельности) обязан хорошо владеть навыками использования специальных знаний, и по данному вопросу имеется обширная научная литература². Вместе с тем,

1. См.: Лукьянова И.Н. Юридическая клиника – образование, основанное на практическом опыте: учебно-методическое пособие. Часть I. М., 2015. С. 159.

2. См., напр.: Петрова Т.В. Использование специальных знаний адвокатом в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 – судебная власть; прокурорский надзор; организация правоохранительной деятельности; адвокатура. М., 2007. 234 с.; Леонтьева Е.А. Использование специальных знаний адвокатом – представителем по гражданским делам: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 – судебная власть; прокурорский надзор; организация правоохранительной деятельности; адвокатура. М., 2010; Ефремов И.А. Понятие специальных знаний в деятельности адвоката // Адвокатская практика. 2018. № 5; Авдеев В. Н. Некоторые аспекты использования стороной защиты знаний специалиста // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития: материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 ноября 2019 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 17-21; Астапова А.С., Хорунжая А.Н. Некоторые вопросы использования знаний сведущих лиц адвокатом-защитником в уголовном судопроизводстве России // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения: сборник научных статей V Международной студенческой научно-практической конференции, Курск, 25 апреля 2019 года. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019; Божченко А. П., Семенов С. Л., ▶

мало внимания уделено проблемам экспертизы в аспекте профессионального риска, хотя очевидно, что если реализация норм права осуществляется неквалифицированными или недобросовестными лицами, «возникает опасность нарушения законных прав и интересов граждан»³.

При использовании специальных знаний в своей профессиональной деятельности адвокат может столкнуться с рядом трудностей (рисков). Отметим, что эти риски по источнику их возникновения можно отнести к категории «юридических рисков»⁴, а по субъекту и виду деятельности, на которых они влияют, — к категории рисков адвокатской деятельности.

Во-первых, отсутствует равноправие при назначении экспертизы, которое имеет место в особенности в уголовном процессе. Так, для того чтобы оспорить уже содержащуюся в материалах уголовного дела экспертизу, адвокату следует ходатайствовать о вызове на допрос эксперта, который давал заключение в ходе предварительного расследования. В п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 года № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)»⁵ указано, что специалист, принимавший участие в производстве следственного действия либо представивший свое заключение, приобщенное к делу в качестве доказательства, при необходимости может быть допрошен в судебном заседании об обстоятельствах производства

следственного действия по вопросам, входящим в его профессиональную компетенцию, а также для разъяснения выраженного им суждения по этим вопросам.

Таким образом, в настоящее время практически единственной возможностью для стороны защиты ввести в судебное следствие специалиста является право адвоката ходатайствовать о допросе в судебном заседании в качестве эксперта или специалиста, а в ряде случаев — в качестве свидетеля. В соответствии с ч. 4 ст. 271 УПК РФ суд не вправе отказать в удовлетворении такого ходатайства. «В результате сторона защиты, несмотря на возражения государственного обвинителя, вынуждает суд критически исследовать заключение эксперта и нередко добивается назначения повторной судебной экспертизы, выводы которой могут расходиться с выводами первоначальной экспертизы, проведенной на стадии предварительного расследования»⁶.

Следует обратить внимание на то, что ряд исследователей, например, А.В. Чарыков и П.В. Вдовцов⁷, отмечают, что суды могут отказать в удовлетворении такого ходатайства адвоката, обосновывая свой отказ положением ч. 2.2. ст. 159 УПК РФ, а именно тем, что обстоятельство, об установлении которого ходатайствует адвокат, не имеет значения для данного уголовного дела. Другие же исследователи, как, например, А.В. Гриненко⁸, придерживаются иной точки зрения, утверждая, что «если сторона защиты заявила ходатайство о приобщении заключения специалиста

◀ Никитин И. М., Назаров Ю. В. Проблемы реализации в уголовном процессе принципов равноправия и состязательности (на примере возможности предъявления стороной защиты заключения специалиста) // Судебная медицина. 2021. № 1; Сайконен Е.В. Актуальные проблемы использования адвокатом специальных знаний в уголовном процессе // Студенческий научный электронный журнал StudArctic Forum. 2022. Т. 7. № 2 и др.

3. Юрьев С.С., Черная О.О. Деятельность адвоката в условиях юридических рисков // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 2 (33). С. 13.

4. См.: Юрьев С.С., Черная О.О. Юридические риски в аспекте социологической концепции «общества риска» (в соавторстве) // Вестник Московского государственного университета. Серия 11 (Право). 2014. № 6. С. 40-49.

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 года № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Российская газета. 2017. 29 декабря.

6. Давлетов А.А., Чарыков А.В. Верховный суд РФ «сворачивает» право адвоката-защитника привлекать специалиста в досудебное следствие? // Российский судья. 2022. № 1. С.63.

7. Чарыков А.В., Вдовцов П.В. Новые поправки в УПК РФ о специалисте // Российский следователь, 2017. № 18. С.45-48.

8. Гриненко А.В. Паритет прав сторон в досудебном уголовном процессе // Адвокатская практика. 2017. № 4. С.35-40.

к материалам уголовного дела, то согласно ч. 2.2. ст. 159 УПК РФ заключение специалиста приобщается к материалам уголовного дела в качестве доказательств в любом случае».

Для решения этой проблемы необходимо и сторону обвинения и сторону защиты наделить равными правами при назначении экспертизы. Как пример, согласно английским Правилам гражданского судопроизводства 1998 года, предусмотрено три формы привлечения экспертов по рассматриваемым в суде гражданским делам: единый совместно назначенный эксперт; эксперты, привлеченные сторонами; судебные заседатели, консультирующие судью относительно спорных вопросов факта⁹. Все эти три формы привлечения экспертов, безусловно, гарантируют равноправие сторон. Вместе с тем, ввиду различия процессов, полностью переносить данную модель привлечения экспертов в судебную систему Российской Федерации, не представляется возможным, но наделить адвокатов правом назначать проведение экспертизы и затем приобщать заключение экспертов к материалам дела необходимо. При этом приобщение материалов экспертизы (как и иных предоставляемых адвокатом документов) к материалам дела должно носить организационно-технический характер и не требовать какого-либо «одобрения» следователя или суда в виде вынесения постановления о приобщении или не приобщении таких документов. Оценка относимости, допустимости и содержания представленных адвокатом документов должно содержаться в итоговом решении по делу.

Во-вторых, имеют место факты назначения экспертиз вне государственных судебно-экспертных учреждений, в том числе у лиц, не обладающих ни статусом судебного эксперта, ни специальными знаниями в той области, в которой им поручена экспертиза. При этом в нарушение Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», предусматривающего

назначение экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях на территории экспертного обслуживания, некоторые следователи вообще не обращаются в такие учреждения, а назначают экспертизы в иных, в том числе коммерческих, организациях, — и это несмотря на то, что в настоящее время экспертные подразделения имеются во всех правоохранительных органах, наделенных правом производства следствия.

Например, Председатель СК России А.И. Бастрыкин, отстаивая необходимость закрепления в законе права на производство судебных экспертиз, говорил о компетентности и большой работе, проводимой экспертами ведомства. В частности, в интервью «Российской газете» в апреле 2019 года А.И. Бастрыкин отмечал: «Экспертами СК России ежегодно проводится более 30 тысяч (всего выполнено 176 тысяч) сложных экспертиз специальных видов (молекулярно-генетических, компьютерно-технических, фоноскопических, лингвистических, видеотехнических, налоговых, психофизиологических и др.), результаты которых зачастую решают судьбу резонансных и сложных в раскрытии преступлений, совершенных в условиях неочевидности»¹⁰. Предложения председателя СК России А.И. Бастрыкина были поддержаны Федеральным законом от 26 июля 2019 года № 224-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации», были внесены изменения, в частности, в названный закон о СК России; Следственному комитету Российской Федерации было предоставлено право создания собственного судебно-экспертного учреждения.

Как отмечалось выше, в тот период в системе СК России уже функционировали экспертные подразделения. Для того, чтобы придать заключениям специалистов этих подразделений СК России юридическую силу заключения эксперта, которое допу-

⁹ См.: Брановицкий К.Л., Ренц И.Г., Решетникова И.В. Можно ли доверять эксперту, или несколько слов о гарантиях качества судебной экспертизы (сравнительно-правовой анализ) // Закон. 2019. № 10. С.45-54.

¹⁰ См.: Козлова Н. Следствие ведут знатоки. Глава Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин — о криминалистических секретах // Российская газета. 2019. 8 апреля.

скалось бы в уголовном процессе в качестве доказательства, вышеназванным Федеральным законом от 26 июля 2019 года в статью 45 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» была введена часть 10, согласно которой до создания в системе Следственного комитета судебно-экспертного учреждения, но не позднее чем до 1 января 2022 года, организацию и производство судебных экспертиз в Следственном комитете могут осуществлять экспертные подразделения Следственного комитета. Федеральный закон от 26 июля 2019 года № 224-ФЗ вступил в силу по истечении 90 дней после официального опубликования (опубликован 26 июля 2019 года, вступил в силу 25 октября 2019 года).

Казалось бы, сделан шаг вперед по совершенствованию экспертной деятельности и облегчению работы следователей СК России, которые теперь могли назначать самые сложные экспертизы в «своем» ведомстве и не расходовать бюджетные средства для оплаты труда негосударственных экспертов.

Однако зачастую следователи СК России и не думали использовать открывшиеся возможности. Так, по резонансному делу врача В. (по обвинению в доведении до самоубийства несовершеннолетнего) следователь ГСУ СК России 30 декабря 2019 года назначил лингвистическую судебную экспертизу не в экспертном подразделении СК России и не в Российском федеральном центре судебных экспертиз при Минюсте России, а в автономной некоммерческой организации «Центр социокультурных экспертиз». Негативное для обвиняемой заключение исполнили сотрудники этого центра Крюкова Н.Н. и Тарасов А.Е., выступившие в качестве «экспертов»¹¹. Следователя не смутил тот факт, что Н.Н. Крюкова имеет квалификацию учителя математики, а А.Е. Тарасов – квалификацию переводчика, преподавателя английского и немецкого языков. Кроме того, названная организация не

содержит в уставе положений о ведении судебно-экспертной деятельности. Небезынтересно, что самопровозглашенные «эксперты» не столько анализировали собственно представленные тексты, сколько пустились в рассуждения о психологических особенностях пострадавшего, хотя исследование психического состояния лица, окончившего жизнь самоубийством, представляет собой самостоятельный вид судебно-психологической экспертизы, в ходе которой исследуется психическое состояние подэкспертного лица в период, предшествовавший самоубийству (включает в себя уровень социально-психологической дезадаптации, суицидогенный психологический конфликт, динамику суицидогенной деятельности, эмоциональное состояние, мотив (личностный смысл) суицида, индивидуально-психологические факторы суицидального и антисуицидального риска)¹².

В целом, практика назначения следователями судебных экспертиз вне экспертных учреждений правоохранительных ведомств вызывает серьезную озабоченность. Такая практика влечет как необоснованное расходование бюджетных средств, так и воспрепятствование справедливому и эффективному судопроизводству из-за большого количества некачественных исследований, проведенных вне государственных судебно-экспертных учреждений.

В-третьих, существование в настоящее время как государственных, так и негосударственных судебно-экспертных организаций, частных экспертов «серьезно затрудняет для правоприменителей, хозяйствующих субъектов и граждан выбор квалифицированных экспертов или судебно-экспертных учреждений»¹³. Более того, еще в государственной программе Российской Федерации «Юстиция», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 312 (ред. от 16.12.2021), отмечалось, что «актуальное состояние судебно-экспертных учреждений на сегодняшний день не позволяет в полной мере

¹¹ См. Заключение экспертов по материалам уголовного дела №11902450043000116 от 27.01.2020.

¹² См.: Национальный стандарт Российской Федерации «Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения». ГОСТ Р 57344-2016.

¹³ Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 3-е изд. доп. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2014. 735 с.

решить поставленные перед ними задачи. Они недостаточно обеспечены финансированием, необходимой штатной численностью, специальным криминалистическим оборудованием, научно-методической базой»¹⁴.

В соответствии с Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» судебная экспертиза может быть проведена как в государственных судебно-экспертных учреждениях, так и вне таковых лицами, обладающими специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющимися государственными экспертами (ст. 41). Ввиду того, что деятельность негосударственных экспертов данным законом не регламентирована, на практике возникает ряд проблем, таких как: «недостаточность профессиональной подготовки по экспертной специальности; отсутствие контроля за деятельностью негосударственных экспертов; методическая неопределенность и ведомственная разобщенность; фактическое отсутствие у эксперта ответственности как за свою деятельность, так и за дачу заведомо ложного вывода»¹⁵.

Яркими примерами тут являются две финансово-экономические и одна судебно-бухгалтерская экспертизы, назначенные по уголовному делу № 2/2947 (находилось в производстве бывших следователей бывшего Московского межрегионального следственного управления на транспорте (ММСУТ) СК России в период с декабря 2016 года по июль 2020 года), и проведенные в ФГБУ «Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере» (ФГБУ «РИЭПП») Минобрнауки России.

Как известно, порядок назначения судебной экспертизы в ходе предварительного следствия определяется положениями ст. 195 УПК РФ, Федерального закона от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», приказом

Минюста России от 3 февраля 2012 года № 14; в частности, экспертиза назначается в государственных экспертных учреждениях, которые обслуживают соответствующую территорию.

В соответствии с п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» в тех случаях, когда в государственном судебно-экспертном учреждении, обслуживающем определенную территорию, невозможно производство судебной экспертизы в связи с отсутствием эксперта конкретной специальности или надлежащей материально-технической базы либо специальных условий для выполнения исследований, а также при наличии обстоятельств, указанных в статье 70 УПК РФ, т.е. когда все компетентные государственные судебно-экспертные учреждения на данной территории не могут выступить в этом качестве, ее производство может быть поручено государственным судебно-экспертным учреждениям, обслуживающим другие территории, негосударственному судебно-экспертному учреждению или лицу, не работающему в судебно-экспертном учреждении, в том числе сотруднику научно-исследовательского учреждения, вуза, иной организации, обладающему специальными знаниями и имеющему в распоряжении необходимое экспертное оборудование. В определении (постановлении) о назначении экспертизы следует мотивировать поручение исследований экспертным учреждениям либо конкретному лицу.

Однако следователь никак не мотивировал назначение экспертиз в «РИЭПП», которое не является экспертным учреждением, не обладает правом ведения судебно-экспертной деятельности. В соответствии с ч. 8 ст. 11 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», приказом Минюста России от 3 февраля 2012 г. № 14 органы предварительного следствия, расположенные на территории г. Москвы и

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 312 (ред. от 16.12.2021) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // СЗ РФ. 2014. № 18 (часть II). ст. 2158.

¹⁵ Жижина М.В. Актуальные проблемы современной практики проведения судебно-почерковедческой экспертизы и пути их преодоления // Российский судья. 2020. № 5. С. 21.

Московской области (т.е. и ММСУТ СК России) отнесены к территориальной сфере экспертного обслуживания федеральных бюджетных учреждений Российского федерального центра судебных экспертиз при Минюсте России и Московской лаборатории судебной экспертизы Минюста России. Сведений о невозможности проведения экспертных исследований в указанных судебно-экспертных учреждениях Минюста России в материалах дела нет, следовательно, они не запрашивались, назначение экспертиз в РИЭПП не мотивировано и противоречит требованиям закона.

Более того, в силу специальной правоспособности ФГБУ РИЭПП вообще не обладает правом ведения судебно-экспертной деятельности. Согласно ст. 9.2 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» бюджетные учреждения (к которым относится и ФГБУ РИЭПП) вправе осуществлять только те виды деятельности, которые определены в уставе учреждения. Уставом ФГБУ РИЭПП ведение судебно-экспертной деятельности не предусмотрено. Согласно п. 2.1 Устава ФГУП РИЭПП, утвержденного приказом Минобрнауки России от 31.05.2011 № 1980, основной целью деятельности РИЭПП является проведение научных исследований, связанных с обоснованием принципов формирования государственной научной и инновационной политики и разработкой механизмов ее реализации, включая экономические, правовые и международные аспекты. В соответствии с выпиской из ЕГРЮЛ, основным видом деятельности РИЭПП являются: научные исследования и разработки в области общественных и гуманитарных наук, код по ОКВЭД-72.20. Ведение судебно-экспертной деятельности обозначается кодом 71.20.2, деятельность по установлению рыночной стоимости услуг – кодом 74.90.25. Эти виды деятельности в Уставе РИЭПП не указаны, соответствующие коды в ЕГРЮЛ отсутствуют.

В нарушение п. 4 ч. 1 ст. 204 УПК РФ в «заключениях» не указаны специальности экспертов. Из полученных стороной защиты официальных документов учебных заведений получены сведения о том, что Вершинин И.В. имеет квалификацию «политолог» по специальности «политология»;

Нетребин Ю.Ю. имеет квалификацию «экономист» по специальности «экономика труда» и степень кандидата экономических наук по результатам защиты диссертации в сфере гостиничного бизнеса на тему: «Методические аспекты повышения эффективности использования ресурсного потенциала коллективных средств размещения: на примере Московской области»; Сергеева (до брака 9 июня 2012 г. – Тимшина) О.Л. имеет квалификацию «юрист» по специальности «юриспруденция», степень кандидата юридических наук по результатам защиты диссертации в сфере семейного права на тему: «Особенности регулирования правовых отношений между бывшими супругами». Такие вот специалисты в области экономики и бухгалтерского учета.

При исследовании эксперты какими-либо научными методами познания не пользовались, а применили отдельные нормы Федерального стандарта оценки «Общие понятия оценки, подходы и требования к проведению оценки (ФСО № 1)», утвержденного приказом Минэкономразвития России от 20.05.2015 № 297.

В соответствии с п.п.2 ч.4 ст.57 УПК РФ эксперт не вправе самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования. Между тем, «эксперты» самостоятельно подбирали так называемые «объекты-аналоги». В постановлениях о назначении экспертиз отсутствует какое-либо указание либо разрешение следователя на использование конкретных интернет-ресурсов, сайтов, иных источников информации для подбора объектов-аналогов.

В судебном заседании 6 ноября 2020 года был допрошен в качестве эксперта И.В. Вершинин, который на вопросы председательствующего и сторон процесса неоднократно показал, в частности, что статусом государственного или негосударственного эксперта он не обладает и судебным экспертом не является; по образованию он политолог, специального образования по судебно-экспертной специальности у него нет; законодательство о судебно-экспертной деятельности ему неизвестно; права и обязанности эксперта ему никто не разъяснял; он самостоятельно собирал материалы для экспертного исследования с использованием информационно-телекоммуникационной сети

«Интернет», самостоятельно разработал методику экспертизы и, возможно, допустил методические ошибки в исследовании. Вершинин И.В. также указал, что ФГБУ РИЭПП экспертным учреждением не является, экспертных подразделений в РИЭПП нет; основное направление деятельности РИЭПП – научно-методическое сопровождение научной политики Минобрнауки России. Кроме того, в ходе допроса Вершинин И.В. пояснил, что все экспертизы выполнены, в основном им, он готовил текст экспертизы, методические подходы, проводил анализ документов; выступавший в качестве эксперта Нетребин Ю.Ю. занимался вспомогательной работой (доставал из мешков документы и цитировал отдельные из них), а Сергеева О.Л. занималась только одним из вопросов экспертизы, хотя заключения подписаны всеми экспертами.

К сожалению, заключения этих «экспертов» явились основанием для обвинения и длительному содержанию под стражей двух российских граждан, а также к назначению новой экспертизы судом в РФЦСЭ при Минюсте России, которая полностью опровергла выводы предыдущих «экспертиз»¹⁶.

И такие случаи не единичны. Эти ошибки являются системной проблемой. Как отмечал на Парламентских слушаниях в мае 2019 года тогдашний заместитель министра юстиции Д.И. Новак, за 2018 год экспертными учреждениями Минюста России было проведено 585 повторных экспертиз после негосударственных экспертов, при этом выводы 454 из них, или 77,6 процента, не совпали с выводами предыдущих заключений. Выступавшие на этих Парламентских слушаниях доктор юридических наук, профессор Е.Р. Россинская, доктор юридических наук С.А. Смирнова, доктор юридических наук Ф.Г. Аминев и другие высказали

предложения, не утратившие своей актуальности: необходимы единые правила сертификации негосударственных судебных экспертов, ведение государственного реестра сертифицированных экспертов, гармонизация программ высшего профессионального обучения и дополнительного образования, единые методики проведения экспертиз и их валидация, аккредитация судебно-экспертных организаций по самым высоким стандартам¹⁷.

Отметим, что согласно эмпирическим исследованиям, проведенным в среде руководящего состава судебно-экспертных организаций системы СЭУ Минюста России и негосударственного сектора, на вопрос о необходимости законодательного регулирования негосударственной сферы осуществления судебно-экспертной деятельности ответ «да» составил 100%; по вопросу о необходимости систематизации и аккредитации для повышения качества судебно-экспертной деятельности ответили положительно 91,67% опрошенных¹⁸. Эти результаты убедительно свидетельствуют в пользу скорейшего внедрения в законодательство предлагаемых нововведений.

В 2021 году производство некоторых видов экспертиз было передано в исключительные полномочия государственных судебных экспертов¹⁹. В декабре 2022 года Министерство юстиции Российской Федерации предложило внести изменения в этот перечень экспертиз и передать в полномочия государственных судебных экспертов еще целый ряд экспертиз, таких как судебная лингвистическая экспертиза и психолого-лингвистическая экспертиза по уголовным делам, судебная психиатрическая экспертиза по делам об изменении гражданского-правового статуса гражданина, судебная экономическая экспертиза

¹⁶ См. материалы уголовного дела № 2/2947 ММСУТ СК России, рассмотренного Мещанским районным судом города Москвы в июле 2020 года – августе 2022 года.

¹⁷ См. материалы Парламентских слушаний о совершенствовании судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации. Москва, май 2019 года.

¹⁸ См.: Суровая О.А. Организационно-правовые аспекты деятельности руководителя судебно-экспертной организации: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность. М., 2020. 210 с. С. 190-191.

¹⁹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 года № 3214-р (ред. от 22.03.2023 г.) «О Перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями» // СЗ РФ. 2021. № 47. ст. 7923.

(финансово-экономическая, финансово-аналитическая, налоговая) по уголовным делам о преступлениях, связанных с нецелевым расходованием и хищением бюджетных денежных средств, неуплатой налогов и сборов. Как указала президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации С.И. Володина, «это предложение может усилить недоверие к негосударственным экспертам. Эффективнее было бы внедрять критерии оценки подготовки экспертов, лицензировать экспертные учреждения». Поддерживая данную позицию, полагаем целесообразным вывести все экспертные учреждения из ведомственной под-

чиненности, провести их лицензирование независимо от форм собственности. Все эксперты должны пройти аттестацию, получить подтверждение профессиональной квалификации и право проведения определенного вида судебной экспертизы. Основным звеном судебно-экспертной деятельности должен быть эксперт. Возможно, необходимо объединение экспертов в судебно-экспертные палаты (являющиеся, по сути, саморегулируемыми организациями). Экспертные организации и эксперты должны быть внесены в государственные реестры, ведение которых можно возложить на Минюст России.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авдеев В.Н. Некоторые аспекты использования стороной защиты знаний специалиста // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития: материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 ноября 2019 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С.17-21.
2. Астапова А.С., Хорунжая А.Н. Некоторые вопросы использования знаний сведущих лиц адвокатом-защитником в уголовном судопроизводстве России // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения: сборник научных статей V Международной студенческой научно-практической конференции, Курск, 25 апреля 2019 года. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. С. 11-14.
3. Божченко А. П., Семенов С. Л., Никитин И. М., Назаров Ю. В. Проблемы реализации в уголовном процессе принципов равноправия и состязательности (на примере возможности предъявления стороной защиты заключения специалиста) // Судебная медицина. 2021. № 1. С.41-47.
4. Брановицкий К.Л., Ренц И.Г., Решетникова И.В. Можно ли доверять эксперту, или несколько слов о гарантиях качества судебной экспертизы (сравнительно-правовой анализ) // Закон, 2019. № 10. С.43-54.
5. Гриненко А.В. Паритет прав сторон в досудебном уголовном процессе // Адвокатская практика, 2017. № 4. С. 35-40.
6. Давлетов А.А., Чарыков А.В. Верховный суд РФ «сворачивает» право адвоката-защитника привлекать специалиста в досудебное следствие? // Российский судья. 2022. № 1. С. 60-64.
7. Жижина М.В. Актуальные проблемы современной практики проведения судебно-почерковедческой экспертизы и пути их преодоления // Российский судья. 2020. № 5. С. 21-28.
8. Ефремов И.А. Понятие специальных знаний в деятельности адвоката // Адвокатская практика. 2018, № 5. С. 36-39.
9. Козлова Н. Следствие ведут знатоки. Глава Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин – о криминалистических секретах // Российская газета, 2019, 8 апреля / URL: <https://rg.ru/2019/04/08/bastrykin-segodnia-v-sk-delaiut-samye-slozhnye-issledovaniia-liuboj-tehniki.html>.
10. Лукьянова И.Н. Юридическая клиника – образование, основанное на практическом опыте: учебно-методическое пособие / отв. ред. Е.А. Абросимова. Часть I. М.: Центр развития юридических клиник, 2015. 552 с.
11. Леонтьева Е.А. Использование специальных знаний адвокатом – представителем по гражданским делам: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 – судебная власть; прокурорский надзор; организация правоохранительной деятельности; адвокатура. М., 2010. 200 с.
12. Петрова Т.В. Использование специальных знаний адвокатом в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 – судебная власть; прокурорский надзор; организация правоохранительной деятельности; адвокатура. М., 2007. 333 с.
13. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 3-е изд. доп. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2014. 735 с.

²⁰ См.: Третьяков А. Судебно-экспертная деятельность: как ее реформируют // URL: <https://pravo.ru/story/244597/> (последнее посещение 05.03.2023).

14. Сайконен Е.В. Актуальные проблемы использования адвокатом специальных знаний в уголовном процессе // Студенческий научный электронный журнал StudArctic Forum. 2022. Т. 7. № 2. С. 100-102.
15. Суровая О.А. Организационно-правовые аспекты деятельности руководителя судебно-экспертной организации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность. М., 2020. 210 с.
16. Третьяков А. Судебно-экспертная деятельность: как ее реформируют // <https://pravo.ru/story/244597/>.
17. Чарыков А.В., Вдовцов П.В. Новые поправки в УПК РФ о специалисте // Российский следователь, 2017. № 18. С. 45-48.
18. Юрьев С.С., Черная О.О. Деятельность адвоката в условиях юридических рисков // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 2 (33). С.13-19.
19. Юрьев С.С., Черная О.О. Юридические риски в аспекте социологической концепции «общества риска» // Вестник Московского государственного университета. Серия 11 (Право). 2014. № 6. С. 40-49.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Avdeev V.N. Nekotorye aspekty ispol'zovaniya storonoy zashchity znaniy specialista // Uголовное судопроизводство Rossii: problemy i perspektivy razvitiya: materialy vserossijskoj nauchno- prakticheskoj konferencii, Sankt-Peterburg, 22 noyabrya 2019 goda. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2019. S.17-21.
2. Astopova A.S., Horunzhaya A.N. Nekotorye voprosy ispol'zovaniya znaniy svedushchih lic advokatom-zashchitnikom v uголовном судопроизводстве Rossii // Uголовно- процессуальный кодекс Rossijskoj Federacii: dostizheniya i problemy primeneniya: sbornik nauchnyh statej V Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchno- prakticheskoj konferencii, Kursk, 25 aprelya 2019 goda. Kursk: Yugo-Zapadnyj gosudarstvennyj universitet, 2019. S. 11-14.
3. Bozhchenko A. P., Semenov S. L., Nikitin I. M., Nazarov Yu. V. Problemy realizacii v uголовном processe principov ravnopraviya i sostyazatel'nosti (na primere vozmozhnosti pred'yavleniya storonoy zashchity zaklyucheniya specialista) // Sudebnaya medicina. 2021. № 1. S.41-47.
4. Branovickij K.L., Renc I.G., Reshetnikova I.V. Mozhno li doveryat' ekspertu, ili neskol'ko slov o garantiyah kachestva sudebnoj ekspertizy (sravnitel'no-pravovoj analiz) // Zakon, 2019. № 10. S.43-54.
5. Grinenko A.V. Paritet prav storon v dosudebnom uголовном processe // Advokatskaya praktika, 2017. № 4. S. 35-40.
6. Davletov A.A., Charykov A.V. Verhovnyj sud RF «svorachivaet» pravo advokata-zashchitnika privlekat' specialista v dosudebnoe sledstvie? // Rossijskij sud'ya. 2022. № 1. S. 60-64.
7. Zhizhina M.V. Aktual'nye problemy sovremennoj praktiki provedeniya sudebno-pocherkovedcheskoj ekspertizy i puti ih preodoleniya // Rossijskij sud'ya. 2020. № 5. S. 21-28.
8. Efremov I.A. Ponyatie special'nyh znaniy v deyatel'nosti advokata // Advokatskaya praktika. 2018, № 5. S. 36-39.
9. Kozlova N. Sledstvie vedut znatoki. Glava Sledstvennogo komiteta RF Aleksandr Bastrykin – o kriminalisticheskikh sekretah // Rossijskaya gazeta, 2019, 8 aprelya / URL: <https://rg.ru/2019/04/08/bastrykin-segodnia-v-sk-delalet-samye-slozhnye-issledovaniia-liuboj-tehniki.html>.
10. Luk'yanova I.N. Yuridicheskaya klinika – obrazovanie, osnovannoe na prakticheskom opyte: uchebno-metodicheskoe posobie / otv. red. E.A. Abrosimova. Chast' I. M.: Centr razvitiya yuridicheskikh klinik, 2015. 552 s.
11. Leont'eva E.A. Ispol'zovanie special'nyh znaniy advokatom – predstavitelem po grazhdanskim delam: Dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.11 – sudebnaya vlast'; prokurorskij nadzor; organizaciya pravoohranitel'noj deyatel'nosti; advokatura. M., 2010. 200 s.
12. Petrova T.V. Ispol'zovanie special'nyh znaniy advokatom v uголовном судопроизводстве: Dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.11 – sudebnaya vlast'; prokurorskij nadzor; organizaciya pravoohranitel'noj deyatel'nosti; advokatura. M., 2007. 333 s.
13. Rossinskaya E.R. Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i uголовном processe: monografiya. 3-e izd. dop. M.: NORMA; INFRA-M, 2014. 735 s.
14. Sajkonen E.V. Aktual'nye problemy ispol'zovaniya advokatom special'nyh znaniy v uголовном processe // Студенческий научный электронный журнал StudArctic Forum. 2022. Т. 7. № 2. С. 100-102.
15. Суровая О.А. Организационно-правовые аспекты деятельности руководителя судебно-экспертной организации: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность. М., 2020. 210 с.
16. Третьяков А. Судебно-экспертная деятельность: как ее реформируют // <https://pravo.ru/story/244597/>.
17. Чарыков А.В., Вдовцов П.В. Новые поправки в УПК РФ о специалисте // Российский следователь, 2017. № 18. С. 45-48.
18. Юрьев С.С., Черная О.О. Деятельность адвоката в условиях юридических рисков // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 2 (33). С.13-19.
19. Юрьев С.С., Черная О.О. Юридические риски в аспекте социологической концепции «общества риска» // Вестник Московского государственного университета. Серия 11 (Право). 2014. № 6. С. 40-49.

Г.Г. ГОЛЬДИН, Л.О. ТЕРНОВАЯ

«Полиция нравов» – цивилизационные истоки и правовое обоснование

АННОТАЦИЯ. Авторы статьи предприняли попытку анализа сложной со многих точек зрения проблемы, которая связана с функционированием в разное время и в разных государствах структур, собирательно называемых «полицией нравов». В странах Запада их создание во многом было ответом не только на внутренний цивилизационный запрос в сбережении традиционных ценностей, а отразило геополитический смысл поиска врагов внутри собственной страны, для того чтобы усилить активность на внешнем фронте. В странах Востока подобные учреждения возникают для того, чтобы укрепить сплоченность социума, подчеркнув его культурно-конфессиональную идентичность. Ни одна, ни другая модель не может быть востребована в российских реалиях, а фрагментарность законодательства в сфере общественной нравственности отражает многообразие культурно-исторического опыта России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: традиционные ценности, цивилизационные основы, правопорядок, правосознание, общественная нравственность, полиция нравов.

ГОЛЬДИН ГЕННАДИЙ ГЛЕБОВИЧ – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры фундаментальной юриспруденции и международного права Российской академии адвокатуры и нотариата (РААН) (e-mail: avocats@yandex.ru);

ТЕРНОВАЯ ЛЮДМИЛА ОЛЕГОВНА – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ) (e-mail: 89166272569@mail.ru).

В дефиниции «полиция нравов» есть что-то пугающее. Однако при обращении к происхождению каждого из двух слов, составляющих данное понятие, неприязнь к его содержанию может быстро пройти. Известно, что истоком названия правоохранительной структуры «полиция» служит латинское слово «*politia*», восходящее не только к древнегреческому наименованию города-государства «полис» (др.-греч. *πόλις*), но и праиндоевропейскому обозначению «огороженного места», следовательно, территории охраняемой, оберегаемой. Что же касается термина «нрав», то в нем отчетливо видны праславянские истоки, характеризующие близость «норова» и «обычая». А обычай – это поведенческий стереотип, чаще всего доставшийся от предыдущих поколений и закрепляющий что-либо исключительно ценное для социума. На отличие нравственности от морали обращал внимание еще Гегель в «Философии права» (1821). Великий немецкий философ под-

черкивал, что нравственность непосредственно проявляется через семью, гражданское общество и государство¹.

Именно эта картина отпечаталась в сознании большинства людей. Осознание ценности перечисленных выше социальных институтов приводило в шоковое состояние читателей романа Джорджа Оруэлла «1984», где позитивные смыслы семьи, гражданского общества и государства переворачивались. В этом перевернутом мире оруэлловского тоталитарного государства Океания поиском и наказанием «мыслепреступников» занималась Полиция мыслей (англ. *Thought Police*)². Этот орган обладал широкой сетью агентов, следящих за обычными людьми. Еще страшнее было то, агенты Полиции мыслей фиксировали не только сами факты прегрешений, но даже их вероятность.

В таком извращенном виде некоего аналога полиции нравов, реально существующей в разных

1. Апресян Р.Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы / РАН. Ин-т философии. М.: ИФРАН, 1995.

2. Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет: сб. М.: Прогресс, 1989.

государствах Оруэлл, с одной стороны, образно предостерег от опасности гиперконтроля власти за гражданами. С другой стороны, писатель показал, что подобные формы надзора, разрушительные для институтов семьи, гражданского общества и государства, оказываются гораздо еще более деструктивными для ценностного мира людей. Защитить этот мир призваны как сами традиционные ценности, так и право, их охраняющее.

При безусловной важности сбережения традиционных ценностей, которые выступают носителями коллективной памяти семьи, общества, государства, представление о том, что они включают в свой состав, долгое время оставалось размытым. Причина этого лежала на поверхности: ценности всегда устремлены в будущее, они являются ориентирами в движении к нему. Россия после развала СССР оказалась в состоянии множества переходов социально-экономического, политического (включая геополитический), духовно-нравственного и иного порядков. В процессе перехода какие-то ориентиры просматриваются четко, но большинство целей теряется в тумане иллюзий, а также далеко не всем людям близка сама идея движения куда-то. Поэтому Указ Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» появился только в ноябре 2022 г.³ Вряд ли у кого-то возникают сомнения в том, что до этого момента российское общество пребывало в состоянии и социального, и ментального транзита. Неудивительно, что в данном документе набор традиционных ценностей очерчен предельно четко: «К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы,

крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России».

Обострение геополитической обстановки проявилось в ужесточении ценностного противостояния России и тех государств, которых стало принято обозначать как «коллективный Запад». Достаточно долгое время западный ценностный имидж воспринимался целостно и при этом без анализа реальной глубины укоренения отдельных фрагментов общей этической модели и ее правовой основы. Этому способствовала рекламная лакировка, исходящая еще от образа «града, сияющего на холме». В частности, так ее передавал президент США Рональд Рейган в обращении к нации 11 января 1989 г.: «Я говорил о сияющем городе всю свою политическую жизнь, но не знаю, правильно ли я передал то, что увидел, когда сказал это. Но в моем представлении это был высокий, гордый город, построенный на скалах сильнее океанов, продуваемый ветрами, благословенный Богом и изобилующий людьми всех мастей, живущими в гармонии и мире; город со свободными портами, наполненный коммерцией и творчеством. И если должны были быть городские стены, в стенах были двери, и двери были открыты для всех, у кого есть желание и сердце попасть сюда. Вот как я это видел и до сих пор вижу»⁴.

Что же касается западноевропейских государств и их ценностной модели, то лакмусовой бумажкой здесь вполне может служить активное распространение откровенно фашистских и фашистских, по образному выражению Умбрето Эко, режимов. Этот мыслитель в числе первого признака фашизма как раз выделял «культ традиции»⁵. В стремлении дистанцироваться от

3. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061>.

4. Farewell Address to the Nation. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/farewell-address-nation>.

5. Эко У. Вечный фашизм // Эко У. Пять эссе на темы этики / Пер. с итал. Е. Костюкович. СПб.: Симпозиум, 2000. С. 17. С. 12-20.

«коричневого» прошлого европейцы в борьбе за права человека допустили столь значительную долю свободы, что она стала ассоциироваться с «безнравственностью»⁶.

Это движение во многом напоминает качели. Если сейчас они находятся в точке, где вершиной нравственности считается не просто свобода, а свобода мнений и самовыражения, то в противоположном конце движения этих социально-правовых «качелей» было стремление не просто жестко контролировать общественные нравы, а иметь для этого специальный орган, который уполномочен не только надзирать за увеселительными заведениями, бороться с проституцией и половыми преступлениями, но и стоять на страже любых нарушений нравственности. Такие структуры во все времена и во всех странах занимали подчеркнuto охранительную позицию по отношению к традиционным институтам, прежде всего к семье, и, более того, они возникали на основании одобрения общества и прославляли свои усердия по поддержке государства.

О том, как подобные органы функционировали, можно судить по истории полиции нравов (англ. *morals squad*) в Соединенных Штатах Америки, созданной в исполнение программы, известной как «Американский план» (англ. *American Plan*)⁷. Эта программа по противодействию распространению ЗППП, по своим идеям во многом заимствованная у европейцев, была запущена одновременно с вхождением США в Первую мировую войну и превратилась в мощную кампанию по обнаружению внутренних врагов, коими в этом ракурсе назвались коварные разносчики половых заболеваний. Эту программу, усиливающую социальный контроль и переводящую ее в карательную правовую область, поддержали не только федеральные власти, включая представи-

телей либеральных кругов, в частности Элеонору Рузвельт⁸, местные власти, но и общественность. Несмотря на гендерно-нейтральные формулировки законов, составивших «Американский план», направлены они были в первую очередь против женщин. В круг неблагополучных гражданок США, подлежащих задержанию, входили: кто часто менял работу; обедали в ресторане в одиночку; проявляли «излишнее кокетство»; имели «вызывающий внешний вид»; общались с мужчинами, с которыми не состояли в браке; работали в сфере, сопряженной с более свободным поведением, например, в кафе официанткой; находились вблизи военных баз без рекомендательного письма и т.д. В случае задержания на основании обвинений в нарушении общественной нравственности подозреваемую отравляли на принудительную медицинскую экспертизу. Извинения невиновным не приносились, а тех женщин, у которых диагноз оказывался положительным, отправляли в больницы или специальные лагеря, где принудительное лечение осуществлялось самыми дикими методами. Даже редкие случаи сопротивления, когда обвиняемым, подобно девятнадцатилетней девушке Нине Маккол, удавалось благодаря судебным процедурам доказать поспраие своих прав, не трогали общественность⁹.

«Американский план» сформировал благоприятную правовую культуру, в которой не просто допустимыми, а поощряемыми стали и «охота ведьм» и «культура отмены». Еще трагичнее, что прецедентное американское законодательство не исключило законы из этой программы из современной правоприменительной практики. Они остаются действующими почти во всех штатах. Где-то в конце прошлого столетия эти законы даже получили новую жизнь, что было вызвано

6. Левинсон Л. Допустимый уровень «Безнравственности»: европейское право и традиционные ценности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 2(31). С. 213-232.

7. *America's Forgotten Mass Imprisonment of Women Believed to Be Sexually Immoral*. URL: <https://www.history.com/news/chamberlain-kahn-act-std-venereal-disease-imprisonment-women>.

8. Терновая Л.О. Элеонора Рузвельт: непростая судьба первой леди США // Государственная служба. 2002. № 4 (18). С. 154-159.

9. Stern S.W. *The Trials of Nina McCall: Sex, Surveillance, and the Decades-Long Government Plan to Imprison "Promiscuous" Women*. Kindle. Boston: Beacon Press, 2018.

опасениями американцев в широком распространении ВИЧ (вирус иммунодефицита человека). Естественно, в США возникло движение сопротивления этой карательной практике. Его активистками выступали радикальные феминистки, в частности писательница Андреа Рита Дворкин, известная книгами «Порнография: мужчины обладают женщинами» (англ. *Pornography: Men Possessing Women*)¹⁰ и «Половая связь» (англ. *Intercourse*). Также в рядах наиболее активных противниц «Американского плана» присутствовали работницы секс-индустрии, например, Марго Сент-Джеймс, одна из соучредителей правозащитной организации COYOTE (*Call Off Your Old Tired Ethics*). Их действия не были напрасными. Количество необоснованных задержаний женщин в США существенно сократилось.

Если в странах западной культуры с заметной трансформацией представлений о традиционных ценностях специальные отделы полиции, связанные с контролем нравственности, сосредотачивают усилия на расследовании преступлений на сексуальной почве или следят за тем, чтобы проституция не выходила за допустимые законом границы, то в государствах восточной традиции, в пакет, относящегося к безнравственному, включается все что не вписывается в сложившуюся ценностную модель¹¹. Противоречит нравственным нормам: употребление алкогольных напитков; нахождение в обществе в неподобающей одежде; конкубинат и просто сожительство без замужества и другие отступления от принятого и чаще всего закрепленного религиозными установлениями порядка. Следящий за подобными нарушениями нравственности орган может иметь самостоятельность, а может входить в состав других структур, он также способен вести не только открытые, но и тайные действия.

Чаще всего к созданию полиции нравов властей побуждают не столько внутренние обстоятельства, сколько внешняя напряженность, когда необходимо придать большую стойкость государственному кораблю во вражеском море. Тогда резко актуализируется задача не допустить подрывных акций внутри страны, а на полицию нравов возлагается миссия сплочения общества. К такой разновидности полиции нравов можно отнести тайную политическую полицию, существовавшую с 1911 по 1945 г. в Японии, Токубэцу кото кэйсацу («Особая высшая полиция»). У этой структуры также были наименования «Полиция общественной безопасности» (Тиан кэйсацу) и даже «Полиция мысли» (Сисо: кэйсацу)¹². В сферу надзора со стороны японской полиции нравов входили: предотвращение любых беспорядков; цензура; пресечение деятельности оппозиционных сил¹³. Кроме этого, этот орган расследовал уголовные дела и занимался контрразведкой. Но для последней в годы Второй мировой войны в Японии создали еще и подразделения военной полиции и Императорского флота – Токкэйтай («Специальный полицейский корпус»).

Закономерности, лежащие в основе формирования структур наподобие полиции нравов, работают и в наши дни. Где-то политические, правовые и религиозные причины действия полиции нравов очевидны, где-то они скрываются за общей достаточно закрытой культурой стран Востока. Но иногда работа полиции нравов превращается в возмутитель спокойствия. Так, это было осенью 2022 г., когда 22-летняя иранка Махса Амини скончалась в больнице после задержания и допроса сотрудниками Назидательного патруля Сил правопорядка Исламской Республики Иран (Гашт-э Эршад). Возмущение общественности не остановило офи-

¹⁰ Дворкин А. Порнография. Мужчины обладают женщинами // Введение в гендерные исследования ч. II: Хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков–СПб.: ХЦГИ–Алетейя, 2001. С. 201-213.

¹¹ Мокряков А. Назидательный патруль и Комитет по удержанию от пороков: как работает полиция нравов в разных странах // URL: <https://www.mentoday.ru/life/experience/nazidatelnyi-patrul-i-komitet-po-uderjaniyu-ot-porokov-kak-rabotaet-policiya-nravov-v-raznyh-stranah>.

¹² Hoyt E.P. Japan's War: The Great Pacific Conflict, 1853 – 1952. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, 2001. P. 113.

¹³ Beasley W.G. The Rise of Modern Japan. New York: St. Martin's Press, 1990. P. 184.

циальное заявление о том, что девушка умерла из-за остановки сердца. В стране начались массовые протесты, во главе которых стояли женщины, выражающие несогласие с политической властью, срывая хиджабы и отрезая волосы. Эти акции могли перерасти в «цветную революцию», но иранскому руководству удалось взять ситуацию под контроль, для этого даже допустив роспуск Назидательного патруля. Однако в этом государстве есть немало граждан, которых привлекает служба в полиции нравов, сотрудники которой облачены в форму, напоминающую военную, а сотрудницы женщины носят закрытые черные одеяния, своим примером показывая, какой должна быть иранка. А еще у иранской полиции нравов имеется несколько десятков тысяч добровольных помощников, что можно расценивать как своеобразный показатель наличия множества приверженцев традиционных ценностей.

Иран не единственное из исламских государств, где действуют полицейские структуры, в компетенцию которых входит предупреждение нравственных преступлений. Патрули полиции нравов работают в Саудовской Аравии. Правда, в этом королевстве они не имеют таких полномочий, как в Иране. Сотрудники этого подразделения – Комитета содействия добродетели и сопротивления пороку или Хайа («Комитет») – работают совместно с рядовыми полицейскими и часто в случае обнаружения нарушения не могут действовать без полиции. Основной формой наказания служит назидательная беседа, но в отдельных случаях, особенно при повторном нарушении, лицу, преступившему закон, может грозить штраф или даже тюремное заключение. Но законом за богохульство, атеизм, попытку смены религии предусмотрена смертная казнь. Наследным принцем Мухаммедом ибн Салманом аль Саудом в 2016 г. религиозная полиция была реформирована в рамках программы «Видение Саудовской Аравии 2030» (араб. رؤية السعودية 2030).

В Малайзии соблюдение норм нравственности

весьма строго контролируется Исламским религиозным департаментом федеральных территорий (JAWI). Но эта структура часто обвиняется в превышении полномочий, а также в стране существует рассогласование светских и шариатских законов.

В Афганистане в 1992 г. было учреждено Министерство по распространению добродетели и предотвращению порока. После свержения власти талибов оно было закрыто, но в сентябре 2021 г., когда власть опять оказалась в руках движения «Талибан», признанного Россией террористической организацией, эту структуру восстановили и придали ей достаточно широкие полномочия. В Судане, наоборот, Полицейская общественная служба появилась в 1993 г., но большинство суданцев ее не поддерживали, и после смены власти это политизированное ополчение было распущено.

Часто структуры, подобные полиции нравов, отражают этно-конфессиональную специфику отдельных регионов, поэтому работают они не на территории всего государства, а на отдельных территориях. Так, в Нигерии близкие к отмеченным выше надзирательные функции имеет Корпус «Аль-Хисба», однако, он действует только в штате Кано и имеет ограниченные полномочия на право задержания нарушителей и ношения сотрудниками смертельного оружия. Исламская религиозная полиция «Вилятул Хисба» отвечает за соблюдение законов шариата в индонезийской провинции Ачех. В секторе Газа за это же несет ответственность Комитет по пропаганде добродетели и предотвращению порока, де-факто входящий в состав полицейских сил правительства «Исламского движения сопротивления» (ХАМАС).

Понятно, что как в государствах Запада, так и Востока имеется свое понимание традиционных ценностей и на этом основании складываются не только внутренние порядки контроля их соблюдения, но и использования этических инструментов во внешнеполитических целях ¹⁴,

¹⁴ Терновая Л.О. К вопросу о роли этических ценностей в международных отношениях // Проблемы реформирования России и современный мир. Выпуск 6. М.: РАГС, 1997. С. 67-83.

чему, в частности, служит отмеченная выше программа «Видение Саудовской Аравии 2030». В этой связи Российской Федерации необходимо искать собственную модель того, каким образом ее цивилизационные особенности, отражающие глубокое уважение к традиционным ценностям, получают правовое закрепление. В законодательном поле современной России важнейшим сегментом, касающимся правового противодействия правонарушениям в сфере общественной нравственности, выступает административное законодательство, где ключевым нормативным правовым актом представляется Кодекс РФ об административных правонарушениях. При этом Уголовный кодекс РФ также служит правовым актом в сфере охраны общественной нравственности. Специалисты часто выражают озабочен-

ность отсутствием единой системы государственной политики в сфере общественной нравственности¹⁵. Однако фрагментарность, присущая федеральному законодательству, касающемуся правонарушений общественной нравственности, позволяет на практике учитывать многообразие этнокультурного и конфессионального ландшафта Российского государства. Поэтому к любым попыткам устранения имеющейся законодательной разрозненности надо относиться с большой осторожностью, потому что у всех многочисленных народов России есть единые подходы к пониманию нравственных императивов, выражаемых традиционными ценностями, а унификация любого их визуального проявления будет напоминать попытку уложить всех в «прокрустово ложе».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Апресян Р.Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы / РАН. Ин -т философии. М.: ИФРАН, 1995. 353 с.
2. Бучакова М.А., Дизер О.А. Категория нравственности как объект правового регулирования // Алтайский юридический вестник. 2017. № 2. С. 19-22.
3. Бучакова М.А, Дизер О.А. Совершенствование правового регулирования в сфере общественной нравственности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. Т. 25. № 4(83). С. 452-458.
4. Дворкин А. Порнография. Мужчины обладают женщинами // Введение в гендерные исследования ч. II: Хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков–СПб.: ХЦГИ–Алетейя, 2001. С. 201-213.
5. Дизер О.А. Содержание общественной нравственности как объекта административно-правовой защиты // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. ст. по мат-лам ежегодной всерос. науч.-практ. конф. (24 марта 2017 г.), посвященной 70-летию д-ра юрид. наук, проф., засл. деятеля науки РФ, засл. юриста РФ Аврутина Ю.Е.: в 3 т. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2017. С. 125-131.
6. Левинсон Л. Допустимый уровень «Безнравственности»: европейское право и традиционные ценности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 2(31). С. 213-232.
7. Мокряков А. Назидательный патруль и Комитет по удержанию от пороков: как работает полиция нравов в разных странах. URL:<https://www.mentoday.ru/life/experience/nazidatelnyi-patrul-i-komitet-po-uderjaniyu-ot-porokov-kak-rabotaet-policiya-nravov-v-raznyh-stranah>.
8. Оруэлл Дж. „1984“ и эссе разных лет: сб. М.: Прогресс, 1989. 384 с.
9. Терновая Л.О. К вопросу о роли этических ценностей в международных отношениях // Проблемы реформирования России и современный мир. Выпуск 6. М.: РАГС, 1997. С. 67-83.
10. Терновая Л.О. Элеонора Рузвельт: непростая судьба первой леди США // Государственная служба. 2002. № 4 (18). С. 154 – 159.
11. Эко У. Вечный фашизм // Эко У. Пять эссе на темы этики / Пер. с итал. Е. Косцюкович. СПб.: Симпозиум, 2000. С. 12-20.

¹⁵ Бучакова М.А., Дизер О.А. Категория нравственности как объект правового регулирования // Алтайский юридический вестник. 2017. № 2. С. 19-22; Бучакова М.А, Дизер О.А. Совершенствование правового регулирования в сфере общественной нравственности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. Т. 25. № 4(83). С. 452-458; Дизер О.А. Содержание общественной нравственности как объекта административно-правовой защиты // Актуальные проблемы административно-процессуального права: сб. ст. по мат-лам ежегодной всерос. науч.-практ. конф. (24 марта 2017 г.), посвященной 70-летию д-ра юрид. наук, проф., засл. деятеля науки РФ, засл. юриста РФ Аврутина Ю.Е.: в 3 т. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2017. С. 125-131.

12. America's Forgotten Mass Imprisonment of Women Believed to Be Sexually Immoral. URL:<https://www.history.com/news/chamberlain-kahn-act-std-venereal-disease-imprisonment-women>.
13. Beasley W.G. The Rise of Modern Japan. New York: St. Martin's Press, 1990. 308 p.
14. Farewell Address to the Nation // URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/farewell-address-nation>.
15. Hoyt E.P. Japan's War: The Great Pacific Conflict, 1853–1952. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, 2001. 514 p.
16. Stern S.W. The Trials of Nina McCall: Sex, Surveillance, and the Decades-Long Government Plan to Imprison "Promiscuous" Women Kindle. Boston: Beacon Press, 2018. 368 p.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Apresyan R.G. Ideya morali i bazovye normativno-eticheskie programmy / RAN. In -t filosofii. M.: IFRAN, 1995. 353 s.
2. Buchakova M.A., Dizer O.A. Kategoriya npravstvennosti kak ob"ekt pravovogo regulirovaniya // *Altajskij juridicheskij vestnik*. 2017. № 2. S. 19-22.
3. Buchakova M.A., Dizer O.A. Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya v sfere obshchestvennoj npravstvennosti // *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*. 2020. T. 25. № 4(83). S. 452-458.
4. Dvorkin A. Pornografiya. Muzhchiny obladayut zhenshchinami // *Vvedenie v gendernye issledovaniya CH*. II: *Hrestomatiya* / pod red. S.V. ZHerebkina. Har'kov–SPb.: HCGI–Aletejya, 2001. S. 201-213.
5. Dizer O.A. Soderzhanie obshchestvennoj npravstvennosti kak ob"ekta administrativno-pravovoj zashchity // *Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava: sb. st. po mat-lam ezhegodnoj vseros. nauch.-prakt. konf. (24 marta 2017 g.), posvyashchennoj 70-letiyu d-ra jurid. nauk, prof., zasl. deyatelya nauki RF, zasl. yurista RF Avrutina YU.E.: v 3 t. SPb.: Izd-vo SPb un-ta MVD Rossii, 2017. S. 125-131.*
6. Levinson L. Dopustimyj uroven' «Beznpravstvennosti»: evropejskoe pravo i tradicionnye cennosti // *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom*. 2013. № 2(31). S. 213-232.
7. Mokryakov A. Nazidatel'nyj patrol' i Komitet po uderzhaniyu ot porokov: kak rabotaet policiya npravov v raznyh stranah // URL: <https://www.mentoday.ru/life/experience/nazidatelnyj-patrol-i-komitet-po-uderjaniyu-ot-porokov-kak-rabotaet-policiya-npravov-v-raznyh-stranah>.
8. Oruell Dzh. „1984“ i esse raznyh let: sb. M.: Progress, 1989. 384 s.
9. Ternovaya L.O. K voprosu o roli eticheskikh cennostej v mezhdunarodnyh otnosheniyah // *Problemy reformirovaniya Rossii i sovremennyj mir*. Vypusk 6. M.: RAGS, 1997. S. 67-83.
10. Ternovaya L.O. Eleonora Ruzvel't: neprostaya sud'ba pervoj ledi SSHA // *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2002. № 4 (18). S. 154-159.
11. Eko U. Vechnyj fashizm // *Eko U. Pyat' esse na temy etiki* / Per. s ital. E. Kosstyukovich. SPb.: Simpozium, 2000. S. 12-20.

Н.Н. КОСАРЕНКО

Философско-правовые основы регулирования искусственного интеллекта

АННОТАЦИЯ. В статье обсуждаются некоторые философские проблемы, связанные с искусственным интеллектом. Основная философская проблема в области искусственного интеллекта – возможно ли смоделировать мышление человека. В данной статье автор рассматривает суть данной проблемы в области искусственного интеллекта. В статье подчеркивается важность методологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: общество, философия, государство, право, искусственный интеллект, сознание.

КОСАРЕНКО НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат философских наук, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (e-mail: Nkosarenko@yandex.ru).

Современное состояние теоретической научной мысли в условиях развития цифровой экономики характеризуется все возрастающим интересом многих философов к искусственному интеллекту. Философия, как известно, все свои проблемы черпает из жизни и решает их с единственной целью – помочь человеку совершенствоваться и выработать мировоззренческие установки, идеалы и ценности личности. При этом необходимо исходить из установки, что принципиально важно, – знание философии поможет выработать определенную жизненную позицию и позволит быстрее решать встающие перед человечеством общественные проблемы¹.

В теории философии мировоззрение рассматривается как «разнородные «блоки» знаний, убеждений, мыслей, чувств, настроений, стремлений, надежд, соединяясь в мировоззрении, представляют как более или менее целостное понимание людьми мира и самих себя»². Известный философ П.С. Гуревич, в частности, отмечает, что мировоззрение – это связанное, целостное, общее воззрение на мир, историю, человека. Следовательно, философия есть систематизированное мировоззрение³.

Дело в том, что основная задача философии – это не столько изучение окружающего нас мира,

а сколько его систематическое осмысление проблем человеческого общества и их решения. Мир, в котором мы сегодня живем, вступил в фазу глубоких коренных перемен, связанных с информационными технологиями, и в связи с этими переменами до неузнаваемости уже перестраивается и дальше будет перестраиваться весь уклад нашей жизни.

С точки зрения теории философии, необходимо осветить еще один вопрос, который при исследовании системы искусственного интеллекта вряд ли можно обойти. Это вопрос о методологии. Следует отметить, что в формировании научной картины мира кроме категорий важную роль играет и метод. Традиционно философы считают, что достичь какой-либо цели при исследовании можно только, используя такой инструмент, как метод.

Методология – это система принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе.

Таким образом, методологию в общей теории науки изучения искусственного интеллекта тоже следует представлять собой комплекс исторически сложившихся рациональных путей, способов и форм движения мышления от незнания к знанию, от явления к сущности, от гипотезы к истине.

1. Радугин А.А. Философия. М.: Изд-во «Центр», 1999. С. 11.

2. Введение в философию. Учебник для высших учебных заведений. М.: Политиздат, 1989. С. 23.

3. Гуревич П.С. Основы философии. М.: Кнорус, 2015. С. 57.

Однако многие философские проблемы не нашли единого решения, получили все же различные интерпретации в других новых теоретических системах, в частности, информационных технологиях. Сегодня философы осознают, что вырабатываемые в науке методы должны быть универсальными, то есть применимыми и к познанию любых предметов, в том числе и искусственного интеллекта, и к действию в любых ситуациях.

Следовательно, необходимо понимать, что общее между всеми этими предметами и ситуациями всегда только одно – это одновременно и субъект познания, и субъект деятельности. Поэтому, выстраивая свою методологию, философия обязательно остается в рамках субъекта, причем субъекта обобщенного, универсального, трансцендентального.

Историю развития человеческого общества необходимо рассматривать как единый всемирный процесс. Следовательно, можно утверждать, что общество – это не просто совокупность людей, это люди, объединенные между собой сознанием, что у них есть постоянные общие потребности и интересы, которые могут быть удовлетворены только их совместными усилиями.

Общество есть феномен исторический. В широком смысле общество – значит совокупность людей, объединенных исторически обусловленными социальными формами совместной жизни и деятельности. Есть веские основания полагать, что в данном случае общество существует, функционирует и развивается лишь при условии социального взаимодействия между его членами. Впрочем, для понимания сущности общества необходимо обратить внимание на характеристику общества профессором В.М. Сырых, который писал: «Человеческое общество является особой ступенью в развитии природы и животного мира»⁴.

В современной научной литературе обоснован

взгляд на общество как на целостный социальный организм – органичную систему⁵.

Таким образом, можно сделать важный вывод, что развитие общества – закономерный исторический процесс. Жизнь общества – это не хаотическое нагромождение случайностей, а упорядоченная организованная система, подчиняющаяся конкретным законам функционирования и развития. Однако не надо представлять дело так, будто история развития вне и помимо деятельности человека.

В «Большой советской энциклопедии» (М., 1974г.) в томе 18 дано понятие «общество», поясняющее смысл этой категории, – это «совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей».

Жизненной основой общества является труд, трудовая деятельность людей. Труд – вот основа общественной жизни. Без трудовой деятельности общество не могло бы ни возникнуть, ни существовать. Такую сжатую характеристику сути понимания общества дал известный философ А.Г. Спиркин в своей книге «Основы философии». По его мнению, «совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»⁶.

Теории социальной философии свойственна биполярность: одним полюсом ее есть знание, а другим полюсом является деятельность, направленная на поиск новых знаний. Именно это, по мнению известного философа А.Г. Спиркина, делает социальную философию методом (методологией), направляющим и организующим исследовательский поиск.

Отношения во всех сферах общественной жизни регулируются государством с помощью особых законов и подзаконных актов.

4. Сырых В.М. Теория государства и права. М.: Былина, 1998. С. 79.

5. Алексеев С.С. Теория права. М.: Бек, 1995.

6. Спиркин А.Г. Основы философии. М.: Политиздат, 1988. С. 335.

Право – сложный общественный феномен. На протяжении ни одного столетия научный интерес к праву не ослабевает.

Регулирующее воздействие норм права на жизнь людей – неперенный атрибут цивилизационного общества. Роль права в жизни общества невозможно понять без уяснения их сущности, а также тех социальных явлений, которые скрываются за государственно-правовыми категориями⁷.

Исторический процесс развития техники включает три основных этапа: орудия ручного труда, машины, автоматы. Важнейшим фактором развития общества выступает научно-технический прогресс. Длительное время развитие науки и техники шло относительно медленно. Начало научно-технического прогресса датируется XVI-XVIII вв.

Наиболее интенсивно проблема социального регулирования и социального управления встала перед обществом в связи с развитием кибернетики, которая рассматривает два взаимосвязанных между собой понятия – информация и управление. Именно здесь ученые увидели первые ростки искусственного интеллекта.

Для понимания сущности искусственного интеллекта важно понимание роли информации. *Информация* – это сведения о лицах, предметах, явлениях и процессах независимо от формы их представления. Поэтому информация, бесспорно, играет важную роль в развитии искусственного интеллекта в связи с ее все возрастающим объемом. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» регулирует отношения, возникающие при осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации; применении информационных технологий и обеспечении защиты информации.

Следовательно, мы можем говорить о том, что информация предполагает сбор сведений о лицах,

предметах, явлениях и процессах независимо от формы их представления. А данный процесс, направленный на сбор этой информации, осуществляется целенаправленно с помощью информационных технологий.

Объемы информации в обществе значительно выросли и будут продолжать увеличиваться, а вот готов ли мозг человека ее воспринимать? Дать точный ответ на этот вопрос сможет только время.

Социальная информация есть прежде всего смысловая информация. Информация существенно меняет в обществе и жизнь самого человека, его деятельность. Социальная информация, как считает известный философ А.Г. Спиркин, обусловлена потребностями и интересами индивидов, социальных групп в процессе материальной и духовной жизни человека в обществе⁸.

Общеизвестно, что автором самого термина «искусственный интеллект» (Artificial Intelligence) является Джон Маккарти, который писал: «Проблема состоит в том, что пока мы не можем в целом определить, какие вычислительные процедуры мы хотим называть интеллектуальными. Мы понимаем некоторые механизмы интеллекта и не понимаем остальные. Поэтому под интеллектом в пределах этой науки понимается только вычислительная составляющая способности достигать целей в мире»⁹.

Сегодня роль ученых, и прежде всего философов, социологов и правоведов, определяется той гражданской ответственностью за современное развитие искусственного интеллекта в общественной теории, потому что именно она целенаправленно формирует в общественном сознании людей картину социальной реальности, связанной с развитием цифровой экономики и новых информационных технологий.

По мнению некоторых ученых, методология в науке ориентирует исследователя как субъекта не на результат, а на сам процесс мышления о пред-

7. Теория государства и права: учебник. Под ред. А.В. Малько. -М.: Кнорус, 2022. С. 110.

8. Спиркин А.Г. Основы философии. М.: Политиздат, 1988. С. 380.

9. McCarthy J. What is Artificial Intelligence? Computer Science Department. Stanford University. November 12, 2007. Available at: <http://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai/whatisai.html> (In Eng.).

мете исследования. Нет сомнения в том, философия является теоретико-мировоззренческим и методологическим ядром в системе всеобщих методов познания бытия и уже в силу этого не охватывает методологию полностью, поскольку последняя включает в себя и нефилософскую часть. Философские общенаучные понятия и категории выполняют методологические функции в научном познании — такова точка зрения на данную проблему профессора права Д.А. Керимова¹⁰.

Конечно, необходимо признать, что общенаучные положения обретают новое дыхание и вторую жизнь в гносеологическом качестве в виде методологии познания. Итак, можно сделать вывод, методология философии, бесспорно, оказывает влияние на все специальные науки, включая осмысление проблем искусственного интеллекта. Правда, они в данной сфере выступают как относительно самостоятельные при исследовании объектов искусственного интеллекта. И последнее, содержание фундаментальных проблем в этой сфере имеет в своей основе философское значение.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля категория «познание» поясняется как «сведения, знания, опытность и ученость, все, что человек знает научного». В Кратком философском словаре «познание» определено через термин «знание» — это «проверенный общественно-исторический практикой и удостоверенный логикой результат процесса познания действительности, адекватное ее отражение в сознании человека в виде представлений, понятий, суждений, теорий»¹¹. Познание может быть эмпирическим и теоретическим, основано на чувственном и рациональном восприятии мира.

Наука об искусственном интеллекте как способность компьютера обучаться, принимать решения и выполнять действия, свойственные человеческому интеллекту, поэтому он возник и в своей основе тесно связан с естественным интеллектом. В этой связи возникает вопрос: может ли интел-

лект создать свое подобие, если он не в полной мере понимает собственное устройство?

Конечно, может, т.к. стремление к искусственному воспроизводству «своего образа и подобия» — одно из важных качеств развивающегося интеллекта. Можно ли надеяться на полное совпадение свойств «искусственного интеллекта» и «естественного интеллекта»? Нет, ибо такой результат будет рассматриваться как уровень творчества надсистемы.

Мир вне сознания представлен в сознании субъективными информационными образами, причем сознание оперирует информацией в «чистом виде», не ощущая носителя информации. По мысли Д.И. Дубровского, сознание существует не само по себе, а только является свойством человеческого организма, то его нельзя рассматривать отдельно от всего человека как системы, которого, в свою очередь, нельзя рассматривать вне среды его обитания. Точно так же нельзя рассматривать отдельно от сознания и интеллект — часть сознания.

Можно ли создать «настоящий» искусственный интеллект вне искусственного сознания? Прямо скажем, ответ на этот вопрос пока неоднозначен. Вероятнее всего — нет хотя бы потому, что сознание тесно связано с подсознанием, которое искусственно создать невозможно. Значит ли это, что все наше искусственное принципиально не полно и не может быть иным? Да, и с этим надо смириться.

Наиболее целесообразной, можно смело говорить, концептуальной основой для создания искусственного интеллекта представляет собой информационно-синергетический подход, согласно которому сознание — сложная (открытая нелинейная самоорганизующаяся) система, основным системообразующим элементом которой является информация¹².

Очевидно, что без ясного понимания сущности понятий (категорий) «информация» и «самоорганизация» (отдельно и в их взаимосвязи) трудно

¹⁰ Керимов Д.А. Методология права. М., 2001. С. 25.

¹¹ Краткий философский словарь. М.: Проспект, 2006. С. 292.

надеяться на проникновение в «физику» естественного сознания и успешность создания сознания искусственного. Логические взаимосвязанные и постепенно эволюционирующие в процессе изложения результаты поиска такого понимания, позволившие сформировать систему философско-инженерных принципов построения и функционирования сознания как сложной системы.

Поскольку искусственный интеллект является одной из искусственных информационных систем, то логично предположить, что в когнитивном отношении он представляет собой порождение естественных информационных систем, имманентно присущих человеку как биологическому виду *Homo Sapiens*.

Таким образом, все естественные информационные системы человека объединены с искусственным интеллектом общим когнитивным основанием – информацией как результатом и квинтэссенцией процесса познания, а потому между ними возможны как непосредственные, так и опосредованные когнитивные отношения.

Важную роль в формировании современного подхода к развитию искусственного интеллекта в современном мире, бесспорно, играет философия. Приступая к исследованию вопросов искусственного интеллекта, необходимо рассмотреть теоретические аспекты его философского познания и осмыслить междисциплинарный характер системы искусственного интеллекта.

Оценивая научное значение искусственного

интеллекта в общественной жизни, его методы в цифровой экономике, стоит отметить, что прогресс нашего общества в настоящее время возможен только на путях ускорения развития искусственного интеллекта. Логика поступательного движения нашего общества настоятельно требует активного развития цифровой экономики, и в первую очередь искусственного интеллекта во всех сферах экономики. Для этого необходима перестройка в психологии, в мышлении людей, их сознании, без чего невозможна активизация человеческого фактора. Именно поэтому значение философии заключается в том, что она дает верное отражение действительности, в частности, в сфере искусственного интеллекта. В этом, на наш взгляд, и состоит роль философии в жизни человека. В действительности же философия, ее сущность определяется как «любовь к мудрости». В действительности же философия определяет сам научный подход к исследованию проблем искусственного интеллекта и главное – указывает пути к достижению истины, ведь философия в современных обществах рассматривается одной из форм общественного сознания.

Исследователи в области изучения искусственного интеллекта выделили аспект, который показывает, что деятельность самого человека осуществляется с помощью его естественного интеллекта. Но при этом нельзя забывать про роль человека в этом процессе, понимать то, что в основе этой деятельности лежит естественный интеллект.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гуревич П.С. Основы философии. М.: Кнорус, 2015. С. 57.
2. Спиркин А.Г. Основы философии. М.: Политиздат, 1988. С. 380.
3. Теория государства и права: учебник / под ред. А.В. Малько. М.: Кнорус, 2022. С. 110.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Gurevich P.S. Osnovy filosofii. M.: Knorus, 2015. S. 57.
2. Spirkin A.G. Osnovy filosofii. M.: Politizdat, 1988. S. 380.
3. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / pod red. A.V. Mal'ko. – M.: Knorus, 2022. S. 110.

¹² Бугаков И.А. Информация: появление, существование и восприятие. // «Датчики и Системы», часть 1. 2001. № 2, С. 41-47; часть 2. 2001. № 3. С. 61-68.

Р.А. СТРАХОВ, Б.В. ШАГИЕВ

Динамическая стабильность законодательства: показатели и цели

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается термин «динамическая стабильность» законодательства. Обозначены его основные характеристики, указаны показатели и цели такой динамической стабильности. Авторы старались обосновать ее неизбежность для здоровой государственной системы, которая способна оперативно реагировать на внешние изменения, сохраняя способность к стабилизации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: динамическая стабильность законодательства, правовая система, динамизм законодательства, стабильность законодательства, правотворчество.

СТРАХОВ РОМАН АЛЕКСЕЕВИЧ – аспирант 3-го курса очной формы обучения Российской академии адвокатуры и нотариата (НОУ ОВО «ПАН») (e-mail: roman-strakhov@mail.ru).

ШАГИЕВ БУЛАТ ВАСИЛОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры фундаментальной юриспруденции и международного права НОУ ОВО «ПАН» (e-mail: la150762@list.ru).

Развитие законодательства невозможно без гармонизации двух устойчивых признаков: стабильность и динамизм. Исследование стабильности законодательства – важный аспект науки о праве как таковом, но без динамизма оно не будет существовать. Стабильность всегда противопоставляется нестабильности, в этом противопоставлении оформляются показатели и цели такой стабильности. При этом динамика развития общественных отношений не может не влиять на развитие права, ведь тогда оно не будет отвечать запросам различных стадий развития общества. В этом смысле неотъемлемой чертой устойчивой правовой системы является непрерывный процесс правотворчества, и, конечно, ему тоже должна быть свойственна определенная стабильность.

По существу термина «динамическая стабильность» необходимо указать, что в российской юридической науке часто определяют как основные две характеристики законодательства: динамизм и стабильность. Полагаем, важно признать данные характеристики в качестве одной общей нормы существования законодательства вообще, основными качествами которого должны являться эффективность, устойчивость соблюдения важнейших прав и свобод, оперативное реагирование на ситуацию и устойчивая иерархичность при принятии и испол-

нении норм права. В этих целях нами используется данный авторский термин.

В отечественной юридической литературе одно из интереснейших исследований изложено в коллективной монографии «Концепция стабильности закона» под руководством В.П. Казимирчука (С.В. Поленина, Ю.А. Тихомиров, В.Б. Исаков, Н.В. Варламова и др.)¹. В работе были рассмотрены и определены многие краеугольные понятия: стабильность закона и условия ее достижения, правовые основы стабильности законодательства, также содержится количественная, актуальная на момент исследования, оценка стабильности российского законодательства. Интересно, что при определении стабильности закона авторы рассматривают такой показатель, как устойчивая эффективность при решении поставленных при разработке данного закона задач. Однако мы должны учитывать фактор динамизма, задачи меняются – должен поменяться и закон? Получается, что система должна генерировать форму некоего «идеального закона», который бы удовлетворял всем возможным требованиям, что представляется весьма сомнительным. Либо система должна постоянно менять законы, делая их «концентратом» конкретной ситуации? Тогда где же стабильность?

Полагаем, свойство эффективности можно отне-

¹ Концепция стабильности закона / под ред. В.П. Казимирчука. М.: Проспект, 2000.

сти ко всему законодательству, потому при рассмотрении динамической стабильности законодательства стабильность необходимо искать в его целях: в первую очередь, защите основных прав и свобод и отсутствии долгих и приводящих к системным сбоям правовых пробелах. Следовательно, законодательство стабильно, когда общественные отношения, имеющиеся и спонтанно обстоятельством возникающие, могут быть разрешены применением правовых норм либо оперативным легитимным их изменением в короткие сроки. На наш взгляд, при этом процессе стабильность отнесена в сферу сохранения и безусловного гарантирования основных прав и свобод человека и гражданина в государстве, иерархию уровней законодательной и исполнительной власти. Следовательно, показатель стабильности, основной и важнейший, — стабильность высшего уровня законных актов, в первую очередь Основного закона Российской Федерации — Конституции Российской Федерации и его неукоснительного исполнения.

При этом динамическая стабильность в данном случае как важнейший элемент законодательства должна реализовываться в понятных и ясно очерченных полномочиях элементов законодательной власти, способных оперативно реагировать на общественные изменения путем законодательных инициатив на других уровнях законодательства. Безусловно, данный аспект — взаимодействие элементов законодательной власти — проблемный аспект в современной законодательной системе Российской Федерации.

На тему наличия проблем в системе сдержек и противовесов, коей и является система органов власти, написано достаточно много. Это и безусловное влияние верхнего уровня власти на Государственную думу, Верховный суд, которое должно быть меньше для объективности процессов, и политизация решений, которая, вероятно, оправдана в текущей геополитической и экономической ситуации, и наличие противоречий в системе федерального и субъектного законодательства, и нарушение сроков рассмотрения и принятия нормативных актов, введения в силу положений нормативных актов и т.д. Все это характерно не только для российского законодательства, все это — динамизм системы принятия решений и

динамизм законодательства как явления. Однако необходимо упорядочивание этого явления в процесс, необходимо четкое регулирование моделей принятия решений и нормативных правовых актов, устранение причин «затягивания» реализации существующей модели.

Итак, в качестве показателей динамической стабильности можно выделить следующие:

- стабильность и незначительная динамика верхнего законодательного уровня (Конституция Российской Федерации, Федеральные конституционные законы);
- прозрачные и максимально очерченные рамки и полномочия разных уровней законодательной власти;
- система контроля (надзора) на всех уровнях власти, выстроенная по принципу однозначности;
- предусмотренные механизмы оперативного реагирования на изменение ситуации, понятность этих механизмов для всех участников правовых отношений;
- максимальное сохранение стабильности в стабильной ситуации и оперативное динамическое реформирование при необходимости с использованием понятных механизмов.

Отсюда мы можем выявить насущные цели динамической стабильности законодательства, первой из которых, полагаем, является ревизия в целях прозрачности и однозначности норм закона и их применения. В целях такой ревизии, упорядочивания сейчас происходят многие важные мероприятия в законодательной сфере.

В первую очередь они, как и должны, охватывают сферы наиболее частых правонарушений, «нащупывают» свою превентивную функцию. Например, активно реформируется Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, который становится более конкретным, более четко разводится с Уголовным кодексом Российской Федерации, фактически — более однозначно и понятно для всех участников правовых отношений выстраивается система понятия и сущности административно-деликтного запрета, делаются шаги в сторону обеспечения его функции как защитной, а не как средства экономического пополнения бюджета разных уровней. Многие исследователи активно

ратовали за такие процессы, потому важно отметить, что законодательная власть активно прислушивается к научным концепциям².

Кроме того, процессы изменений коснулись и сферы трудовых отношений, где превентивная функция становится все больше реализована в системе мер контроля и надзора: введено понятие профилактического визита³, самоконтроль работодателем исполнения норм трудового законодательства и иных правовых актов, содержащих нормы трудового права, определяются детализированные критерии нарушений. Для всех сфер контроля и надзора формируется единый реестр требований, упрощаются и систематизируются документарные основания деятельности и др. Это и есть процессы динамической стабилизации ситуации, которые, в первую очередь, направлены на прозрачность.

Вторая цель динамической стабильности — инвариантность законотворческих процессов. Сегодня также усилия законодателя направлены на сохранение стабильной схемы утверждения принимаемых норм. Ввиду особых обстоятельств данные схемы могут нарушаться в целях необходимости быстрого принятия эффективных решений, но в целом основным вектором в данном направлении должна стать та самая динамическая стабильность, закрепленная в понятности целей принимаемых решений и всех необходимых согласованиях.

Третья цель динамической стабильности законодательства, на наш взгляд, заключается в его актуальности. Процесс актуализации — правотворчества

должен опираться на постоянный анализ ситуации и общественного мнения, гарантии возможности изменений в случае необходимости, гарантии позиции власти «лицом» к участнику правоотношений в целях возможности экономического роста отдельного субъекта правоотношений и, следовательно, экономики государства вообще. Актуальность законодательства сегодня также во главе угла во многих сферах: в качестве оценочного и контрольного органа при органах власти сформированы общественные советы⁴, выстраивается система гарантированности рассмотрения обращений и жалоб субъектов правоотношений на всех уровнях власти, модернизируется судебная система в целях упрощений процедур и др. В этом процессе актуализации никуда без стратегического планирования и процесса юридического прогнозирования, при этом при явных тенденциях к стратегическому планированию, в части юридического прогнозирования сейчас делается крайне мало⁵.

Очень многое необходимо сделать и уже делается масштабно в целях актуализации законодательства в целях сферах общественных отношений. Например, огромная работа проводится МВД России по введению электронных реестров иностранных работников и работодателей⁶, использующих труд иностранных работников, в связи с чем изменения также планируется ввести в Трудовой кодекс Российской Федерации. В связи с этими запланированными процессами подключаются и органы ФСС России, и миграционная служба, и прочие заинтересованные

2. Рогачева О.С. Эффективность норм административно-деликтного права: дисс.... докт. юрид. наук. Воронеж, 2012. 580 с.; Попугаев Ю.И. Теоретико-прикладные проблемы законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях. дисс. ... докт. юрид. наук. Москва, 2020 – 390 с., Шергин А.П. Административная деликтолизация // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции (Сорокинские чтения) от 24 марта 2017 года: в 3-х частях. ч. II. СПб: Изд-во СПб ун-та МВД России. 2017.; и др.

3. Профилактический визит сейчас входит в перечень перечисленных в ч. 1 ст. 45 Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» семи видов профилактических мероприятий, которые могут проводить контрольные (надзорные) органы, он необходим в числе мероприятий, проведение которых является обязательным при осуществлении государственного контроля (надзора) (ч. 2 ст. 45 Закона № 248-ФЗ).

4. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // URL: www.pravo.gov.ru.

5. Агамиров К.В. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования Российской правовой системы // Журнал российского права. 2018. №8 (260). С. 25-36.

6. В данный момент активную стадию рассмотрения проходит проект федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства», а также сопутствующий проект федерального закона по внесению изменений в статьи 327.2 ТК РФ.

инстанции. Процедуры найма, документообеспечения этого процесса и регламентации деятельности в результате данных изменений будут упрощены, централизованы и, как следствие, прозрачны. Естественно, такие масштабные процессы — не процессы одного дня, однако результат при успешности этих процессов — залог процедурной прозрачности власти в регуляции целой сферы экономики.

Еще одна основная цель динамической стабильности законодательства связана как раз со стабильностью системы. На наш взгляд, необходимо конкретизированно обозначить все уровни принятия решений и уровни власти и обеспечить их стабильность. В этих целях принят Закон Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной вла-

сти». Стабильность публичной власти — это залог доверия граждан к тем изменениям, которые происходят в ходе динамических процессов. Потому при стабильной законодательной власти возможность реагирования и эффективного устранения правовых пробелов гораздо выше.

В целом динамическая стабильность законодательства, на наш взгляд, — это важнейший фактор развития любого государства, залог его стабилизации в негативных обстоятельствах законодательными механизмами и динамики развития относительно других экономических систем. Упрощая, можно сказать, что, принимая во внимание экономические «штормы», динамическая стабильность — это умение двигаться к намеченным целям быстро, но с определенной достаточно стабильной скоростью во избежание сильнейших «аварий» и потрясений на всех уровнях государственности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агамиров К.В. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования Российской правовой системы // Журнал российского права. 2018. №8 (260). С. 25-36.
2. Залоило М.В. Стратегическое планирование в обеспечении эффективности правотворчества // Журнал российского права. 2018. № 4 (256). С. 43-53.
3. Концепция стабильности закона / под ред. В.П. Казимирчука. М.: Проспект, 2000. 175 с.
4. Мещерякова А.В. Проблема эффективности законодательства // Общество: политика, экономика, право. 2018. №10 (63). С.63-68.
5. Попугаев Ю.И. Теоретико-прикладные проблемы законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях: дис. ... докт. юрид. наук. Москва, 2020. 390 с.
6. Рогачева О.С. Эффективность норм административно-деликтного права: дис. ... докт. юрид. наук. Воронеж, 2012. 580 с.,
7. Шергин А.П. Административная деликтолизация // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции (Сорокинские чтения) от 24 марта 2017 года: в 3-х частях. ч. II. СПб: Изд-во СПб ун-та МВД России. 2017. С.7-15.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Agamirov K. V. Juridicheskoe prognozirovanie kak faktor sovershenstvovaniya Rossijskoj pravovoj sistemy // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. №8 (260). S. 25-36.
2. Zaloilo M.V. Strategicheskoe planirovanie v obespechenii jeffektivnosti pravotvorchestva // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 4 (256). S.43-53.
3. Konceptija stabil'nosti zakona / pod red. V.P. Kazimirchuka. M.: «Prospekt», 2000.
4. Meshherjakova A.V. Problema jeffektivnosti zakonodatel'stva // Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo. 2018. №10 (63). S.63-68.
5. Popugaev Ju.I. Teoretiko-prikladnye problemy zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarushenijah: dis. ... dokt. jurid. nauk. Moskva, 2020. 390 s.
6. Rogacheva O.S. Jeffektivnost' norm administrativno-deliktnogo prava: dis. ... dokt. jurid. nauk. Voronezh, 2012. 580 s.
7. Shergin A.P. Administrativnaja deliktolizacija // Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava: materialy ezhegodnoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Sorokinskie chtenija) ot 24 marta 2017 goda: v 3-h chastjah. Ch. II. SPb: Izd-vo SPb un-ta MVD Rossii. 2017. S. 7-15.

А.А. РОЖНОВ

Правовое положение православной Церкви и духовенства в царствование Императора Николая I

АННОТАЦИЯ. В статье дается характеристика правового положения Русской Православной Церкви и представителей белого и черного духовенства во второй четверти XIX в., в период правления Императора Николая I. Данная проблематика представляет не только несомненный теоретико-познавательный интерес, но и имеет бесспорную практическую значимость в целях выработки оптимальной модели взаимоотношений между государством и Церковью на современном этапе. Юридические, а не общеисторические аспекты взаимодействия государства и Церкви в императорский период отечественной истории требуют дальнейшего более тщательного исследования, поэтому их углубленное изучение относится к числу приоритетных задач историко-правовой науки. В статье рассматриваются такие вопросы, как организация управления Церковью на синодальном и епархиальном уровнях, правовое положение приходского духовенства и монашества, имущественные права монастырей, архиерейских домов и церквей. Также говорится о политике государства в отношении иноверцев, инославных и раскольников. В итоге в работе в сжатом виде дается характеристика всех ключевых юридических аспектов взаимоотношений между государством и Церковью в период правления Императора Николая I, что может служить основой для дальнейших научных изысканий в данной сфере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история Русской Православной Церкви, духовенство, монашество, Синод, история русского права, Устав духовных консисторий.

РОЖНОВ АРТЕМИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – доктор юридических наук, доцент, профессор Департамента международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (e-mail: roartan@mail.ru).

Происходивший в царствование Императора Николая Павловича процесс жесткой централизации и максимальной бюрократизации всех звеньев управления не обошел стороной и Церковь. В анализируемый период Церковь окончательно превратилась в ведомство православного исповедания, а Синод с обер-прокуратурой – в полноценное министерство по управлению делами православной Церкви. При этом центральной фигурой в данном ведомстве являлся обер-прокурор Синода, а сам Синод фактически трансформировался лишь в своего рода коллегия при нем. Представители же духовенства рассматривались как лица, которые несли одновременно и общественную, и государственную службу.

Обер-прокурор Синода осуществлял надзор за исполнением законодательства, касавшегося духовного ведомства, направлял и контролировал его деятельность, представлял синодские

доклады Государю и объявлял Синоду монаршие повеления, обеспечивал взаимодействие Синода с другими высшими государственными органами, являлся главным начальником всех гражданских чиновников, служивших в духовном ведомстве, и т. д. С 1835 г. обер-прокурор присутствовал на заседаниях Государственного совета и Комитета министров при рассмотрении ими церковных вопросов. В дополнение к канцелярии Синода, находившейся в подчинении обер-прокурора, в 1836 г. была образована отдельная канцелярия обер-прокурора, и многие синодские дела стали проходить через обе эти канцелярии, которые, по сути, представляли собой министерские департаменты. Власть обер-прокурора также усилилась за счет преобразования комиссии духовных училищ в духовно-учебное управление и учреждения хозяйственного управления, которые были подчинены непосредственно обер-прокуро-

ру. В своей совокупности полномочия обер-прокурора Синода были настолько широки, что «из чиновника, только контролирующего ведение синодальных дел со стороны юридической правильности и соблюдения интересов государства, как это было предусмотрено в петровской Инструкции, обер-прокурор стал полномочным министром, ответственным перед императором не только за соблюдение юридической формы в деятельности Синода, но и по существу»¹.

Не менее значительные перемены имели место в рассматриваемый период и в организации местного церковного управления.

Начатый еще при Екатерине II процесс изменения территорий епархий с тем, чтобы они соответствовали губерниям, был практически завершен в царствование Николая I. Вследствие совпадения границ епархий и губерний епархиальные архиереи оказались еще более тесно связанными с губернаторами и фактически являлись их помощниками по церковным делам. Важнейшим событием в сфере церковного устройства и управления на местах стало издание в 1841 г. Устава духовных консисторий². Он представлял собой обширный, состоявший из 368 статей епархиальный регламент, в котором подробно освещались такие вопросы, как понятие и состав духовной консистории, правовые основы ее функционирования, взаимодействие консистории с Синодом и подчиненными ей органами и лицами, порядок деятельности и делопроизводства консистории, задачи и функции епархиального управления, назначение, увольнение и деятельность духовенства, устройство приходов, заведование церковным имуществом и финансами. Отдельный раздел устава был посвящен епархиальному суду, определяя категории

подсудных ему дел и лиц и регулируя порядок епархиального судопроизводства. Устав духовных консисторий базировался на нормах Духовного регламента и многочисленных указах, касавшихся епархиального устройства и управления. Духовная консистория являлась присутственным местом, посредством которого под руководством епархиального архиерея осуществлялись управление и духовный суд в епархии. Консистория вместе с архиереем находилась в подчинении Синода и действовала через подведомственные им органы и лиц (духовные правления³, благочинных и др.). Присутствие духовной консистории состояло из 5–7 монашествующих и священнослужителей, которые утверждались и увольнялись Синодом по представлению епархиального архиерея. Также членом консистории являлся по должности ректор духовной академии или семинарии. При необходимости Синод мог в дополнение к указанному непременным членам консистории утвердить еще 3–4 присутствующих. В столичных духовных консисториях имелись два постоянных присутствия. Решения консистории принимались по возможности единогласно либо большинством голосов и затем представлялись на усмотрение епархиального архиерея, который, не будучи связан мнением консистории, имел решающий голос. Делопроизводством консистории занималась канцелярия во главе с секретарем (из светских чиновников). Он назначался и увольнялся Синодом по представлению обер-прокурора, а прочие сотрудники канцелярии — самой консисторией с утверждением епархиальным архиереем. Секретарь находился в двойном подчинении: как епархиальному архиерею, так и обер-прокурору Синода. Подведомственные духовной консистории дела распределялись

1. Цыпин В., протоиерей. Каноническое право. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. С. 439-440.

2. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. 1842. Т. 16. Отд. 1. № 14409.

3. Духовные правления представляли собой низшие административные и судебные органы, которые действовали в некоторых уездных городах под руководством епархиальных архиереев и духовных консисторий и состояли из назначенных архиереем священников под председательством уездного протопопа. Во второй половине XIX в. оставшиеся духовные правления почти повсеместно были упразднены.

епархиальным архиереем по отделениям и столам и производились под наблюдением соответствующих членов консистории.

Внешнее устройство духовной консистории и распорядок ее деятельности были почти такими же, как и в других губернских присутственных местах. Епархиальный архиерей в установленные сроки представлял необходимые сведения и ведомости в Синод, а секретарь консистории – обер-прокурору.

Епархиальный архиерей и духовная консистория заведовали всеми церковно-религиозными делами на территории епархии: охраняли и распространяли православную веру, боролись с расколами, ересями, суевериями и отпадениями от Православия, следили за соблюдением порядка богослужения и церковного благочиния, занимались строительством церквей и организацией церковных училищ, управляли церковным хозяйством, ведали назначением и смещением клириков и т. д.

Устав духовных консисторий подтвердил введенный в последней четверти XVIII в. порядок назначения благочинных епархиальными архиереями вместо прежнего их избрания приходским духовенством из своей среды и установил, что благочинный назначался из приходских настоятелей в сане протоиерея или, реже, священника. Благочиннический округ включал от 10 до 30 приходов, при этом если приходов было более 15, то благочинному давался помощник. В порядке осуществления надзора за подведомственными ему приходами благочинный объезжал свой округ, проверял метрические книги и прочую церковную документацию, выявлял распространителей суеверий, расколоучителей и раскольников, ежегодно представлял епархиальному архиерею подробные отчеты о состоянии приходов своего благочиния, включавшие в том числе сведения о поведении священно- и церковнослужителей. Важным направлением деятельности благочинного также являлся надзор (цен-

зура) за содержанием и качеством проповедей и поучений, произносимых священниками. В Москве благочинническими округами являлись традиционные «сороки» с 10–40 церквями в каждом⁴.

Количество священников в приходах, как и ранее, зависело от числа прихожан. В тех приходах, где их было менее 1500, служил один священник, а при большем количестве прихожан – два или три.

Духовенство традиционно подразделялось на белое (священники, дьяконы, причетники) и черное (монашествующее). Митрополиты, архиепископы, архимандриты и другие духовные власти относились исключительно к черному духовенству. Доказательствами принадлежности к духовному сословию выступали соответствующие акты состояния и ставленные грамоты священно- и церковнослужителям, которые выдавались им при посвящении в духовный сан.

В ряды белого духовенства могли вступать любые лица, отвечавшие каноническим нормам, в том числе бывшие крепостные, отпущенные на волю в установленном порядке. При этом возведение в духовный сан лиц из податных сословий, включая вольноотпущенных, осуществлялось епархиальным начальством лишь при соблюдении таких условий, как, во-первых, нехватка лиц духовного звания для замещения церковных должностей; во-вторых, соответствие претендента законным требованиям, касавшимся поведения и образования; наконец, наличие у него «увольнения» (разрешения на уход) от своего сословного общества и разрешений со стороны государственного органа, которому он был подведомственен исходя из его сословного положения (казенной палаты, палаты государственных имуществ, министра уделов), и губернатора. Священно- и церковнослужители передавали свои права состояния женам, которые сохраняли их и после смерти мужей до вступления

⁴ Федоров В.А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М., 2003. С. 21–22.

в новый брак, а также детям. Впрочем, применительно к духовным лицам, вышедшим из податных состояний, действовало правило о том, что их дети, рожденные до принятия духовного сана, оставались в их прежнем сословном положении. Дети представителей духовенства, не нашедшие себя в духовном ведомстве, например, исключенные из духовных училищ за лень или неспособность к учебе, по их просьбам переводились в податные сословия. В связи с тем, что количество лиц, оканчивавших семинарии, стало превышать количество вакантных священнических мест, в 1850 г. была отменена обязанность представителей духовенства посылать своих сыновей на учебу в семинарии.

Представители духовенства пользовались привилегиями в виде освобождения от уплаты личных податей и поземельного сбора, несения рекрутской, постоянной и большинства городских повинностей, подлежали духовному суду, а при рассмотрении их дел в светских судах в обязательном порядке присутствовали духовные «депутаты» (представители). Священники, дьяконы, их жены, вдовы и дети были изъяты от телесных наказаний. Духовным лицам разрешалось приобретать и отчуждать ненаселенные земли и дома в городах и селениях, однако они не имели права приобретать деревни и крепостных людей (если только не принадлежали к числу дворян). Отдельные льготы были предоставлены детям священников и дьяконов, например, при поступлении на гражданскую службу они пользовались равными правами с детьми личных дворян. Правовой статус белого духовенства также включал в себя целый ряд запретов и ограничений. Так, духовные лица были не вправе заниматься «несвойственными» им видами торговли, которые предполагали их запись в торговые разряды; не могли принимать на себя поручительства в судебных делах; выступать в качестве ходатаев и поверенных по чужим делам, за исключением дел, которые касались их церковей или находившихся под их опекой малолетних лиц; в домах представителей духовенства не могли размещаться

трактиры и питейные заведения. Детей священнослужителей, рожденных до получения их отцами священнического или дьяконского сана, детей церковнослужителей, а также самих церковнослужителей, не являвшихся детьми священников или дьяконов, не позволялось принимать на гражданскую службу, но они могли быть зачислены в канцелярские служители духовных консисторий, правлений или попечительств. Выход из состава белого духовенства мог быть принудительным и добровольным. Закон предусматривал различные последствия лишения священнослужителей духовного сана по приговору духовного суда, а также исключения церковнослужителей из духовного ведомства за порочное поведение, подозрения в совершении преступлений или проступков либо за неспособность к исполнению своих обязанностей. В частности, священнослужители, изверженные из сана, если они были родом из дворян, возвращались в свое прежнее состояние, а остальные приписывались к мещанам или казенным крестьянам и все они дополнительно подвергались длительным запретам на въезд в столицы (в течение 7 лет) и поступление на гражданскую службу (в течение 12 лет для дьяконов и 20 лет для священников), а на военную службу могли приниматься только рядовыми. При добровольном сложении с себя духовного сана после предварительного увещевания лица отказаться от своего намерения и с последующего разрешения Синода расстрига восстанавливался в своем исконном статусе, но ему не возвращались ранее полученные на службе чины, а поступление на службу разрешалось только по истечении определенного срока после сложения сана (6 лет для дьяконов и 10 лет для священников). Несмотря на разрешение выходить по собственному желанию из духовного сословия, Император Николай относился к таким действиям резко отрицательно и считал необходимым всячески затруднять их, поскольку, по его словам, «звание священническое столь важно», что «никак нельзя попускать, чтобы лицо, носившее сие высокое звание,

могло непосредственно посвящаться иному служению, какое бы оно ни было, без явного соблазна и как бы в доказательство, что мирские обязанности сильнее духовных»⁵. В 1831 г. состоялся последний «разбор» духовенства.

Что касается монашеского духовенства, то его правовое положение характеризовалось следующими чертами. Пострижение в монашество допускалось при соблюдении следующих условий: во-первых, достижение установленного возраста — 30 лет для мужчин и 40 лет для женщин; во-вторых, получение увольнения от своего начальства или сословных обществ, а для крепостных людей — от их владельцев, а также наличие разрешения со стороны губернатора (для лиц податных состояний); и, в-третьих, отсутствие препятствий для пострига, таких, как состояние в нерасторгнутом браке, наличие на иждивении малолетних детей, непогашенных долгов, нахождение под судом, отсутствие добровольного согласия на вступление в монашество. Окончательное решение о пострижении принималось Синодом. Монашествующие лица освобождались от несения рекрутской повинности, уплаты податей, телесных наказаний, подлежали духовному суду и светскому суду с участием духовных депутатов. В то же время наряду с данными привилегиями на них распространялся ряд запретов и ограничений, которые вытекали из самой сути монашеского звания. Они были не вправе владеть недвижимым имуществом и крепостными людьми и приобретать их по договорам или по завещанию, а при обладании таким имуществом до пострижения были обязаны передать его в пользу других лиц. Монашествующим запрещалось заниматься торговлей (кроме продажи с разрешения своего начальства собственных изделий), принимать на хранение деньги и вещи (кроме книг), быть поручителями и поверенными в нецерковных

делах. После принятия монашества выплата пенсий, полученных на гражданской или военной службе, прекращалась. Монашествующие имели право покупать или строить на собственные средства кельи или другие строения внутри монастыря с условием передачи их в его собственность после смерти или ухода из него, а также могли класть деньги в кредитные учреждения. Духовным властям разрешалось свободно отчуждать по завещанию своим родственникам или на богоугодные цели принадлежавшие им движимые вещи, кроме церковного имущества, а остальные монашествующие были не вправе составлять завещания и после смерти их имущество поступало в монастырскую казну.

Оставление монашества могло быть добровольным или принудительным. В первом случае лицо возвращалось в свое исконное сословное состояние, а во втором, при лишении лица духовного сана за «неблагочинные поступки или пороки, оскорбляющие монашеский сан и обязанности, с оным сопряженные», оно передавалось в распоряжение гражданского начальства. Лицо, сложившее с себя монашеское звание, не получало назад свое имущество, от которого оно отказалось при вступлении в монашество.

Неотъемлемым элементом системы норм, определявших правовое положение Церкви и духовенства, являлись законодательные постановления об имущественных правах монастырей, архиерейских домов и церквей.

Монастыри и архиерейские дома имели право владения предоставленными им от казны землями, загородными дворами, рыбными ловлями и прочими угодьями в количестве, установленном межевым законодательством, но не могли их продавать или иным образом отчуждать. Распоряжение такими землями и угодьями допускалось лишь путем их сдачи

⁵. Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.). М, 2004. С. 143. В силу постыдного характера снятия духовного сана его процедура была весьма унижительной для расстриги и заключалась в том, что у него в духовной консистории отбиралась ставленая грамота, остригались голова и борода, с него снималась священническая одежда и он одевался в «мужицкое» платье.

в аренду без права учреждения на них торговых заведений. Монастырям и архиерейским домам разрешалось приобретать в собственность по договорам купли-продажи и дарения или по завещанию ненаселенные земли, однако такие сделки в обязательном порядке передавались Синодом на рассмотрение и утверждение Государя. Монастыри бесплатно пользовались казенным лесом для строительства или ремонта зданий. Все монастырские подворья и строения, в том числе сданные в аренду, освобождались от постоя, поземельного сбора и большинства городских повинностей. Монастыри получали по наследству движимое имущество рядовых иноков, внутримонастырские постройки, возведенные на собственные средства монашествующими или светскими вкладчиками, а также выморочное имущество духовных властей и оставшееся после них имущество в ризницах. Судебные решения об изъятии у монастырей какого-либо имущества приводились в исполнение только после рассмотрения таких дел в Сенате и их последующего утверждения Императором. Монастыри и архиерейские дома были лишены права владения населенными имениями и крепостными людьми, поэтому они не могли приобретать их не только по договорам, но и в качестве вклада на помин души. В случае нарушения данного запрета имущество подлежало конфискации в казну.

Церковные земли были двоякого рода: во-первых, земли, которые были ранее предоставлены церквям, а во-вторых, усадебные участки для церковного причта и земли, отведенные к церквям от прихожан в установленном межевым законодательством размере. После отмежевания церквям положенных земель они признавались неприкосновенной церковной собственностью, защищались от любых посторонних притязаний, поэтому управлявшие ими священно- и церковнослужители были не вправе распоряжаться ими, в том числе отдавать под залог. Построенные при церквях или купленные на церковные деньги дома вместе с прилегающими к ним двора-

ми также являлись неотчуждаемой церковной собственностью. Ни в этих домах, ни на церковных землях не допускалось учреждение питейных заведений и трактиров. Аналогично монастырям и архиерейским домам все строения и лавки, принадлежавшие церквям, освобождались от постоя, поземельного сбора и городских повинностей, а казенный лес, необходимый для различных церковных построек, предоставлялся церквям бесплатно. Относительно приобретения и владения имуществом церкви имели те же права и подлежали тем же ограничениям, что и монастыри. Имевшиеся у церквей капиталы разрешалось класть под проценты в кредитные учреждения, но нельзя было отдавать под залог. Церковная собственность защищалась в суде на равных основаниях с монастырской.

Будучи глубоко верующим православным человеком и Государем, Император Николай Павлович в то же время проявлял разумную веротерпимость по отношению к большинству других христианских конфессий и нехристианских вероисповеданий. Их последователи могли свободно исповедовать свою религию и отправлять ее обряды (без права миссионерства), а также минимально ограничивались в гражданских и политических правах. В целом с точки зрения правового статуса и степени покровительства им со стороны государства неправославные подданные русского Императора находились в различном положении: от самого привилегированного у лютеран, реформатов, армян и католиков до наиболее неблагоприятного у некоторых крайних сектантов. Важнейшее изменение в управлении делами данных лиц заключалось в том, что в 1832 г. Главное управление духовных дел иностранных исповеданий вошло в состав Министерства внутренних дел.

В отличие от Александра I, Павла I и Екатерины II Император Николай I крайне отрицательно относился к раскольникам, видя в них не только религиозных отступников, но и опасных политических диссидентов, поэтому в годы его правления снова развернулись

масштабные гонения против раскольников. Их уголовно-полицейские преследования выражались в различных формах: в непризнании их браков законными, а детей законнорожденными, в запрете приобретать недвижимость, поступать в учебные заведения, заниматься общественной деятельностью и т. д. В зависимости от их отношения к Церкви и государству все раскольническо-сектантские толки подразделялись на три категории: «вреднейшие», «вредные» и «менее вредные». Борьба с расколом и сектантством помимо применения репрессивных мер также велась посредством научного изучения данного феномена и подготовки специальных «противораскольничьих» миссионерских кадров.

Подытоживая, можно сказать, что на протяжении всего своего царствования Николай I активно занимался церковными делами, стремясь максимально повысить престиж Церкви, улучшить материальное положение духовенства, поднять его образовательный и нравственный уровень. Важную роль в этом плане играло законодательное регулирование церковно-государственных отношений. При этом Император Николай, как и его коронованные предшественники XVIII в. – первой четверти XIX в., воспринимал Церковь как учреждение, являвшееся частью государства, полностью подчиненное ему и служившее его интересам. При Николае I давление светской власти на Церковь стало еще более ощутимым.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. 1842. Т. 16. Олд. 1. № 14409.
2. Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.). М.: Зерцало, 2004. 576 с.
3. Федоров В. А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М.: Русская панорама, 2003. 470 с.
4. Фирсов С. Л. «Якорь спасения». Православная Церковь и Российское государство в эпоху императора Николая I. Очерки истории. СПб.: СПбДА, 2021. 464 с.
5. Цыпин В., протоиерей. Каноническое право. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2009. 864 с.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii. Sbranie Vtoroe. 1842. T. 16. Otd. 1. N. 14409.
2. Latkin V. N. Uchebnik istorii russkogo prava perioda imperii (XVIII i XIX vv.). M.: Zertsalo, 2004. 576 s.
3. Fyodorov V. A. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov i gosudarstvo. Sinodalnyi period. 1700–1917. M.: Russkaya panorama, 2003. 470 s.
4. Firsov S. L. “Yakor spaseniya”. Pravoslavnaya Tserkov i Rossiyskoe gosudarstvo v epohu imperatora Nikolaya I. Ocherki istorii. SPb.: SPbDA, 2021. 464 s.
5. Tsy-pin V., protoierey. Kanonicheskoe pravo. M.: Izdatelstvo Sretenskogo monastyrya, 2009. 864 s.

Е.В. БОРОВИК

Соблюдение принципа «прозрачности» в период цифровизации государственных закупок

АННОТАЦИЯ. В статье автор анализирует концептуальную важность соблюдения принципа «прозрачности» в период цифровизации процессов государственных закупок, как одного из фундаментальных принципов. Прозрачность, возможно, является одним из наиболее важных этических принципов в любой системе закупок. Современная цифровизация государственных закупок осуществляется в условиях повышенного контроля, подпитываемого технологическими достижениями, поэтому в этот переходный период наиболее важным является сохранение принципа «прозрачности», который может быть истолкован как предоставление доступа к публичным контрактам, раскрытие правил, регулирующих закупки в целом и регулирующих конкретные закупки, принятие решений на основе правил и возможности для проверки их обеспечения и соблюдения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: прозрачность, система государственных закупок, цифровизация, принципы.

БОРОВИК ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА – ассистент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, соискатель ученой степени кандидата юридических наук Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (e-mail: katarina-work@inbox.ru).

Стремительное проникновение процессов цифровизации в различные сферы нашей жизни не смогли не затронуть и сферу государственных закупок. Уже в 2016 году заработала Единая информационная система в сфере закупок (ЕИС), которая представляет собой единое информационное пространство всей сферы государственных закупок в России. В системе размещаются сведения о закупках в соответствии с федеральными законами № 44-ФЗ и № 223-ФЗ. ЕИС была создана для облегчения доступа к сведениям о торгах и минимизации коррупции в сфере закупок. ЕИС также предоставляет функциональность для формирования, обработки и хранения сведений о закупках. Информация, представленная в системе, доступна не только участникам закупок, но и всем посетителям портала государственных закупок на бесплатной основе. Система призвана повысить информационную открытость государственных закупок в России, позволяя эффективнее контролировать их как со стороны общества, так и со стороны органов власти. ЕИС является системообразующим элементом суще-

ствующей в России системы госзакупок.¹ Процесс государственных закупок стал полностью цифровизованным. Пандемия COVID-19 оказала большое влияние на глобальную мировую экономику, и сфера государственных закупок не стала исключением. Большинство фабрик и заводов были вынуждены приостановить производственные процессы на долгие месяцы, оставив своих партнеров без поставок. Также были нарушены логистические цепочки поставок процедуры, что приводило к недостатке необходимого товара либо невозможности сбыта. Ключевыми факторами для устранения кризиса в сфере закупок стала цифровизация закупочных процедур. А использование электронных каталогов поставщиков, электронных способов заключения контрактов, электронного документооборота помогло ускорить процессы. Таким образом, изменение жизненных условий вынуждает хозяйствующих субъектов полностью перестраивать коммерческие процессы, и цифровизация стала основным инструментом в этот непростой период.

Результатом цифровизации процессов государ-

¹ <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (дата обращения 07.02.2023г.).

ственных закупок стала полная трансформация всей системы государственных закупок не только в России, но и во многих европейских странах. В России на сегодняшний день через систему закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд распределяются значительные финансовые ресурсы. Так, по данным Единой информационной системы (ЕИС), в системе госзакупок всего в 2021 году в рамках 44-ФЗ по всем отраслям было размещено более 2,3 млн. извещений общей стоимостью 10,2 трлн. руб.² Правительства и государственные предприятия закупают широкий спектр товаров, услуг и общественных работ у частного сектора, от базового компьютерного оборудования до строительства дорог. Государственные закупки являются ключевым видом экономической деятельности правительства, на долю которого приходится значительный процент валового, Внутренний продукт (ВВП) генерирует огромные финансовые потоки, оцениваемые в среднем в 10–15% ВВП по всему миру.³

Эффективная система закупок играет стратегическую роль в правительствах для предотвращения неправильного управления и растраты государственных средств.

Из всех видов государственной деятельности государственные закупки также являются одним из наиболее уязвимых для мошенничества и коррупции. Согласно опросу Всемирного экономического форума, взяточничество со стороны международных фирм в странах ОЭСР (Организация Экономического Сотрудничества и Развития) чаще встречается в сфере государственных закупок, чем в сфере коммунальных услуг, налогообложения и судебной системы. По оценкам, взяточничество при государственных закупках увеличивает общую стоимость контракта на 10–20%.⁴ В связи с тем, что правительства во всем мире ежегодно тратят около 4 трлн долларов США на закупки товаров и услуг, а минимум 400 миллиардов долларов США в

год теряется из-за взяточничества.⁵ Слабое управление государственными закупками препятствует рыночной конкуренции и повышает цену, которую администрация платит за товары и услуги, что напрямую влияет на государственные расходы и, следовательно, на ресурсы налогоплательщиков. Финансовые интересы, поставленные на карту, и тесное взаимодействие между государственным и частным секторами превращают государственные закупки в серьезную зону риска, хотя правила также допускают при определенных обстоятельствах менее формальные процедуры отбора.

Могут ли страны сделать больше для предотвращения мошенничества и коррупции в сфере государственных закупок, опираясь на принцип прозрачности? И как соблюсти принцип прозрачности (транспарентности) каждого этапа всего закупочного процесса?

ОЭСР были разработаны директивы, содержащие рекомендации органам правительств, которые могут также служить общим руководством для субнациональных органов власти и государственных предприятий. Принципы предоставляют политический инструмент для повышения добросовестности на протяжении всего цикла государственных закупок. Они предполагают применение целостного подхода, рассматривая различные риски, начиная с оценки потребностей, заканчивая этапом присуждения, управлением контрактом и заканчивая окончательной оплатой. Процедуры, повышающие прозрачность, эффективное управление, предотвращение неправомерных действий, подотчетность и контроль, способствуют предотвращению растраты государственных ресурсов, а также коррупции. Усилия по укреплению надлежащего управления и добросовестности в сфере государственных закупок в полной мере являются частью эффективного управления государственными ресурсами.⁶

Ключевой задачей во всех странах является обе-

2. <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (дата обращения 07.02.2023г.).

3. <https://www.wto.org/> (дата обращения 06.02.2023г.).

4. <https://www.oecd.org/gov/public-procurement/> (дата обращения 06.02.2023г.).

5. <https://www.oecd.org/gov/public-procurement/> (дата обращения 06.02.2023г.).

6. <https://www.wto.org/> (дата обращения 06.02.2023г.).

спечение прозрачности всего цикла государственных закупок, независимо от стадии процесса или используемого метода закупок.

Первый принцип повышения добросовестности в сфере государственных закупок призывает правительство обеспечивать надлежащую степень прозрачности на протяжении всего цикла закупок, чтобы содействовать справедливому и равноправному отношению к потенциальным поставщикам. Есть несколько вещей, которые правительства могут сделать, чтобы обеспечить это. Например, если ключевые решения по закупкам соответствующим образом документированы и легкодоступны, инспекторы могут проверить, являются ли спецификации непредвзятыми или решения о присуждении основаны на справедливых основаниях. Степень прозрачности также должна быть адаптирована в зависимости от получателя информации и стадии цикла. В частности, правительствам следует защищать конфиденциальную информацию, такую как коммерческая тайна участников торгов, для обеспечения равных условий игры.

Второй принцип подчеркивает, что правительства должны обеспечивать максимальную открытость при проведении конкурентных торгов и принимать меры предосторожности для повышения добросовестности, в частности, в отношении исключений из конкурентных торгов, таких как чрезвычайная срочность или национальная безопасность. Для обеспечения надежных конкурентных процессов правительствам следует разработать четкие правила и, возможно, руководящие указания по выбору метода закупок. Независимо от используемой процедуры, ключевым моментом является максимальная прозрачность, например, путем публикации онлайн-уведомлений о покупках с низкой стоимостью. Правительства могли бы также создать процедуры для снижения возможных рисков для целостности. Ключевым условием добросовестного функционирования системы государственных закупок является наличие и эффективность механизмов подотчетности и контроля.

Третий принцип устанавливает важность того,

чтобы правительства установили четкую цепочку ответственности вместе с эффективными механизмами контроля. Четкая цепочка ответственности является ключевой для определения полномочий на утверждение и основана на надлежащем разделении обязанностей, а также обязательств по внутренней отчетности. Кроме того, регулярность и тщательность контроля должна быть пропорциональна связанным с этим рисками. Например, создание «института консультантов» по вопросам справедливости. Данные консультанты могут быть привлечены для закупок, которые являются дорогостоящими/объемными, сложными или высокочувствительными, с тем чтобы консультировать закупающий орган на ключевых этапах процесса и оказывать независимую помощь в отношении справедливости закупок.⁷

Четвертый принцип подчеркивает, что правительства должны рассматривать жалобы потенциальных поставщиков справедливым и своевременным образом. Для обеспечения беспристрастного рассмотрения независимый орган, уполномоченный обеспечивать соблюдение своих решений должен основываться на решениях о закупках и предусматривать адекватные средства правовой защиты. В частности, потенциальные поставщики должны иметь возможность обращаться в апелляционный орган. Кроме того, создание альтернативных механизмов урегулирования споров также может быть способом избежать формальных судебных разбирательств и сократить время рассмотрения жалоб. Например, правительство могло бы создать консультативный совет по рассмотрению жалоб или контактный пункт для консультирования компаний, сталкивающихся с проблемами в трансграничных делах.

И последнее, но не менее важное: **пятый принцип** призывает правительства расширять возможности организациям гражданского общества, средствам массовой информации и широкой общественности следует тщательно следить за государственными закупками. Организации гражданского общества, средства массовой информации и широкая общественность должны иметь доступ к публичной информации о ключевых условиях крупных кон-

7. EU Public Procurement Law-Professor Christopher H. Bovis JD, MPhil, LL.M, FRSA
H.K. Bevan Chair in Law, Law School, University of Hull-2017r

трактов. Отчеты высших контрольных органов также должны быть широко доступны для усиления общественного контроля. Можно было бы также провести обзоры закупочной деятельности. Например, специальный парламентский комитет может расследовать крупные инфраструктурные проекты. Прямой контроль со стороны граждан может дополнять эти традиционные механизмы подотчетности, например посредством мониторинга дорогостоящих или сложных закупок представителем организации гражданского общества.⁸

Таким образом, анализируя данные принципы, можно сказать о том, что и в настоящее время данные принципы имеют практическую пользу, несмотря на развитие стремительных процессов цифровизации. И именно соблюдение вышеописанных принципов позволяет сохранить базовый и основной «принцип прозрачности», который является фундаментом построения и функционирования всей системы государственных закупок в государстве.

Именно «прозрачность», которая уже давно признана инструментом борьбы с коррупцией в рамках ряда международных соглашений, является эффективным инструментом решения проблем в сфере государственных закупок. По мнению профессора

права Европейского союза Кристофера Бовиса, «без прозрачности открытая конкуренция не может превалировать, коррупционные сделки могут распространяться, а другие недостатки в процессе закупок могут быть скрыты, что ослабляет подотчетность».⁹ Нельзя не согласиться, что «прозрачность» может улучшить доступ к возможностям государственных закупок путем раскрытия, публикации и распространения информации о доступных тендерах. Кроме того, ясность и более широкое раскрытие документации может сократить время, необходимое для подачи заявок, что особенно непомерно дорого для СМП (субъекты малого предпринимательства), тем самым экономя их драгоценное время и деньги. Опираясь на примеры передовой практики, цифровизация закупочных процессов – это эффективный инструмент для повышения прозрачности государственных закупок.¹⁰

Таким образом, благодаря активному раскрытию документации и созданию равных условий для всех участников государственных закупок, эти инициативы могут максимизировать рост поставщиков и косвенно способствовать общему экономическому развитию, а в некоторых странах и восстановлению после рецессии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. PUBLIC PROCUREMENT LAW: A COMPARATIVE ANALYSIS by STEPHANUS PETRUS LE ROUX DE LA HARPE-2017 г.
2. EU Public Procurement Law-Professor Christopher H. Bovis JD, MPhil, LL.M, FRSA
3. H.K. Bevan Chair in Law, Law School, University of Hull-2017г.
4. <https://www.oecd.org/gov/public-procurement/> (дата обращения 06.02.2023г.).
5. <https://www.wto.org/> (дата обращения 06.02.2023г.).
6. <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (дата обращения 07.02.2023г.).

8. PUBLIC PROCUREMENT LAW: A COMPARATIVE ANALYSIS by STEPHANUS PETRUS LE ROUX DE LA HARPE-2017 г.

9. EU Public Procurement Law-Professor Christopher H. Bovis JD, MPhil, LL.M, FRSA
H.K. Bevan Chair in Law, Law School, University of Hull-2017г.

10. EU Public Procurement Law-Professor Christopher H. Bovis JD, MPhil, LL.M, FRSA.

К.И. БРЫКИН

Трансформация системы государственного управления: финансово-правовой подход

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию трансформации системы государственного управления. Автором рассмотрены примеры преобразования органов государственной власти в компании, а также интеграции отдельных компаний (институтов развития) в систему государственного управления. В статье проанализированы научные взгляды по поставленной проблематике выдающихся ученых в области теории права, конституционного, административного и финансового права, исследовано действующее нормативно-правовое регулирование. Автор приходит к выводу, что практика делегирования публичных функций, включая публичную финансовую деятельность, доказывает трансформацию системы государственного управления, ее децентрализацию, повышение уровня доверия между государством и бизнесом, а также расширение круга субъектов финансового права, что направлено на повышение качества системы государственного управления и предоставляемых государством услуг в целях создания комфортных условий для жизни граждан и ведения бизнеса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государственное управление, субъект финансового права, публичная финансовая деятельность, бюджетное финансирование, государственный контракт, ЦБ РФ, АСВ, институт развития, Росатом, Роскосмос.

БРЫКИН КОНСТАНТИН ИГОРЕВИЧ – кандидат юридических наук, доцент кафедры фундаментальной юриспруденции и международного права Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: BrykinKI.veb@gmail.com).

В юридической науке и практике современную отечественную систему государственного управления (в контексте исполнительной власти) принято рассматривать в первую очередь через призму Указа Президента Российской Федерации от 21.01.2020 № 21 «О структуре федеральных органов исполнительной власти»¹.

Для системы государственного управления в России характерна перманентная трансформация, поскольку отдельные органы государственной власти постоянно подвергались и продолжают подвергаться реформированию (слияние, разделение функционала, упразднение структур в целом). Из истории можно, например, вспомнить преобразование в 1990 г. Министерства газовой промышленности СССР в государственный газодобывающий концерн «Газпром» или создание

в 1991 г. государственной нефтяной компании «Роснефтегаз» («Роснефть») на базе расформированного Министерства нефтяной и газовой промышленности СССР, т.е. преобразование государственного органа в компанию².

В монографическом исследовании, посвященном государственному управлению в современной России, В.П. Уманская и Ю.В. Малеванова отмечают: «В современных условиях система государственного управления подвергается глобальным преобразованиям... Сущность государственного управления определяется прежде всего кругом субъектов, осуществляющих управление, и содержанием управляющего воздействия. Определение видов управляющего воздействия зависит от конкретных субъектов управления»³.

Т.А. Вершило также обращает внимание на

1. СЗ РФ. 27.01.2020. № 4. Ст. 346.

2. Брыкин К.И. Финансово-правовое регулирование деятельности финансовых институтов развития: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 45.

3. Уманская В.П., Малеванова Ю.В. Государственное управление и государственная служба в современной России: монография. М.: Норма, 2020.

существенные изменения, которые претерпевает система государственного управления, связанные с формированием «новой реальности — «цифровой», не имеющей аналогов в истории человечества»⁴. «Так, например, технологии менеджмента, которые используются для развития бизнес-структур, стали внедряться и в управление государством: передача функций государства организациям, которые эти функции будут выполнять лучше, чем само государство (аутсорсинг)».⁵

В финансово-правовых исследованиях неимущественных правоотношений особое внимание обращают на обязательное участие в таком отношении субъекта финансового права, в качестве которого может выступать «иной субъект, наделенный в силу закона или иного нормативного правового акта публичной функцией в сфере финансов»⁶. В России меры поддержки экономики в стрессовые периоды⁷ осуществляются, в том числе посредством непосредственного вовлечения в данный процесс финансовых институтов развития.

Председатель Правительства РФ 23 ноября 2020 г. объявил об оптимизации институтов развития, количество которых, по оценкам Правительства России, на тот момент составляло сорок организаций. В своем выступлении М.В. Мишустин обусловил проведение реформы институтов развития необходимостью «переориентировать их на достижение национальных целей развития, утвержденных указом Президента»⁸. Очевидно, что указанная реформа институтов развития имела

признаки административной, что свидетельствует о противоположном процессе — большей интеграции институтов развития в систему государственного управления. Как справедливо отмечает Б.В. Россинский: «...государственное управление в целом значительно шире, чем деятельность органов исполнительной власти...»⁹.

О.В. Романовская также обращает внимание на имплементацию «квази-регулирующих» и «сорегулирующих» в систему государственного управления: «Появление методов в системе государственного управления, характерных для коммерческих компаний, стало подталкивать чиновников к изменению модели поведения, все более ориентированной на потребности граждан, находящихся под управленческим воздействием... В публичное управление внедряются негосударственные участники: некоммерческие организации, саморегулируемые организации, общественные движения, волонтеры и др.»¹⁰.

Автор статьи убежден, что трансформация системы государственного управления и проникновение в него иных «квазигосударственных» или «окологосударственных» субъектов преследует цель повышения качества системы государственного управления в целом, к признакам которого в правовой науке относят: «а) высокую степень организации управления; б) высокий уровень компетентности; в) обеспечение результативного воздействия; г) мобильность решений и действий; д) активизацию человеческого фактора»¹¹.

4. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5.

5. Вершило Т.А. Особенности государственного управления бюджетной сферой в условиях развития цифровой экономики // Финансовое право. 2022. № 4. С. 7-13.

6. Карасева (Сенцова) М.В. Финансовое право – идентификация предмета // Финансовое право. 2022. № 8. С. 2-6.

7. Применительно к зеркальным мерам, реализуемым Российской Федерацией, по преодолению стрессовых ситуаций в условиях санкционного давления также справедливо упомянуть позицию И.И. Шувалова, который указал в своей диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук, что «режим контрсанкций был упорядочен в основном нормами публичного права и действовал в сфере отношений, регулируемых публично-правовыми нормами». См. Шувалов И.И. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в период социально-экономического кризиса (теория и практика): дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2022. С. 170.

8. Подробнее см. Брыкин К.И. Реформа институтов развития: правовые аспекты // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2020. № 4 (59). С. 116-119.

9. Россинский Б.В. Развитие представлений о предмете административного права // Административное право и процесс. 2021. № 5. С. 6-13.

10. Романовская О.В. Конституция и Не-Государство // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4. С. 3-8.

11. Тихомиров Ю.А. Динамика управления в современном обществе // Журнал российского права. 2021. № 11. С. 5-18.

В юридической доктрине ученые приводят различные примеры передачи публично-властных полномочий иным субъектам. Например, «государственное управление осуществляется государственными органами, не относящимися ни к одной ветви власти, например органами прокуратуры, Счетной палатой, Центральным банком РФ, избирательными комиссиями и др.»¹².

Л.Г. Ефимова приходит к выводам о том, что Банк России является «органом управления банковской системой Российской Федерации», а «выполнение АСВ... функций является одной из форм государственного управления банковской системой. Через АСВ реализуется одно из направлений государственной политики в области укрепления доверия к банковской системе Российской Федерации»¹³.

Так, в соответствии с ФЗ от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации»¹⁴ Агентство по страхованию вкладов, в том числе, организует учет банков (ведет реестр банков); формирует Фонд обязательного страхования вкладов, определяет порядок расчета страховых взносов, осуществляет сбор страховых взносов и контроль за их поступлением; осуществляет мероприятия по учету требований вкладчиков к банку и выплате им возмещения по вкладам; осуществляет функции временной администрации финансовой организации, а также конкурсного управляющего (ликвидатора) при банкротстве финансовых организаций и др.

Из исследования реализации механизма бюджетного финансирования Е.Л. Васяниной также следует, что в настоящее время государство делегирует отдельные публичные полномочия

иным субъектам: «Применяемые процедуры бюджетного финансирования обусловлены особенностями системы государственного управления, базирующейся на функционировании отдельных денежных фондов некоммерческих организаций (государственных корпораций, саморегулируемых организаций и т.д.), наделенных властными полномочиями... Сложившийся подход к бюджетному финансированию кредитных организаций позволяет вскрыть проблему в сфере государственного управления банковской системой. Значительный объем бюджетного финансирования банков с государственным участием обусловлен тем, что государство, наделяя банки управленческими полномочиями, не может установить эффективный контроль над ними»¹⁵.

Другим примером реализации публичных функций не органами государственной власти является деятельность государственных корпораций Росатом и Роскосмос. Пунктами 8 и 13 статьи 241 БК РФ¹⁶, ФЗ от 01.12.2007 № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»¹⁷, ФЗ от 13.07.2015 № 215-ФЗ «О Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос»¹⁸, ФЗ от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹⁹ предусмотрено, что указанные государственные корпорации:

– осуществляют полномочия главного распорядителя бюджетных средств, получателя бюджетных средств, главного администратора доходов бюджета и администратора доходов бюджета, главного администратора источников финансирования дефицита бюджета и администратора источников финансирования дефицита бюджета;

¹² Уманская В.П., Малеванова Ю.В. Государственное управление и государственная служба в современной России: монография. М.: Норма, 2020.

¹³ Ефимова Л.Г. Банковское право. М.: Статут, 2010. Т. 1: Банковская система Российской Федерации.

¹⁴ СЗ РФ. 29.12.2003. № 52 (часть I). Ст. 5029.

¹⁵ Васянина Е.Л. Проблемы реализации механизма бюджетного финансирования // Финансовое право. 2021. № 4. С. 26-29.

¹⁶ СЗ РФ. 03.08.1998. № 31. Ст. 3823.

¹⁷ СЗ РФ. 03.12.2007. № 49. Ст. 6078.

¹⁸ СЗ РФ. 20.07.2015. № 29 (часть I). Ст. 4341.

¹⁹ СЗ РФ. 08.04.2013. № 14. Ст. 1652.

– вправе передавать на безвозмездной основе на основании соглашений свои полномочия государственного заказчика по заключению и исполнению от имени РФ государственных контрактов, в том числе в рамках государственного оборонного заказа, от лица указанных корпораций при осуществлении бюджетных инвестиций в объекты капитального строительства государственной собственности РФ и на приобретение объектов недвижимого имущества в государственную собственность РФ федеральным государственным унитарным предприятиям, в отношении которых указанные корпорации осуществляют от имени РФ полномочия собственника имущества;

– вправе передать по решению Правительства РФ на безвозмездной основе на основании соглашений свои полномочия государственного заказчика по заключению и исполнению от имени РФ государственных контрактов от лица указанных корпораций федеральным бюджетным учреждениям (федеральным государственным унитарным предприятиям), в том числе в отношении которых указанные корпорации не осуществляют функции и полномочия учредителя (права собственника имущества РФ);

– принимают нормативные правовые акты.

Публично-правовая компания «Единый заказчик в сфере строительства» на основании пункта 8.1 статьи 241 БК РФ, ФЗ от 22.12.2020 № 435-ФЗ «О публично-правовой компании «Единый заказчик в сфере строительства» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²⁰ также осуществляет полномочия главного распорядителя бюджетных средств, получателя бюджетных средств, главного администратора доходов бюджета и администратора доходов бюджета, а также принимает решения о подготовке и реализации бюджетных инвестиций в форме организационно-распорядительных документов (актов) указанной компании.

В качестве иного примера делегирования публично-властных функций можно привести деятель-

ность публично-правовой компании «Фонд развития территорий». Согласно ФЗ от 29.07.2017 № 218-ФЗ «О публично-правовой компании «Фонд развития территорий» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²¹ указанная компания осуществляет, в том числе: формирование компенсационного фонда за счет обязательных отчислений (взносов) застройщиков, привлекающих денежные средства участников долевого строительства в соответствии с законодательством об участии в долевом строительстве; учет поступивших обязательных отчислений (взносов) застройщиков в компенсационный фонд и выплату за счет имущества названного фонда возмещения гражданам – участникам строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщика; аккредитацию арбитражных управляющих в целях осуществления ими полномочий конкурсного управляющего (внешнего управляющего) в деле о банкротстве застройщика; предоставление целевых средств бюджетам субъектов РФ на безвозвратной и безвозмездной основе на комплексное развитие территории жилой застройки, на переселение граждан из аварийного жилищного фонда, проведение капитального ремонта многоквартирных домов, модернизацию систем коммунальной инфраструктуры.

Рассмотренные в настоящей статье доктринальные подходы, а также практика принятия законодателем нормативных правовых актов, предусматривающих осуществление публичной, в том числе финансовой, деятельности субъектами, не являющимися органами государственной власти, наглядно демонстрируют трансформацию системы государственного управления, ее децентрализацию, повышение уровня доверия между государством и бизнесом, а также расширение круга субъектов финансового права, что направлено на повышение качества системы государственного управления и предоставляемых государством услуг в целях создания комфортных условий для жизни граждан и ведения бизнеса.

²⁰ СЗ РФ. 28.12.2020. № 52 (Часть I). Ст. 8581.

²¹ СЗ РФ. 31.07.2017. № 31 (Часть I). Ст. 4767.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Брыкин К.И. Реформа институтов развития: правовые аспекты // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2020. № 4 (59). С. 116-119.
2. Брыкин К.И. Финансово-правовое регулирование деятельности финансовых институтов развития: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 208 с.
3. Васянина Е.Л. Проблемы реализации механизма бюджетного финансирования // Финансовое право. 2021. № 4. С. 26-29.
4. Вершило Т.А. Особенности государственного управления бюджетной сферой в условиях развития цифровой экономики // Финансовое право. 2022. № 4. С. 7-13.
5. Ефимова Л.Г. Банковское право. М.: Статут, 2010. Т. 1: Банковская система Российской Федерации. 404 с.
6. Карасева (Сенцова) М.В. Финансовое право – идентификация предмета // Финансовое право. 2022. № 8. С. 2-6.
7. Романовская О.В. Конституция и Не-Государство // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4. С. 3-8.
8. Россинский Б.В. Развитие представлений о предмете административного права // Административное право и процесс. 2021. № 5. С. 6-13.
9. Тихомиров Ю.А. Динамика управления в современном обществе // Журнал российского права. 2021. № 11. С. 5-18.
10. Уманская В.П., Малеванова Ю.В. Государственное управление и государственная служба в современной России: монография. М.: Норма, 2020. 176 с.
11. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5.
12. Шувалов И.И. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в период социально-экономического кризиса (теория и практика): дис. ... докт. юрид. наук. М., 2022. 401 с.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Brykin K.I. Reforma institutov razvitiya: pravovyye aspekty // Uchenyye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata. 2020. № 4 (59). S. 116-119.
2. Brykin K.I. Finansovo-pravovoye regulirovaniye deyatel'nosti finansovykh institutov razvitiya: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2022. 208 s.
3. Vasyanina Ye.L. Problemy realizatsii mekhanizma byudzhethogo finansirovaniya // Finansovoye pravo. 2021. № 4. S. 26-29.
4. Vershilo T.A. Osobennosti gosudarstvennogo upravleniya byudzhethoy sferoy v usloviyakh razvitiya tsifrovoy ekonomiki // Finansovoye pravo. 2022. № 4. S. 7-13.
5. Yefimova L.G. Bankovskoye pravo. M.: Statut, 2010. T. 1: Bankovskaya sistema Rossiyskoy Federatsii. 404 s.
6. Karaseva (Sentsova) M.V. Finansovoye pravo – identifikatsiya predmeta // Finansovoye pravo. 2022. № 8. S. 2-6.
7. Romanovskaya O.V. Konstitutsiya i Ne-Gosudarstvo // Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. 2021. № 4. S. 3-8.
8. Rossinskiy B.V. Razvitiye predstavleniy o predmete administrativnogo prava // Administrativnoye pravo i protsess. 2021. № 5. S. 6-13.
9. Tikhomirov YU.A. Dinamika upravleniya v sovremennom obshchestve // Zhurnal rossiyskogo prava. 2021. № 11. S. 5-18.
10. Umanskaya V.P., Malevanova YU.V. Gosudarstvennoye upravleniye i gosudarstvennaya sluzhba v sovremennoy Rossii: monografiya. M.: Norma, 2020. 176 s.
11. Khabriyeva T.YA. Pravo pered vyzovami tsifrovoy real'nosti // Zhurnal rossiyskogo prava. 2018. № 9. S. 5.
12. Shuvalov I.I. Pravovoye regulirovaniye predprinimatel'skoy deyatel'nosti v period sotsial'no-ekonomicheskogo krizisa (teoriya i praktika): dis. ... dokt. yurid. nauk. M., 2022. 401 s.

С.И. КОНЕВ, И.Л. САРКСЯН, В.В. ЖАРКОВА, Г.Ф. ЯКУБОВА

Влияние ESG-принципов на отечественное законодательство в области топливно-энергетического комплекса

АННОТАЦИЯ. В статье показано, что одним из трендов публичного управления являются ESG-принципы. Ответственный подход юридических лиц к защите окружающей среды, корпоративному управлению и безопасности труда повышает инвестиционную привлекательность компаний. Наиболее ярко эта тенденция проявляется в нефтегазовой отрасли. На основе анализа локальных актов компаний топливно-энергетического комплекса и последних изменений в трудовое законодательство авторами выдвигается тезис о положительном влиянии ESG-принципов на рассматриваемую сферу отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: публичное управление, топливно-энергетический комплекс, гринвошинг, ESG-принципы, законодательство.

КОНЕВ СЕРГЕЙ ИГОРЕВИЧ – заместитель декана юридического факультета Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, старший преподаватель кафедры информационного, энергетического права и уголовно-правовых дисциплин (e-mail: konev.s@gubkin.ru);

САРКСЯН ИЛЯ ЛЕОНОВНА – старший преподаватель кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (e-mail: Sarksyan.IL@rea.ru);

ЖАРКОВА ВЛАДИСЛАВА ВЛАДИМИРОВНА – специалист отдела организации молодежной науки и научных мероприятий Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина (e-mail: ontm@gubkin.ru);

ЯКУБОВА ГУЛЬНУР ФЯРИТОВНА – студентка юридического факультета Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, (e-mail: g-yakubova@bk.ru).

На сегодняшний день со стороны экспертного сообщества замечен повышенный интерес к компаниям, которые при осуществлении своей деятельности нацелены на решение вопросов, связанных с улучшением окружающей среды, взаимоотношениями с обществом и качеством корпоративного управления. Устойчивое развитие организации чаще всего сопоставляется с термином ESG-принципы. Изначально ESG-критерии появились вследствие запросов инве-

сторов, которым необходима была информация о деятельности компании в таких сферах, как экология, корпоративное управление и устойчивое развитие. Однако в настоящее время ESG-факторы и риски анализируются не менее внимательно, чем традиционные факторы оценки стабильности и перспективности деятельности компаний. ESG-принципы складываются из трех основных составляющих, которые представлены на рисунке ниже.

E (Environment)	S (Social)	G (Governance)
<ul style="list-style-type: none"> • Использование природных ресурсов и возобновляемой энергии • Загрязнение природных сред • Соблюдение экологического законодательства • Управление отходами и опасными материалами 	<ul style="list-style-type: none"> • Условия труда • Охрана здоровья и безопасность • Структура работников • Коммуникация с сотрудниками, клиентами • Система поощрения и вознаграждения 	<ul style="list-style-type: none"> • Структура управления • Взаимоотношения с акционерами • Прозрачность в финансовой отчетности • Антикоррупционные меры • Зарплатная плата топ-менеджеров

Рис. 1 Показатели ESG-отчетности.

В контексте данной статьи мы остановимся на управлении персоналом, которое является составляющей каждой компании, стремящейся к устойчивому развитию в целом. Как отмечает Т.И. Курносова, в бизнес-среде при анализе социального фактора фигурирует такое понятие, как корпоративная социальная ответственность (КСО) – вид корпоративной политики, при которой компаниям необходимо осуществлять экономический вклад в устойчивое развитие индивида, социума и окружающей среды¹.

Согласно открытым данным АО «Рейтинговое агентство АК&М», в настоящее время ESG-принципы активно внедряются в 9 компаниях нефтегазовой отрасли: ПАО «Газпром», ПАО «Роснефть», ПАО «ЛУКОЙЛ», ПАО «НОВАТЭК», ООО «Сахалин Энерджи Инвестмент Компани Лтд.», ПАО «Сургутнефтегаз», ПАО «Татнефть», АО «РНГ», ПАО «Газпром нефть». Кроме этого, отдельно можно выделить довольно крупную компанию на рынке нефтехимии – ПАО «СИБУР Холдинг»².

Так, например, в группе компаний «Газпром» существует специальная программа, направленная на эффективное и стратегическое управление персоналом. Она включает в себя:

- планирование трудовых ресурсов;
- подбор и оценка персонала (интернет-портал подразделений ПАО «Газпром», интерактивный портал информационных сервисов работников, электронные рассылки и уведомления, информационные доски, Социологический портал Газпром);
- обучение и развитие персонала (повышение квалификации и профессиональные переподготовки);
- мотивация персонала (материальное и нематериальное поощрение сотрудников);
- социальная политика (выплаты социального характера, личное и медицинское страхование,

жилищное обеспечение, негосударственное пенсионное обеспечение);

управление затратами, отчетность и оценка деятельности;

информационное обеспечение и корпоративные коммуникации³.

Еще одна крупнейшая нефтегазовая компания ПАО «ЛУКОЙЛ» также внедряет в свою политику принципы устойчивого развития, при этом особое внимание уделяется социальному фактору. За 2021 год ЛУКОЙЛ реализовало следующие ключевые задачи в соответствии с целями устойчивого развития (ЦУР):

сохранение стабильной занятости и социальной поддержки работников;

поддержание высокой доли работающих в зарубежных организациях Группы местных жителей;

сохранение высокого уровня охвата работников коллективными договорами;

поддержание стабильного гендерного баланса занятости;

сохранение низкого уровня профессиональной заболеваемости;

ежегодная поддержка благотворительных и общественно значимых проектов в регионах присутствия⁴.

Другой пример – ПАО «СИБУР Холдинг», которая является ведущей интегрированной нефтегазохимической компанией, а социальный аспект ее деятельности включает в себя следующее:

обеспечение гендерного равенства;

обеспечение многообразия и инклюзивности в вопросах кадрового состава компании;

социальная поддержка персонала: медицинское обслуживание, страхование жизни и здоровья, материальная помощь, компенсации по трудоспособности и так далее;

обучение и развитие персонала (различные кур-

1. Курносова Т.И. Отечественный и зарубежный опыт использования ESG-принципов в разработке стратегии развития нефтегазового бизнеса // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 387-410.

2. АК&М Рейтинговое агентство – URL: <https://akmrating.ru/kompaniyesg/?ysclid=lf2z20b3sv620014227> (дата обращения 16.03.2023).

3. ПАО «Газпром» – URL: <https://sustainability.gazpromreport.ru/fileadmin/f/2021/sustainability-report-ru-2021.pdf> (дата обращения 17.03.2023).

4. ПАО «ЛУКОЙЛ» – URL: <https://lukoil.ru/FileSystem/9/592424.pdf> (дата обращения 17.03.2023).

сы и программы для повышения вовлеченности в вопросы отрасли и компании)⁵.

Проанализировав деятельность этих и других компаний, а также их отчеты в области устойчивого развития, можно сделать вывод о том, что программы, направленные на развитие персонала, схожи и имеют общие цели и задачи. Для обеспечения эффективного управления персоналом активно внедряются следующие социальные аспекты: принципы гендерного равенства, система мотивационной поддержки, социальное и медицинское страхование жизни сотрудников, обучение и образование, корпоративная этика, а также оценка производственного травматизма.

Однако у любой медали есть обратная сторона, тенденция внедрения ESG-принципов привела к гринвошингу (greenwashing) — явлению, при котором организация лишь заявляет об ESG — намерениях, но не исполняет их. Фактически, гринвошинг — это инструмент маркетинга. Он позволяет войти в конкуренцию с добросовестными компаниями, которые действительно соблюдают экологические или другие стандарты. Суть данного подхода — зеленый «образ» компании, который строится с помощью ложных утверждений, несуществующими маркировками или вообще безосновательно. Например, эко-первенство компании позиционируется с опорой лишь на одно или несколько экологических улучшений, не всегда достаточно весомых с точки зрения безопасности продукта для здоровья человека или природы. Кроме того, можно использовать метод меньшего из двух зол, нерелевантные заявления, сокрытие недостатков и др.⁶ Яркий

пример — история с российским H&M. Компания принимала старую одежду якобы на переработку, а на самом деле перепродавала ее через Интернет⁷. После громкого скандала ей пришлось перестраивать свою политику по сбору одежды и много об этом писать, чтобы вернуть репутацию.

Авторы считают, что немаловажным аспектом в этой области является законодательство, которое на данном этапе скорее задает вектор, нежели регулирует данный вопрос⁸. Вместе с тем, анализ изменений, которые происходят в Трудовом Кодексе РФ (далее — ТК РФ), позволяют говорить о ESG-повестке, которая актуальна, несмотря на происходящие события.

Во-первых, изначально в регулировании сферы труда закладывались принципы, отраженные в Конституции нашего государства, которые в свою очередь, имплементированы из международного права: свобода труда, равные возможности к труду, право на безопасный труд и др. Во-вторых, свое дальнейшее развитие получила система обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве⁹. В-третьих, в сфере охраны труда активно внедряется риск-ориентированный подход. Работодатель обязан учитывать риски на каждом конкретном рабочем месте и создавать безопасные условия для работников с учетом этих особенностей. Был утвержден перечень значений показателя потенциального вреда охраняемым законом ценностям в сфере труда из-за возможного несоблюдения обязательных требований при осуществлении определенного вида деятельности¹⁰ и др.

5. ПАО «СИБУР Холдинг» — URL: <https://www.sibur.ru/upload/iblock/833/lcaaws6qyt9pvrsubk7byq7zaow8l55un.pdf> (дата обращения 17.03.2023).

6. Is TerraChoice Greenwashing? — URL: <https://www.greenbiz.com/article/terrachoice-greenwashing> (дата обращения 04.04.2023).

7. Как H&M изменил систему переработки текстиля после скандала // URL: <https://style.rbc.ru/items/604f23a79a79478a699fa563greenwashing> (дата обращения 04.04.2023).

8. См., например: Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4355-р «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка РФ до 2030 г.» // URL: www.pravo.gov.ru, Информационное письмо Банка России от 16 декабря 2021 г. № ИН-06-28/96 «О рекомендациях по учету советом директоров публичного акционерного общества ESG-факторов, а также вопросов устойчивого развития» // «Вестник Банка России» от 22 декабря 2021 г. № 90.

9. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» // СЗ РФ. 1998. 3 августа. № 31. Ст. 3803.

10. Постановление Правительства РФ от 21 июля 2021 г. № 1230 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права» // СЗ РФ. 2021. 26 июля. № 30. Ст. 5804.

По мнению Е.В. Сидоровой, понятия «цель» и «оценка результата» в гораздо большей степени связаны с концепцией комплексных правовых образований, чем с основными отраслями права. В связи с этим комплексные правовые образования должны рассматриваться в контексте эффективности¹¹. Анализ локальных актов нефтегазовых компаний демонстрирует, что управление ESG-инструментами значительно лучше развито в крупнейших компаниях, чем в крупном и среднем бизнесе. Вероятно, это связано с наличием ресурсов, необходимых для реализации мероприятий по ESG трансформации, а также с наличием

определенных драйверов. Крупнейшие российские компании являются экспортерами в страны, где ESG-требования более строгие и при этом закреплены законодательно. Одновременно с этим, учет ESG-принципов в трудовом законодательстве гарантирует лучшую социальную защищенность, а значит в перспективе — и кадровую стабильность.

Вместе с тем, приведенный анализ показывает, что ESG-принципы в отечественном праве пока остаются модной тенденцией, а не реально действующим инструментом. Насколько эта позиция верна — покажет только время.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Курносова Т.И. Отечественный и зарубежный опыт использования ESG-принципов в разработке стратегии развития нефтегазового бизнеса // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 387-410.
2. Сидорова Е.В. Теоретические основы комплексного правового регулирования. М.: Justitia, 2021. 240 с.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Kurnosova T.I. Otechestvennyj i zarubezhnyj opyt ispol'zovaniya ESG-principov v razrabotke strategii razvitiya neftegazovogo biznesa // Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo. 2022. T. 12, № 1. S. 387-410.
2. Sidorova E.V. Teoreticheskie osnovy kompleksnogo pravovogo regulirovaniya. M.: Justitia, 2021. 240 s.

¹¹ Сидорова Е.В. Теоретические основы комплексного правового регулирования. М.: Justitia, 2021. 240 с.

А.В. ОСТРОУШКО

Границы государственного суверенитета национального сегмента киберпространства

АННОТАЦИЯ. Совершенствование механизма правового обеспечения прав и законных интересов граждан в киберпространстве может быть осуществлено через разработку и принятие комплекса законодательных инициатив, направленных на усиление защиты прав граждан, а также через улучшение правовой среды в области информационных и цифровых технологий. Существенную роль в данном процессе должны сыграть нормы, устанавливающие пределы воздействия российских норм в киберпространстве.

В данной статье автор рассматривает проблему разработки основных принципов установления границ пространства государственного суверенитета на отношения в киберпространстве и выделение национального сегмента киберпространства. Автор приходит к выводу, что неопределенность границ киберпространства в контексте текущей геополитической ситуации является вызовом для российского законодателя и правоохранительных органов в сфере правового обеспечения кибербезопасности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: национальная безопасность, киберпространство, границы, суверенитет, обеспечение.

ОСТРОУШКО АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента международного и публичного права Финансового университета при Правительстве РФ (e-mail: avostroushko@fa.ru).

Еще в 2020 году на международной онлайн-конференции Artificial Intelligence Journey (AI Journey) Президентом России Владимиром Путиным было указано о необходимости: «В ближайшее десятилетие провести цифровую трансформацию Российской Федерации, повсеместно внедрить технологии анализа больших данных и искусственного интеллекта. Президент отметил, что цифровая трансформация в России затронет каждого человека и все уровни власти»¹.

Поэтому в современном мире информационные и цифровые технологии все больше проникают повсеместно в жизнь общества, превращая киберпространство в важнейшую среду коммуникации, образования, труда, торговли, культуры и многих других аспектов повседневной жизни. Этот процесс постоянного технологического развития и глобализации обуславливает появление новых вызовов и проблем в области обеспечения безопас-

ности и возможности реализации своих законных прав и интересов граждан Российской Федерации в киберпространстве², что в свою очередь вызывает необходимость реакции со стороны государства. Закономерно, что такая реакция выражается в виде повышения уровня правового регулирования при использовании информационных и цифровых технологий в киберпространстве.

Как отметила Т.Я. Хабриева, право «становится не только средством, инструментом, обеспечивающим внедрение цифровых технологий и их использование в различных сферах общественной жизни — экономике, управлении и других сегментах социального бытия, но и объектом воздействия цифровизации»³.

В последние годы наблюдается усиление внимания государства к вопросам правового регулирования киберпространства. Ряд законодательных инициатив, принятых на федеральном уровне,

1. Никольский А. Путин заявил о необходимости цифровой трансформации России // URL: <https://tass.ru/ekonomika/10172635?ysclid=lgtaurwaxo518355709>.

2. Иванов А.А. Цифровые технологии и права граждан: проблемы и перспективы // Право и модернизация общества. 2020. №2. С. 35-44.; Петров В.В. Правовое регулирование киберпространства: проблемы и пути совершенствования // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 43-53.

3. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5-16

свидетельствует о стремлении совершенствовать существующие механизмы правового обеспечения и защиты интересов граждан в ходе цифровой трансформации общественных отношений. Тем не менее, в этой сфере по-прежнему остаются как неразрешенные проблемы, так и уже имеющийся механизм правового регулирования киберпространства требуют совершенствования.

Важной задачей в области правового регулирования киберпространства является необходимость определения пределов национального сегмента киберпространства. Для ее решения необходим комплексный подход, который включает в себя разработку и улучшение действующих правовых механизмов, анализ опыта применения и развития информационных технологий, а также учет культуры использования информационных технологий среди населения. Обеспечение национальной безопасности тесно связано с обеспечением информационной, часто именуемой «кибербезопасностью», что невозможно без разработки проблематики цифрового суверенитета. В этой части речь идет не только о безопасности организаций, государства, органов власти, но и защиты прав и свобод граждан⁴ в киберпространстве.

Анализируя научные работы в сфере регулирования информационного пространства можно выделить основные направления исследования цифрового суверенитета, а именно: «суверенитет киберпространства, цифровой суверенитет государства и правительства, суверенитет данных, цифровой суверенитет коренных народов, цифровой суверенитет и общественные движения, а также личный цифровой суверенитет»⁵.

Позволим себе не согласиться с мнением, что какого-либо суверенитета в киберпространстве не существует⁶. Особенность построения современ-

ных сетевых технологий и функционирования сети «Интернет» позволяют говорить о том, что суверенитет, охватывающий все киберпространство, невозможен, однако вполне реальны выделение государственных сегментов киберпространства и зон национальных интересов в глобальном киберпространстве.

Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ рассмотрела вопрос о необходимости разработки понятия суверенитета в информационном пространстве и внесла предложение, что «информационный суверенитет государств – участников СНГ – это способность и возможность самостоятельно осуществлять функции государства в информационной сфере с целью соблюдения прав и свобод граждан, обеспечения национальной и коллективной безопасности»⁷.

Действительно, современное киберпространство – это объективная реальность, где цифровая трансформация стирает большинство отличий от иных сфер общественных отношений и требует разработки механизма правового регулирования, который должен осуществляться в рамках государственного суверенитета, что требует особых подходов к определению его границ.

Отсутствие правового механизма установления национального суверенитета сегментами киберпространства может поставить под сомнение распространение действия какого-либо государственного суверенитета в киберпространстве. Перспективы создания общемирового законодательства, регулирующего деятельность киберпространства, близки к нулю. Это связано с тем, что невозможно привести к одному знаменателю геополитические интересы разных юрисдикций в киберпространстве, а также отличием «национальных представлений о приемлемом и непри-

4. Романовский Г.Б., Романовская О.В. О цифровом суверенитете // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 9.

5. Кутюр С., Тоупин С. Что означает понятие "суверенитет" в цифровом мире? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2020. Т. 15. № 4. С. 3.

6. Boyle, J. Foucault in cyberspace: surveillance, sovereignty and hardwired censors/ J. Boyle // University of Cincinnati law review. 1997. Vol.66. P.177–206.; Lotrionte, C. State sovereignty and self-defense in cyberspace: a normative framework for balancing legal rights / C.Lotrionte // Emory international law review. 2012. Vol. 26. P. 825–919.

7. О проекте Стратегии обеспечения информационной безопасности государств – участников Содружества Независимых Государств: Постановление № 41-13 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ.

емлемом контенте и поведении в информационных сетях кардинально отличаются в разных странах»⁸.

В настоящее время у ученых, исследующих вопросы цифрового суверенитета государства, преобладает мнение, что «государства должны обеспечивать контроль над данными и системами связи, а также добиваться снижения влияния со стороны иностранных государств на внутреннюю политику»⁹.

Старт признанию территориального значения информационной инфраструктуры как базы для суверенитета дало ее определение, разработанное в Доктрине информационной безопасности РФ. Таким образом совокупности объектов информатизации, информационных систем, сайтов в сети Интернет и сетей связи попадали под юрисдикцию Российской Федерации посредством определения их фактического местонахождения на территории РФ. Е. Добрикова отмечает, что это было базовой точкой провозглашения суверенитета Российской Федерации в киберпространстве¹⁰.

Тенденция «территориализации» и провозглашения суверенитета над национальным сегментом киберпространства является доминирующим принципом при внесении изменений в Федеральные законы «О связи» и «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» для в создания инфраструктуры в целях обеспечения устойчивого и безопасного использования на территории Российской Федерации доменных имен¹¹. Таким образом, первым критерием, описанным российским правом, для установления юрисдикции в киберпро-

странства стал критерий физической материальной привязки технологической инфраструктуры киберпространства к территории Российской Федерации.

В то же время использование только одного критерия не способно нивелировать многие противоречия глобального характера, например, когда «действия лица в киберпространстве не являются противоправными с точки зрения закона страны размещения технических устройств, но признаются таковыми в государстве, на которое данная информация направлена. Также имеется множество способов фальсификации данных в условиях киберпространства — от способов сокрытия собственной реальной личности до сокрытия своего местоположения»¹². Таким образом критерии определения национального суверенитета в киберпространстве должны позволять выйти за физические государственные границы, т. е. речь идет о более широком пространственном контуре юрисдикции в киберпространстве¹³.

Однако сложность очерчивания юрисдикции государства в киберпространстве предполагает необходимость использования комбинированной системы критериев для ее описания в киберпространстве, что было указано в Указе Президента РФ № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности РФ». Должны быть разработаны «критерии экстратерриториальной юрисдикции в киберпространстве, что объясняется снижением значимости территориального критерия при разграничении территориальной и экстратерриториальной юрисдикции в условиях масштабного развития киберпространства, транс-

8. Ковальский, Р. Р. Особенности стратегического развития цифровых экосистем // Инновации и инвестиции. 2022. № 3. С. 222-234.

9. Петроченков И.А. К вопросу о концепции цифрового суверенитета // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 69-73.

10. Добрикова Е. Кибербезопасность и цифровой суверенитет: стимул или препятствие для развития IT-рынка? // ГАРАНТ.РУ. 2 марта 2017 г.

11. Терентьева Л.В. Принципы установления территориальной юрисдикции государства в киберпространстве // Lex russica. 2019. № 7. С. 119-129.

12. Упоров А.Г. Развитие Интернета и принцип территориальности в международном праве // Международное публичное и частное право. 2022. № 3. С. 15-17.

13. Терентьева Л.В. Территориальный аспект юрисдикции и суверенитета государства в киберпространстве // Lex russica. 2019. № 4. С. 139-150.

формирующего пространственное восприятие границ государства»¹⁴.

Необходимо решение проблематики «относительно пространственного контура реализации юрисдикции государства в киберпространстве»¹⁵.

Исходя из сущности киберпространства, необходимо активизировать работу по созданию системы международно-правовой регламентации правоотношений в его рамках путем заключения международных соглашений, которыми должны быть урегулированы вопросы:

– обязательность соблюдения прав человека и основополагающих международных конвенций в киберпространстве¹⁶.

– пределов национальной юрисдикции в киберпространстве;

– унификации норм национального законодательства в киберпространстве¹⁷.

В то же время российскому законодателю в ближайшее время необходимо разработать и закрепить в национальном законодательстве критерии определения границ государственного суверенитета национального сегмента киберпространства, а также санкционировать использование специальных обычаев киберпространства (*lex electronica*) в тех случаях, если особенности построения информационных систем не позволяют использовать классическое право.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Добрикова Е. Кибербезопасность и цифровой суверенитет: стимул или препятствие для развития IT-рынка? // URL: www.garant.ru.
2. Иванов А.А. Цифровые технологии и права граждан: проблемы и перспективы // Право и модернизация общества. 2020. №2. С. 35-44.
3. Ковальский Р. Р. Особенности стратегического развития цифровых экосистем // Инновации и инвестиции. 2022. № 3. С. 222-234.
4. Кутюр С., Тоупин С. Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2020. Т. 15. № 4. С. 48-63.
5. Мажорина М.В. Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? // *Lex russica*. 2019. № 2 (147). С. 107-120.
6. Панкратова М.Е., Васильева А.А. Ограничения прав человека в киберпространстве: конституционно-правовые аспекты // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2021. № 2. том 1. С. 20-29.
7. Петров В.В. Правовое регулирование киберпространства: проблемы и пути совершенствования // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 43-53.
8. Петроченков И.А. К вопросу о концепции цифрового суверенитета // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 69-73.
9. Романовский Г.Б., Романовская О.В. О цифровом суверенитете // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 9. С. 25-31.
10. Терентьева Л.В. Принципы установления территориальной юрисдикции государства в киберпространстве // *Lex russica*. 2019. № 7. С. 119-129.
11. Терентьева Л.В. Разграничение экстратерриториальной и территориальной юрисдикции в киберпространстве // Право и цифровая экономика. 2022. № 1. С. 41-51.
12. Терентьева Л.В. Территориальный аспект юрисдикции и суверенитета государства в киберпространстве // *Lex russica*. 2019. № 4. С. 139-150.

¹⁴ Терентьева Л.В. Разграничение экстратерриториальной и территориальной юрисдикции в киберпространстве // Право и цифровая экономика. 2022. № 1. С. 41-51

¹⁵ Мажорина М.В. Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? // *Lex russica*. 2019. № 2 (147). С. 107-120.

¹⁶ Панкратова М.Е., Васильева А.А. Ограничения прав человека в киберпространстве: конституционно-правовые аспекты // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2021. № 2. том 1. С. 20-29.

¹⁷ Kablan S.A. Pour une evolution du droit des contrats: le contrat electronique et les agents intelligents. These presentee a la Faculte des etudes superieures de l'universite Laval dans le cadre du programme de doctorat en droit pour l'obtention du grade de docteur en droit (LL.D.) Faculte de droit. Universite Laval Quebec. 2008. Available from: <https://corpus.ulaval.ca/jspui/handle/20.500.11794/19829?locale=en>.

13. Упоров А.Г. Развитие Интернета и принцип территориальности в международном праве // Международное публичное и частное право. 2022. № 3. С. 15-17.
14. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5-16.
15. Boyle, J. Foucault in cyberspace: surveillance, sovereignty and hardwired censors/ J. Boyle // University of Cincinnati law review. 1997. Vol.66. P.177–206.; Lotrionte, C. State sovereignty and self-defense in cyberspace: a normative framework for balancing legal rights / C.Lotrionte // Emory international law review. 2012. Vol. 26. P. 825–919.
16. Kablan S.A. Pour une evolution du droit des contrats: le contrat electronique et les agents intelligents. These presentee a la Faculte des etudes superieures de l'universite Laval dans le cadre du programme de doctorat en droit pour l'obtention du grade de docteur en droit (LL.D.) Faculte de droit. Universite Laval Quebec. 2008. Available from: <https://corpus.ulaval.ca/jspui/handle/20.500.11794/19829?locale=en>

ТРАНСЛИТЕРЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Dobrikova E. Kiberbezopasnost' i cifrovoy suverenitet: stimuly ili prep'yatstviya dlya razvitiya IT-rynka? // www.garant.ru
2. Ivanov A.A. Cifrovye tekhnologii i prava grazhdan: problemy i perspektivy // Pravo i modernizatsiya obshchestva. 2020. №2. S. 35-44.
3. Koval'skij R. R. Osobennosti strategicheskogo razvitiya cifrovyykh ekosistem // Innovatsii i investitsii. 2022. № 3. S. 222-234.
4. Kutyur S., Toupin S. CHto oznachaet ponyatie "suverenitet" v cifrovom mire? // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika. 2020. T. 15. № 4. S. 48-63.
5. Mazhorina M.V. Cifrovye platformy i mezhdunarodnoe chastnoe pravo, ili Est' li budushchee u kiberprava? // Lex russica. 2019. № 2 (147). S. 107-120.
6. Pankratova M.E., Vasil'eva A.A. Ogranicheniya prav cheloveka v kiberprostranstve: konstitucionno-pravovyye aspekty // Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva. 2021. № 2. tom 1. S. 20-29.
7. Petrov V.V. Pravovoe regulirovanie kiberprostranstva: problemy i puti sovershenstvovaniya // Zhurnal rossijskogo prava. 2019. № 6. S. 43-53.
8. Petrochenkov I.A. K voprosu o koncepcii cifrovogo suvereniteta // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2022. № 7. S. 69-73.
9. Romanovskij G.B., Romanovskaya O.V. O cifrovom suverenitete // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2022. № 9. S. 25-31.
10. Terent'eva L.V. Principy ustanovleniya territorial'noy yurisdikcii gosudarstva v kiberprostranstve // Lex russica. 2019. № 7. S. 119-129.
11. Terent'eva L.V. Razgranichenie ekstraterritorial'noy i territorial'noy yurisdikcii v kiberprostranstve // Pravo i cifrovaya ekonomika. 2022. № 1. S. 41-51.
12. Terent'eva L.V. Territorial'nyy aspekt yurisdikcii i suvereniteta gosudarstva v kiberprostranstve // Lex russica. 2019. № 4. S. 139-150.
13. Uporov A.G. Razvitie Interneta i princip territorial'nosti v mezhdunarodnom prave // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2022. № 3. S. 15-17.
14. Habrieva T.YA. Pravo pered vyzovami cifrovoy real'nosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 9. S. 5-16.
15. Boyle, J. Foucault in cyberspace: surveillance, sovereignty and hardwired censors/ J. Boyle // University of Cincinnati law review. 1997. Vol.66. P.177–206.; Lotrionte, C. State sovereignty and self-defense in cyberspace: a normative framework for balancing legal rights / C.Lotrionte // Emory international law review. 2012. Vol. 26. P. 825–919.
16. Kablan S.A. Pour une evolution du droit des contrats: le contrat electronique et les agents intelligents. These presentee a la Faculte des etudes superieures de l'universite Laval dans le cadre du programme de doctorat en droit pour l'obtention du grade de docteur en droit (LL.D.) Faculte de droit. Universite Laval Quebec. 2008. Available from: <https://corpus.ulaval.ca/jspui/handle/20.500.11794/19829?locale=en>

О.Г. ФИЛИПЕНКОВА

Особенности публично-правового регулирования обязательного социального страхования

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются актуальные вопросы обязательного социального страхования, которое характеризуется рядом особенностей, отличающих его от иных видов страхования. С точки зрения финансовой категории, его можно рассматривать как особую систему отношений по поводу перераспределения национальных финансовых средств, формирующих специализированные фонды, средства из которых направляются на материальную поддержку части населения, которая по различным причинам не имеет возможности принять участие в общественном труде. Материальной составляющей обязательного социального страхования являются специальные государственные внебюджетные фонды, формируемые за счет страхователей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государство, право, социальная защита, обязательное социальное страхование, страховой интерес, риск, страховой случай.

ФИЛИПЕНКОВА ОЛЕСЯ ГЕННАДЬЕВНА – старший преподаватель Департамента права Института экономики, управления и права ГАОУ ВО Московский городской педагогический университет (e-mail: sonechka.81@mail.ru).

В современном обществе социальное государство организует свою помощь населению посредством системы социальной защиты населения, элементом которой выступает обязательное социальное страхование, которое является важнейшим направлением публичной финансовой деятельности государства, формой реализации государственной социальной политики. Как правило, в ее основе лежит принцип социальной солидарности, учитывающий степень нуждаемости гражданина в тех или иных страховых выплатах.

Положения статьи 39 Конституции Российской Федерации гарантируют каждому гражданину право на социальное обеспечение со стороны государственных органов власти. По своему содержанию указанное право – это система мер, предоставляемых государством с целью защиты прав граждан в старости, при инвалидности, в случае потери кормильца, в период безработицы, болезни, беременности и в иных жизненных ситуациях, когда граждане не могут использовать собственный труд для получения вознаграждения за их труд. Поэтому объектом обязательного социального страхования всегда выступают страховые интересы, связанные с компенсацией потерь доходов лица из-за наступления неблагоприятных событий – страховых случаев.

Страховыми случаями признаются юридические факты, как: наступление пенсионного возраста, наступление инвалидности, потеря кормильца, заболевание, травма на производстве или профессиональное заболевание, беременность и роды, рождение ребенка, уход за ним.

Обязательное социальное страхование осуществляется на основе: Конституция Российской Федерации, Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации», Гражданский кодекс Российской Федерации, Бюджетный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования», иные нормативные правовые акты.

Реализация закрепленных в Конституции Российской Федерации прав и гарантий человека на социальную защиту проводится в разных формах, которые зависят от:

- перечня лиц, подлежащих социальному обеспечению;
- видов обеспечения;
- источников финансирования мероприятий социальной политики;
- органов власти, осуществляющих социальное обеспечение.

Необходимо отметить и то, что законодательно закреплены различные формы социального обеспечения, которые тесно связаны с социальным риском, под которым понимается предполагаемое событие, при наступлении которого осуществляется обязательное социальное страхование.

В современной России обязательное социальное страхование является важным средством реализации конституционного права граждан на социальное обеспечение при наступлении определенного законом ряда обстоятельств, способствуя воспроизводству трудовых ресурсов, поддержанию социальной справедливости и политической стабильности общества¹.

Важно определить, что конструкция социального страхования предусматривает взаимную обязанность: для получения от страховщика выплат и компенсаций в виде социальной страховой защиты, страхователь изначально обязан произвести соответствующие отчисления — страховые взносы.

Традиционно выделяют две формы социального страхования: обязательное и добровольное. Они различаются по правовому методу регулирования, характеру правоотношений, механизму формирования и расходования страховых фондов.

Социальное добровольное страхование регулируется нормами частного права, отношения между сторонами носят самостоятельный диспозитивный характер. В первую очередь, важно отметить, что добровольное страхование входит в частный сектор экономики, в связи с чем страховые организации или их объединения сами выбирают, в каком порядке и на каких условиях его осуществлять. Оно определяется принципом отсутствия страховой поддержки государства и коллективной солидарности и взаимопомощи на основе договора страхования.

Правовая природа отношений в рамках обязательного социального страхования по-разному

трактуются исследователями. Многие считают, что они входят в предмет трудового права². Данная позиция, на наш взгляд, представляется не до конца оправданной, поскольку Трудовой кодекс Российской Федерации содержит в этой части отсылочные нормы. На наш взгляд, отношения, возникающие по поводу обязательного социального страхования, имеют сложный характер. При регистрации лица в качестве страхователя и уплате им страховых взносов — это финансовые отношения, при осуществлении страховых выплат — отношения, составляющие предмет права социального обеспечения. Следовательно, обязательное социальное страхование является частью публичной финансовой деятельности³.

В течение длительного периода времени в юридической литературе велась дискуссия о правовой природе страховых взносов на обязательное социальное страхование. Многие ученые, опираясь на правовые положения Конституционного Суда Российской Федерации, отрицали их налоговую сущность, но в настоящее время спор решен, в Налоговый кодекс Российской Федерации была внесена новая глава, связанная с правовым регулированием страховых взносов, контроль за их уплатой теперь возложен на налоговые органы. Страховые взносы теперь согласно ст. 8 НК РФ являются видом налоговых платежей⁴.

Таким образом, обязательное социальное страхование служит средством социальной защиты от социальных рисков каждого человека. Особый характер обязательного социального страхования характеризуется рядом особенностей, отличающих его от иных видов страхования:

С точки зрения финансовой категории, его можно также рассматривать как особую систему отношений по поводу перераспределения национальных финансовых средств, формирующих специализиро-

1. Косаренко Н.Н. Понятие и содержание социального страхования в современной России // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2015. № 3. С. 81-86.

2. Барышников Т.Ю. К вопросу о включении отношений по обязательному социальному страхованию в предмет правового регулирования отрасли трудового права // Трудовое право в России и за рубежом. 2011. № 1. С. 30-34.

3. Мирошник С.В. Финансовая система России и мегарегулятор: осмысление новой финансово-правовой реальности // Банковское право. 2015. № 3. С. 33-38.

4. Налоговый кодекс РФ // www.pravo.gov.ru.

ванные фонды, средства из которых направляются на материальную поддержку части населения, которая по различным причинам не имеет возможности принять участие в общественном труде.

Материальной составляющей социального страхования являются формируемые за счет работодателей, работников и государства специальные внебюджетные фонды.

В управлении целевыми фондами социального страхования доминирующую роль играет государство, поскольку они формируются за счет публичных финансов.

В обязательном социальном страховании страховая выплата начисляется в зависимости от того, насколько весомым было трудовое участие и длительности участия в страховом правоотношении⁵.

Поскольку в обязательном социальном страховании важная роль в реализации программ отведена государству, за обеспечение страховых выплат по обязательному социальному страхованию отвечают государственные внебюджетные фонды. Между тем, в добровольном – коммерческие и некоммерческие организации-страховщики управляют финансами из страховых фондов по принципу демократии и самоуправления.

Следующее различие можно провести по субъектному составу рассматриваемых страховых правоотношений. Отчисления взносов в добровольном страховании осуществляются физическими лицами, а также предпринимателями из собственных средств, в то время как в обязательном страховании они производятся за счет работодателей, работников и государства. Публично-правовое регулирование отношений в обязательном социальном страховании исключает деятельность различных посредников.

Кроме того, участие государства в каких-либо правоотношениях предполагает неравенство их участников, что наблюдается в обязательном страховании. А именно: обязательность страхования, устанавливаемая в силу закона, также расширяет полномочия страховщика рядом публично-право-

вых, среди которых – ведение государственного реестра страховщиков, контроль и проверка за соблюдением ими страхового законодательства, привлечение к юридической ответственности в случае выявления правонарушений. В случае добровольного страхования отношения по поводу страхования строятся по принципу автономии и равенства сторон.

В качестве еще одного критерия для сравнения можно взять характер страхования. Несмотря на то, что в некоторых случаях страхуется весь коллектив, добровольное страхование строится на принципе индивидуальности, поскольку субъект ограничен по кругу лиц. При этом обязательное страхование носит всеобщий характер. Непременно различной будет правовая база рассматриваемых форм социального страхования. Так, правовое регулирование добровольного социального страхования как договорного отношения основано на гражданско-правовых нормах (в частности глава 48 ГК РФ). Систему актов регламентации обязательного, по сравнению с добровольным, дополняют нормативные-правовые акты о государственных внебюджетных фондах, а также ряд иных, регулирующих аспекты обязательного страхования.

Обобщая перечисленные различия добровольной и обязательной форм социального страхования, можно сказать, что основное отличие заключается в том, что страховые правоотношения в сфере добровольного социального страхования строятся по принципу автономии воли, равенства сторон, что характерно для частного права. В свою очередь, отношения по обязательному социальному страхованию носят противоположный характер, что позволяет их отнести к публично-правовым.

В основе публично-правового регулирования и определения ключевых моментов обязательного социального страхования в Российской Федерации лежит Федеральный закон от 16.07.1999 № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования», а также принимаемые в соответствии с ним федеральные законы о конкретных видах обя-

⁵ Фогельсон Ю.Б. Страхование право: теоретические основы и практика применения: монография. М: Норма, ИНФРА-М, 2019. 576 с.

зательного социального страхования, регулирующие эти виды. Указанный Федеральный закон распространяется на работающих граждан, лиц, самостоятельно обеспечивающих себя работой, иных категорий граждан, в том числе при условии уплаты ими или за них страховых взносов на обязательное социальное страхование.

Особенность наступления неблагоприятных последствий заключается в их значимости не только для отдельной личности, но и для общества в целом. Они имеют своим результатом необходимость несения дополнительных расходов или убытков застрахованного лица и компенсируются через систему выплаты соответствующего пособия. Каждому виду социального страхового риска соответствует определенный вид страховой выплаты, именуемой в данном виде страхования страховым обеспечением.

Обобщая вышесказанное, можно выделить цель создания обязательного социального страхования, которая заключается в делении той ответственности в результате социального страхового риска (случая) между подлежащими обязательному страхованию лицами, и государством, которое в свою очередь компенсирует понесенные ими расходы.

Мы выяснили, что отличительной особенностью обязательного социального страхования является публичность правоотношений, при которой обязательным и активным участником отношений является государство или представляющий его субъект, обладающий публично-правовыми полномочиями. Такое участие выражается в управлении финансами, направляемыми на обязательное социальное страхование, участии в формировании финансовой базы и ее использовании в соответствии с поставленными целями.

Экономическая база обязательного социального страхования имеет более обширную и жесткую регламентацию со стороны государства (по сравнению с договорным страхованием). Так, федеральными законами и иными нормативными актами устанавливается основа поступления денежных средств, тарификация страховых взносов, а так-

же то, в каком порядке они должны вноситься и начисляться страхователями. Немалое значение в Федеральном законе «Об основах обязательного социального страхования» отведено урегулированию процесса расходования денежных средств из страховых фондов, назначения и реализации страховых выплат.

Федеральным законом определено, что средства обязательного социального страхования являются федеральной государственной собственностью и не могут быть изъяты. Бюджеты государственных внебюджетных фондов по обязательному социальному страхованию на территории России, регламентированные Бюджетным Кодексом РФ, формируются и функционируют вне бюджетной системы, не являясь составной частью бюджетов ни одного уровня (федерального, региональных или местных бюджетов). Между тем, оперативное управление данными средствами законодательство передает страховщикам. ЦБ РФ осуществляет хранение на счетах своих учреждений денежных ресурсов, направляемых на обязательное социальное страхование, не взимая комиссии за осуществление банковских операций с ними.

Одним из принципов осуществления обязательного социального страхования, относящихся к его финансовой основе, является обеспечение устойчивости финансовой системы данного вида страхования. В качестве гарантий реализации данного фактора устанавливается возможность проведения межбюджетных трансфертов (осуществление дотаций) из средств федерального бюджета для обеспечения социальных выплат, если средств в системе обязательного социального страхования для этого недостаточно, в размерах, позволяющих обеспечить установленные выплаты (предусматривается на этапе формирования проекта федерального закона о федеральном бюджете).

С 1 января 2023 года произошло объединение Фонда социального страхования и Пенсионного фонда и создан единый Фонд пенсионного и социального страхования РФ (Социальный фонд России)⁶. Свои денежные средства он формиру-

6. Федеральный закон от 14.07.2022 № 236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации» // www.pravo.gov.ru.

ет за счет поступлений обязательных взносов, а также за счет федерального бюджета или посредством доходов от инвестиционной деятельности свободных средств Фонда. Бюджет Фонда как бюджет государственного внебюджетного фонда утверждается посредством принятия федерального закона на очередной финансовый год и плановой период.

В заключение можно сделать следующие обобщающие выводы. Во-первых, социальное страхование считается одной из наиболее важных социальных услуг в современном социальном государстве, которым и является Российская Федерация. В нашей стране социальное страхование можно рассматривать как взаимное возмездное обязательство частно-публичного характера. Выделяют две формы, составляющие систему социального страхования исходя из его возникновения и осуществления, — обязательное и добровольное. Так,

граждане и организации вступают в отношения по обязательному социальному страхованию по указанию закона, а в добровольное — на основании договора, согласно которому они приобретают обязанность уплачивать страховые взносы взамен на право компенсаций из средств страхового фонда с учетом внесенных ими сумм.

Во-вторых, обязательное социальное страхование — это вид государственных социальных гарантий, представленных особой системой защиты трудоспособных граждан, а также находящихся на иждивении членов их семей, от потери заработка в случаях, когда лицо теряет возможность трудиться в силу различных обстоятельств (вследствие болезни, старости, материнства, инвалидности и так далее). Обязательное социальное страхование рассматривает особую категорию страховых рисков — социальные виды риска, связанные с жизнью и здоровьем человека.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Захаров М.Л. Социальное страхование в России. Прошлое, настоящее и перспективы развития. М.: Проспект, 2018. 256 с.
2. Землин А.И. Финансовое право Российской Федерации: учебник для бакалавриата и специалитета. М.: Юрайт, 2019. 301 с.
3. Косаренко Н.Н. Государство и страхование: монография. М.: ФЛИНТА, 2021. 452 с.
4. Косаренко Н.Н. Понятие и содержание социального страхования в современной России // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2015. № 3. С. 81-86.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Zaharov M.L. Social'noe strahovanie v Rossii. Proshloe, nastoyashchee i perspektivy razvitiya. M.: Prospekt, 2018. 256 s.
2. Zemlin A.I. Finansovoe pravo Rossijskoj Federacii: uchebnik dlya bakalavriata i specialiteta. M.: YUrajt, 2019. 301 s.
3. Kosarenko N.N. Gosudarstvo i strahovanie: monografiya. M.: FLINTA, 2021. 452 s.
4. Kosarenko N.N. Ponyatie i sodержanie social'nogo strahovaniya v sovremennoj Rossii // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2015. № 3. S. 81-86.

О.В. ЕФИМОВА

Особенности правового режима имущества учреждений

АННОТАЦИЯ. Учреждения как юридические лица являются активными участниками имущественного оборота. При этом особенности правового статуса указанных организаций обуславливают законодательные ограничения на возможность реализации ими своих прав обладателей имущества, а также и на возможность кредиторов учреждений обратиться взыскание на имущества должника. Данные особенности и ограничения исследованы в настоящей статье.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: учреждение, унитарное юридическое лицо, право оперативного управления, особо ценное движимое имущество.

ЕФИМОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин и нотариата Российской академии адвокатуры и нотариата (НОУ ОВО «РААН»), доцент Департамента Права Института экономики, управления и права ГАОУ ВО Московского городского педагогического университета («МГПУ») (e-mail: alisa03@mail.ru).

Учреждения как юридические лица занимают значительное место среди иных участников гражданского оборота. Вместе с тем, особенности правового статуса данных организаций формируют некоторые ограничения осуществления ими своих имущественных прав. Правовые основы реализации имущественных прав учреждений изложены в Гражданском кодексе Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (далее по тексту ГК РФ) и в Федеральном законе 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». Порядок, условия такого осуществления определяются правовым статусом учреждения как унитарной некоммерческой организации, а также видом учреждения (государственного, муниципального или частного) и видом вещного права, на котором происходит закрепление имущества. Интересно, что термин «учреждение» используется в гражданском праве, по крайней мере, в двух значениях: во-первых, как глагол, опосредующий процесс создания

(учреждения) организации (в данном качестве это слово использовано в ст. 50.1 ГК РФ), во-вторых, как организационно-правовая форма юридического лица (к примеру, подп. 8 п. 3 ст. 50 ГК РФ).¹

Цель создания учреждения, независимо от его вида, – это осуществление управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера, согласно п. 1 ст. 123.21 ГК РФ². Данная цель определяет правоспособность рассматриваемого юридического лица и будет влиять на условия осуществления прав в отношении имущества учреждения.

Согласно абз. 2 п.1 ст. 123.21 ГК РФ имущество, полученное по различным основаниям, начиная от переданного учредителем при учреждении и поступившее от иных источников, закрепляется на ограниченном вещном праве – праве оперативного управления. Собственником данного имущества является учредитель учреждения.

Известно, что право оперативного управ-

1. В некоторых случаях данный термин рассматривается также как противопоставление юридического лица без соучредительства корпорациям как союзам учредителей, см., например, Козлова Н.В. Проблемы статуса частного образовательного учреждения в свете реформирования законодательства о вещных правах // Журнал российского права. 2016. № 7. С. 35

2. Ефимова О.В. Частный музей и музейная деятельность // Имущественные отношения в РФ. 2022. № 8. С. 17

ление было предложено академиком А.В. Венедиктовым³ и впервые закреплено в ст. 26.1 Закон СССР от 08.12.1961 «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик». Наличие данного права (равно как и права хозяйственного права) в настоящих условиях весьма сомнительно. «Они представляют собой остатки прежнего социально-экономического строя, в котором государство как основной собственник имуществ было вынуждено условно распределять их основную часть между своими формально самостоятельными юридическими лицами, наделяя их столь же условными «вещными» правами хозяйственного ведения и оперативного управления»⁴.

Законодатель в ст. 299 ГК РФ указывает, что право оперативного управления на имущество, закрепляемое за учреждением, возникает с момента его передачи организации. Конкретная дата такого закрепления определяется актом собственника⁵. Право оперативного управления распространится также на имущество, приобретенное учреждением на основании договора, который и определит момент возникновения указанного ограниченного вещного права.⁶ При этом право оперативного управления на недвижимость подлежит регистрации в Едином государственном реестре недвижимости (ст. 131 ГК РФ, п. п. 5, 6 ст. 1, ст. ст. 14, 15 и 18 ФЗ от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости») и соответственно, момент возникновения права связан с моментом данной регистрации.

Прекращение права оперативного управления может произойти по различным основаниям, указанным в п. 3 ст. 299 ГК РФ:

– по основаниям, определенным для прекращения права собственности в соответствии с положениями главы 15 ГК РФ,

– по основаниям, определенным другими законами и иными правовыми актами для прекращения права собственности,

– в связи с правомерным изъятием имущества у учреждения по решению собственника.

Последнее основание указывает на ограниченный характер права оперативного управления. Однако изъятие у учреждения имущества допустимо, если оно:

– излишнее,

– неиспользуемое,

– используемое не по назначению имущества.

Кроме наличия данных негативных условий изъять можно только то имущество, которое было предоставлено учреждению его учредителем или было приобретено учреждением за счет средств, предоставленных учредителем. Соответственно, имущество, полученное учреждением в процессе осуществления собственной деятельности, приносящей доход, изъятию не подлежит.

Основная функция права оперативного управления как вещного права проявляется в формировании имущественной обособленности для учреждения от иного имущества собственника – учредителя, а также от имущества иных субъектов права. Следует указать, что несмотря на то что данное право прямо названо ограниченно вещным, по мнению Е.А. Суханова, оно не обладает всеми признаками вещных прав, поэтому считается таковым не может.⁷ Совершенно обоснованное сомнение в силу отсутствия такой важной черты

3. См. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948 С. 322-331.

4. Суханов Е.А. Комментарии к статьям 48, 50 Гражданского кодекса РФ // Вестник гражданского права. 2022. № 1. С. 136-166.

5. Однако данный момент может быть и иным и определяться либо федеральным законом или решением собственника.

6. См. п.5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // [www.: pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru).

7. Суханов Е.А. Проблемы реформирования Гражданского кодекса России: избранные труды 2008–2012 гг. М., 2013. С. 333-337.

вещных прав как свойство следования. К тому же право оперативного управления распространяется не только на индивидуально-определенные вещи, но и на все иное имущество, как следует из буквального прочтения положений ст. ст. 296, 298 ГК РФ.

Содержание права оперативного управления определено ст. 296 ГК РФ и составляет правомочия владения и пользования. Последнее ограничено целями деятельности правообладателя, его специальной правоспособностью и назначением имущества. Правомочие распоряжение присутствует опосредованно, при наличии согласия собственника-учредителя на данные действия.

Помимо указанных ограничений в праве (цель создание организации, назначение имущества, согласие собственника), пределы права оперативного управления могут формироваться как от вида субъекта данного права, так и от вида объекта, на который оно распространяется⁸.

Особенности объектов установлены для определенных видов государственных и муниципальных учреждений – казенных, бюджетных и автономных. Указанные особенности обусловлены как возможностью или, напротив, невозможностью отчуждения, так и допустимостью обращения взыскания на соответствующее имущество по долгам организации. Для соблюдения соответствующих требований и ограничений присутствует не только деление вещей на движимые и недвижимые, но и выделяется категория «особо ценное движимое имущество». Формирование статуса для определенного движимого имущества как особого ценного будет распространяться как на вещи, переданные учредителем-собственником, так и приобретенные за счет средств данного учредителя.

Обособление особо ценного движимого имущества учреждения от иного движимого имущества осуществляется путем ведения соответствующего перечня, который в свою

очередь формируется на основании данных бухгалтерского учета указанного имущества по таким индивидуализирующим признакам, как полное наименование объекта, его инвентарный (учетный) номер и балансовая стоимость.

Особое ценное движимое имущество подразделяется на виды и перечни исходя из положений Постановления Правительства РФ от 26.07.2010 № 538 «О порядке отнесения имущества автономного или бюджетного учреждения к категории особо ценного движимого имущества». Такое деление не вполне ясно, поскольку не раскрывается даже в самом общем виде, что следует относить к видам, а что формирует перечни. Равно и анализ нормативных актов, содержащий указание на отнесение соответствующего имущества к видам и перечням, особо ценного имущества показывает, что законодатель более опирается на виды путем указания конкретных характеристик имущества (к примеру, через указание цены или наименования объекта). Постановление Правительства РФ от 26.07.2010 № 538 в п. 4 дает общие характеристики отнесения к тому или иному перечню, в частности:

- по минимальному размеру балансовой стоимости движимого имущества,
- по значению и назначению (движимое имущество, без которого реализация уставных цели и задач существенно затруднена),
- имущество, отчуждение которого производится в специальном порядке.

В то же время какого-либо принципиального различия при отнесении к перечню или виду имущества, в том числе с точки зрения различий, в правовом режиме нет. Перечни особо ценного имущества формируются через указание видов таких вещей. К примеру, для формирования видов особо ценного движимого имущества, в Приказе Управления делами Президента РФ от 28.11.2022 № 567 «Об определении видов и перечней особо ценного движимого имущества федеральных государственных бюджетных и автоном-

⁸ См.: п.11.1 Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации // www.pravo.gov.ru.

ных учреждений, находящихся в ведении Управления делами Президента Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 30.12.2022 № 71936) используется прием формирования перечней, указанный в п. 4 Постановления Правительства РФ от 26.07.2010 № 538, а именно такими видами являются движимое имущество, балансовая стоимость которого за единицу равна или превышает 500 тыс. рублей; транспортные средства, самоходные машины, машины и оборудование к ним, авиационные двигатели независимо от балансовой стоимости и др. Соответственно, вид определяется или стоимостной характеристикой, или назначению вещи.

При определении перечня особо ценного движимого имущества федеральных государственных бюджетных учреждений, подведомственных Федеральной службе по ветеринарному и фитосанитарному надзору (утвержденный Приказом Россельхознадзора от 16.05.2022 № 708 «Об определении перечня особо ценного движимого имущества федеральных государственных бюджетных учреждений, подведомственных Федеральной службе по ветеринарному и фитосанитарному надзору» (зарегистрировано в Минюсте России 16.08.2022 № 69653) применяется тот же прием, что и при определении видов такого имущества. В частности, указанным Приказом Россельхознадзора № 707 в перечень исследуемого имущества попадают: движимое имущество, балансовая стоимость которого равна или превышает 500 тыс. рублей.; лабораторное оборудование, лабораторные приборы, лабораторная мебель и т.д. Такое же отнесение к видам и перечням особо ценного движимого имущества присутствует и в других нормативных актах. Так, в п.2 Приказа МИД России от 10.11.2022 № 23787 «Об определении видов и перечней особо ценного движимого имущества федеральных государственных бюджетных и автономного учреждений, находя-

щихся в ведении Министерства иностранных дел Российской Федерации» (зарегистрировано в Минюсте России 16.12.2022 № 71586) прямо указано, что перечень особо ценного движимого имущества формируется через указание конкретных видов имущества согласно Приложению к данному приказу.

Назначение выделения в составе имущества особо ценного движимого и недвижимого состоит в указании имущества, которое не может быть изъято кредиторами.

Так, бюджетное учреждение не отвечает по своим обязательствам перед третьими лицами имуществом, отнесенного к особо ценному движимому имуществу и недвижимостью. Такое же имущество, на которое не может быть обращено взыскание, определено и для автономного учреждения.

Таким образом, для целей определения имущества, на которое не может быть обращено взыскание по долгам учреждения, формируется особый правовой статус таких «неприкасаемых» вещей.

Формирование таких видов имущества для целей возможности изъятия по долгам организации не актуально для казенного учреждения и частного.

Данные виды учреждений отвечает по своим обязательствам только денежными средствами, находящимися в их распоряжении. В оставшейся части непогашенных обязательств ответственность будет нести учредитель – собственник имущества.

Возможность получения удовлетворения от собственника имущества по долгам данных видов учреждений имеет место только в том случае, если кредиторы заявили соответствующие требования сначала учреждению до его ликвидации, обеспечив тем самым условия субсидиарной ответственности учредителя. Данный вывод подтверждается также судебной практикой⁹.

⁹ См. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2006 № 21 (ред. от 28.05.2019) «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров с участием государственных и муниципальных учреждений, связанных с применением статьи 120 Гражданского кодекса Российской Федерации» // www.pravo.gov.ru.

Также наделение движимого имущества статусом особого ценного обусловлено условиями его обращения. Так, п. 10 ст. 9.2 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» устанавливает необходимость получения согласия собственника на распоряжение таким имуществом бюджетным учреждением. Такое же ограничение на необходимость получения согласия собственника по распоряжению данным имуществом установлено для автономного учреждения. Кроме

того, автономное учреждение должно истребовать согласие на распоряжение также недвижимостью.

Таким образом, особенности правового режима имущества учреждений определяются особенностями статуса самого правообладателя (точнее его специальной правоспособностью), титулом, на основании которого организация обладает данным имуществом и введенным именно для учреждений отдельным видом движимого имущества — особо ценного.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 837 с.
2. Ефимова О.В. Частный музей и музейная деятельность // Имущественные отношения в РФ. 2022. № 8. С. 36-40.
3. Козлова Н.В. Проблемы статуса частного образовательного учреждения в свете реформирования законодательства о вещных правах // Журнал российского права. 2016. № 7. С. 35-43.
4. Суханов Е.А. Проблемы реформирования Гражданского кодекса России: избранные труды 2008 – 2012 гг. М.: Статут, 2013. 434 с.
5. Суханов Е.А. Комментарии к статьям 48, 50 Гражданского кодекса РФ // Вестник гражданского права. 2022. № 1. С. 136-166.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Venediktov A.V. Gosudarstvennaya socialisticheskaya sobstvennost'. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1948. 837 s.
2. Efimova O.V. CHastnyj muzej i muzejnaya deyatel'nost' // Imushchestvennyye otnosheniya v RF. 2022. № 8. S. 36-40.
3. Kozlova N.V. Problemy statusa chastnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya v svete reformirovaniya zakonodatel'stva o veshchnyh pravah // Zhurnal rossijskogo prava. 2016. № 7. S. 35-43.
4. Suhanov E.A. Problemy reformirovaniya Grazhdanskogo kodeksa Rossii: izbrannyye trudy 2008 – 2012 gg. M.: Statut, 2013. 434 s.
5. Suhanov E.A. Kommentarii k stat'yam 48, 50 Grazhdanskogo kodeksa RF // Vestnik grazhdanskogo prava. 2022. № 1. S. 136-166.

Ю.А. КРОХИНА

Криптовалюта – фактический объект гражданских прав

АННОТАЦИЯ. На основе финансово-экономической сущности криптовалюты проведен анализ ее юридических признаков с целью выявить возможность отнесения к объектам гражданских прав. Соотнесение имманентных характеристик криптовалюты с юридическими признаками легализованных вещей, результатов и благ обоснован вывод о возможности ее отнесения к категории «иных вещей».

В условиях ротации моделей публичного управления национальными финансовыми системами и неправомерных экономических санкций, введенных недружественными странами против Российской Федерации, цифровые финансовые активы, к числу которых относится криптовалюта, имеют потенциал платежного расчетного средства по внешнеэкономическим сделкам. В этой связи, а также в целях упорядочения гражданского оборота между резидентами российского государства аргументирована необходимость законодательного закрепления дефиниции криптовалюты в ГК РФ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровые финансовые активы, криптовалюта, цифровые деньги, цифровые права, вещи, имущество, обязательства, смарт-контракт, способы защиты, вещные способы защиты.

КРОХИНА ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (e-mail: jkrokhina@mail.ru).

Стремительное развитие цифровой экономики привнесло в общественную жизнь такое новое явление, как криптовалюта.

Однако правовое регулирование криптовалюты и порядка ее обращения существенно отстает от фактических реалий. В Российской Федерации органы государственной власти занимают сдержанную позицию по вопросу легализации криптовалюты. Банк России отмечает, что введение в правовой оборот криптовалюты может иметь высокие риски в виде снижения благосостояния граждан; экспансии нелегальной деятельности; снижения финансовой стабильности¹. Понимая выявленные мегарегулятором проблемы, Правительство Российской Федерации утвердило Концепцию законодательного регулирования цифровых валют, направленную на создание системного

правового регулирования с целью нивелирования рисков. Основным механизмом митигации рисков, выявленных мегарегулятором, Правительство РФ называет создание организованного рынка криптовалют².

Создание организованного рынка в обозначенной сфере невозможно без консолидации доктринальных, правоприменительных и законодательных позиций относительно дефиниции криптовалюты. Согласимся, что организация рынка криптовалют должна осуществляться государственно-правовыми методами³.

Вопросы правового положения криптовалют – задача практически всех стран мира, решаемая как в рамках частного, так и публичного права.

Известный русский цивилист Г.Ф. Шершеневич еще в 1901 году обосновал

1. Риски криптовалют и возможные меры регулирования: доклад для общественных консультаций 20.01.2022 // <https://cbr.ru/press/event/?id=12623> (дата обращения 03.01.2023).

2. Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют // Документ опубликован не был. Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://static.government.ru> по состоянию на 09.02.2022.

3. Козлячков А.А., Клименко С.А., Харитонов Ю.С., Лаутс Е.Б. Концептуальная модель обращения взыскания на децентрализованные некастодиальные криптовалюты // Предпринимательское право. 2022. № 3. С. 42-49.

тезис о том, что объект прав – это «все то, что может служить средством осуществления интереса»⁴. В Российской Федерации перечень объектов гражданских прав зафиксирован ст. 128 ГК РФ и включает в себя: вещи, в том числе деньги в наличной форме и документарные ценные бумаги; иное имущество, среди которого имущественные права, в том числе денежные средства в безналичной форме, бездокументарные ценные бумаги и цифровые права; результаты работ и оказание услуг; результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность), охраняемые законом; нематериальные блага.

Понимание сущности криптовалюты как потенциального объекта гражданско-правового регулирования предполагает соотнесение ее имманентных характеристик с юридическими признаками легализованных вещей, результатов и благ. Наибольшее внешнее тождество криптовалюта проявляет при сопоставлении с такими охраняемыми объектами, как денежные средства, электронные деньги, финансовые инструменты, нематериальные активы, ценные бумаги, деривативы, цифровой товар и иное имущество.

На том основании, что криптовалюта фактически выполняет функцию платежа, то есть проявляет свойства эквивалента и меры стоимости товаров, работ или услуг, то по экономической ипостаси может быть квалифицирована в качестве денежных активов или денег. Деньги могут существовать в виде наличных банкнот, монет и безналичных записей на счетах. Частично функции денег могут выполнять денежные суррогаты, такие, как ценные бумаги, ликвидные ценности и др. В последние годы ряд квазиденег пополнила криптовалюта – особое средство платежа в виде цифрового кода.

С момента первого выпуска (2008 г.) криптовалюты признаются многими субъектами на платежных рынках, что вызывает иллюзию схожести с денежными средствами. У криптовалют не имеется предметного носителя в виде банкнот и монет, но есть свой эксклюзивный цифровой код. Этот шифр можно передать различным иным лицам на каком угодно носителе, включая материальный (например, распечатать). При транзакции с этим кодом у владельца спишется соответствующая сумма. Повторное использование данного кода будет недоступно по соглашению внутри блокчейна. Таким образом, нельзя утверждать, что у криптовалют отсутствует материальный носитель. Можно с отдельной транзакции разбить эту группу биткоинов на более мелкие части, у каждой из которых будет собственный уникальный цифровой код.

Вместе с тем генеральной особенностью денежных знаков является их официальная эмиссия центральными банками государств. Статья 140 ГК РФ императивно фиксирует, что единственным законным средством платежа является рубль. В силу ст. 27 ФЗ № 86-ФЗ от 10.07.2002 «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» ведение на территории Российской Федерации других денежных единиц и выпуск денежных суррогатов запрещаются. Согласно заявлению представителя Центрального Банка криптовалюты не гарантируются и не обеспечиваются Банком России⁵, то есть государство не осуществляет майнинг криптовалют и не признает его результаты в качестве законного средства платежа. Тем самым, несмотря на справедливое замечание о том, что «потенциально цифровые валюты могут выполнять все денежные функции»⁶, криптовалюта не является денежным средством, так как она не эмитируется государ-

4. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 3-е изд. Казань, 1901. С. 121.

5. Информация Банка России от 04.09.2017. «Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалют)» // Вестник Банка России. 2017. № 80.

6. Ситник А.А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. С. 103-113.

ством, не гарантируется ее ценность и нормативно не установлена обязанность принимать ее в качестве платежного средства.

Сомнительной представляется квалификация криптовалюты и в качестве иностранной валюты. Согласно ст. 1 ФЗ № 73 от 10.12.2013 г. «О валютном регулировании и валютном контроле» под иностранной валютой понимаются денежные знаки в виде банкнот, казначейских билетов, монеты, находящиеся в обращении и являющиеся законным средством наличного платежа на территории соответствующего иностранного государства, а также средства на банковских счетах и банковских вкладах в денежных единицах иностранных государств. В настоящее время криптовалюта не признана легальным средством платежа ни в одном иностранном государстве, что не позволяет отнести рассматриваемый объект к категории валютных ценностей. Подобная интерпретация сохранится до тех пор, пока хотя бы одна из стран — членов ООН не придаст криптовалюте статус законного средства платежа для своей юрисдикции.

Процесс майнинга — это не производство товара и не эмиссия денежных средств, это процесс добавления новых блоков в блокчейн. Результатом майнинга является верификация блоков транзакций, которые добавляются в цепь. Этот процесс требователен к ресурсам из-за требований алгоритма PoW (Proof of Work), которые должны быть удовлетворены майнерами с целью найти число, которое ниже цели сложности сети. Организованный подобным образом алгоритм защищает систему от неправомερных деяний (мошенничества, атак двойного расхода), одновременно вовлекая иные виртуальные валюты в экосистему.

Таким образом, смысл процесса майнинга не в «эмиссии» и создании криптовалюты как таковой, а в верификации блоков, за которое майнеры получают вознаграждение. Он является стимулом для продолжения «работы» и вери-

фикации блоков. Добыча криптовалюты — это плата за потраченные ресурсы. Следовательно, действия майнера можно отнести к юридическим поступкам, то есть к правомерным действиям субъекта права, которые специально не направлены на возникновение, изменение или прекращение правоотношений, однако влекут за собой юридически значимые последствия.

В научной литературе обоснованно отмечается, что для юридической характеристики криптовалют, равно как и для понимания их экономической природы, ключевое значение имеет ресурс — цифровое отражение возможностей использования анализируемого объекта. Ресурс переносит свою стоимость на сгенерированную криптовалюту. Именно движение ресурса фиксируется в распределенном реестре и предполагает юридические возможности, которые могут быть обеспечены как техническими (алгоритм, смарт-контракт), так и правовыми средствами защиты⁷. Отталкиваясь от обоснованного вывода Г.Ф. Шершеневича о том, что «объект права следует искать в благах, обеспечиваемых правом как цели, а не в установленном поведении, как средстве»⁸, полагаем возможным резюмировать, что регулироваться правом должен не сам технический процесс майнинга, а его результаты — криптовалюты, полученные в качестве вознаграждения за работу.

Проведем идентификацию имманентных признаков криптовалюты и юридических признаков электронных денежных средств. Согласно п. 18 ст. 3 ФЗ № 161-ФЗ от 27 июня 2011 года «О национальной платежной системе» под электронными денежными средствами понимаются денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета, для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами, и

7. Бельх В.С., Болобонова М.О. Проблемы определения правового режима криптовалют // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 3. С. 23-28.

8. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 3. М., 1912. С. 590.

в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа.

Идентичным признаком криптовалют и электронных денежных средств выступает отсутствие эмитентов, в силу чего не возникает обязательства конкретного лица погасить их денежным платежом. При использовании электронных денег у субъектов гражданского оборота есть право требования оплаты обязательства определенной номинальности стоимости в виде электронных и (или) наличных денежных средств, а также имеется верифицирующий посредник платежа, чего нет у криптовалют (пиринговая сеть). Основное исходное свойство криптовалюты — децентрализация создания — исключает участие в правоотношениях оператора, который выполняет посреднические функции по принятию и исполнению распоряжения. Эти действия реализует протокол платформы как таковой. Справедливо отмечается, что отсутствуют территориальные границы для перевода криптовалюты, невозможна отмена созданной транзакции⁹. Тем самым квалифицировать криптовалюту в формате электронных денежных средств не представляется возможным.

Сопоставим свойства криптовалюты и бездокументарной ценной бумаги на предмет допустимости отнесения первой к категории объектов гражданских прав. Относительно криптовалюты не принимается решения о выпуске ценных бумаг, открытого и доступного иным субъектам права. Криптовалюта является результатом онлайн-выпуска — майнинга — специальной деятельности по созданию новых структур для обеспечения функционирования криптовалютных платформ. На первый взгляд

майнинг можно отождествить с эмиссией ценных бумаг. Но главное различие, имеющее принципиальное юридическое значение для темы нашего исследования, заключается в том, что эмиссия ценных бумаг проводится идентифицированным субъектом централизованно, а майнинг криптовалюты — анонимно и децентрализованно.

Криптовалюта как предмет отношений может быть ликвидирована, например, посредством отправки на фиктивный электронный адрес. Бездокументарные ценные бумаги не могут быть аннулированы, поскольку реестродержатель в силу императивных правовых норм ведет тщательный учет их количества. Тем самым существенные признаки криптовалюты не позволяют идентифицировать ее в качестве бездокументарной ценной бумаги.

Вместе с тем выявленная дифференциация носит временной характер. В России к ценной бумаге можно отнести только то, что прямо прописано в законе, в то время как, например, в США к ценной бумаге относят то, что проявляет себя как ценная бумага. Например, токены регулируются нормами права по ценным бумагам. Легитимация виртуальных активов в качестве ценной бумаги произошла в США после опубликования в 2017 году комиссией по ценным бумагам и биржам (SEC) отчета по делу The DAO. Названный документ зафиксировал, что токены имеют признаки ценных бумаг в силу чего допустимо применять нормы права о ценных бумагах к процедурам эмиссии токенов, как в рамках первичного размещения (ICO¹⁰) и к последующим операциям¹¹. На трехлетний период с даты выхода отчета SEC сформировала «безопасную гавань» для ICO-проектов, согласно правилам которой крипто-токены не будут признаваться ценными бума-

⁹ Цинделиани И.А., Нигматулина Л.Б. Криптовалюта как объект гражданско-правового и финансово-правового регулирования // Финансовое право. 2018. № 7. С. 18-25.

¹⁰ Initial Coin Offer.

¹¹ Report of Investigation Pursuant to Section 21(a) of the Securities Exchange Act of 1934: The DAO. Securities and exchange commission // URL: <https://www.sec.gov/litigation/investreport/34-81207.pdf> (дата обращения: 03.01.2023).

гами¹². Подобный буферный период позволили избежать злоупотреблений по финансовым операциям с виртуальными активами.

Сопоставим органические признаки криптовалюты с юридическими признаками производного финансового инструмента. Согласно ч. 28 ст. 2 ФЗ от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» под названной дефиницией понимается договор, по которому стороны получают право или обязуются выполнить некоторые действия в отношении базового актива (возможность купить, продать, предоставить, получить некоторый товар или ценные бумаги). Базовым активом могут быть валюта, ценные бумаги, товар, индексы, статистические показатели и др.

Ранее мы выявили отсутствие у криптовалюты юридических признаков, присущих товарам или ценным бумагам. Следовательно, анализируемый цифровой актив не может проявлять качества базового актива для производного финансового инструмента. Кроме того, если сравнивать криптовалюту с производным финансовым инструментом, то у нее отсутствует еще один важнейший юридический признак — срочность (все производные инструменты являются срочными).

Вместе с тем, признание криптовалюты в качестве базового актива может дать импульс для развития структурных финансовых инструментов на основе цифровых технологий распределенного реестра. Например, в Сингапуре некоторые торговые площадки (*ICBIT.se*, *MPEX*, *BTC.sx*) начали торговать биткоин-деривативами. Такие деривативы можно купить в том числе за криптовалюту, они не попадают под регулирование Комиссии по

торговле товарными фьючерсами (*Commodity Futures Trading Commission, CFTC*) и менее стандартизированы.

Соотнесем природу криптовалюты с законодательно закрепленными критериями нематериальных активов. По смыслу гражданского законодательства для признания нематериального актива как такового необходимо наличие способности приносить экономические выгоды (доход). Криптоплатформа как информационная система может проявлять качества нематериального актива для своих разработчиков. Но цифровые активы, в том числе криптовалюта, выступают результатом продуцирования платформы и в силу этого приобретают свою ценность. Иной экономической выгоды собственнику (например, в виде роялти) они не приносят. В силу выявленных критериев исключено отождествление криптовалюты и объекта интеллектуальной собственности,

Кроме рассмотренных объектов гражданских прав, ст. 128 ГК РФ содержит понятие «иное имущество» — такие объекты гражданских прав, которые прямо не поименованы в этой статье, но имеют гражданский оборот. Например, такими качествами обладают доля в уставном капитале, деловая репутация, подтвержденные потенциальные будущие доходы. Сопоставление юридических признаков отмеченных объектов и сущностных элементов криптовалюты позволяет отнести последнюю к иному имуществу. Подобной позиции придерживаются суды при рассмотрении споров, объектом которых выступают цифровые активы¹³. В качестве иного «еще одного, третьего вида имущества» криптоактивы рассматривают и в зарубежных юрисдикциях¹⁴. В цивилисти-

¹² Интернет-портал: «Майнинг криптовалюты» // URL: <https://mining-cryptocurrency.ru/> (дата обращения: 03.01.2023).

¹³ Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда № 09АП-16416/2018 от 15.05.2018 года по делу № А40-124668/2017 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3e155cd1-6bce-478a-bb76-1146d2e61a4a/58af451a-bfa3-4723-ab0d-d149aafecd88/A40-124668-2017_20180515_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True; Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда по делу № А40-164942/19 от 04.02.2020 г. // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/db741b81-cf91-4880-99b3-140e4b4e15c1/51908f57-efef-445c-9e67-16fb71badc1a/A40-164942-2019_20200204_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True.

¹⁴ Legal statement on cryptoassets and smart contracts. UK Jurisdiction Taskforce. 2019 // URL: https://35z8e83m1i-h83drye280o9d1-wpengine.netdna-ssl.com/wp-content/uploads/2019/11/6.6056_JO_Cryptocurrencies_State-ment_FINAL_WEB_111119-1.pdf.

ческой науке справедливо резюмируется, что в законодательно установленном перечне объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) нашли воплощение все известные доктринальные классификации объектов по целевому назначению и правовому режиму¹⁵. В этой связи важным аргументом наделения криптовалюты статусом «иного имущества» следует признать позицию о том, что подобный подход укладывается в рамки действующего правового режима, не требует изобретения очередного объекта гражданских прав с неизбежными коллизиями и проблемами его имплементации в правовую систему и правоприменительную практику¹⁶.

По мнению представителя Банка России, криптовалюта может выступать как цифровой товар: «Наше предложение — относить их к цифровому товару и применять законодательство с определенными уточнениями в части налогов, контроля и отчетности, как к цифровому товару. Оно было поддержано всеми министерствами и ведомствами»¹⁷.

На наш взгляд, трактовка криптовалюты в качестве цифрового товара отражает органику этого вида цифрового актива, но не согласуется с нормативным регулированием. Согласно п. 1. ст. 455 ГК РФ товаром по договору купли-продажи могут быть любые вещи, а криптовалюта не является материальной вещью. Утратить способность владеть криптовалютой означает лишиться возможности управлять своим крипто-кошельком в результате потери пароля. При этом нельзя физически потерять криптовалюту, так как она не существует в материальном мире, поэтому сомнительно говорить о криптовалюте даже как о цифровом товаре.

Несмотря на отсутствие физической оболочки, криптовалюту неправомерно отождествлять и с услугой, поскольку майнинг удовлетворяет потребности других субъектов. Однако, если принять концепцию наличия в правовом поле наличия бестелесных вещей, то криптовалюта может быть отождествима с дематериализованными объектами гражданских прав, вещами, имуществом¹⁸.

Проведенное исследование показывает, что криптовалюта обладает признаками многих объектов гражданских прав и в то же время не относится ни к одному из них. Это связано с уникальностью криптовалюты как самого явления. Приобретенную или самостоятельно выработанную криптовалюту владельцы крипто-кошельков могут использовать в качестве денежных активов (при оплате криптовалютой товаров, работ или услуг), финансовых вложений при инвестировании с использованием криптомаркеров (ICO), деривативов или вкладов в уставный капитал организаций, конвертированных в цифровую валюту.

Отдельные черты объекта гражданских прав могут быть присущи криптовалюте в ситуациях, когда с ее помощью опосредуются различные виды договоров между держателями криптовалюты, между держателями и создателями криптоплатформы, которые были заключены конклюдентными действиями. К таким договорам можно отнести договоры мены, купли-продажи, включая будущие вещи, договоры оказания услуг, лицензионное соглашение (если предоставляется доступ к программному обеспечению), инвестиционные договоры (аккумуляция средств с возможностью полу-

¹⁵ См. подробнее: Долинская В.В., Моргунова Е.А., Шевченко О.М. Гражданское право: Объекты прав: Учебное пособие для бакалавров / отв. ред. В.В. Долинская, В.Л. Слесарев; науч. ред. В.Л. Слесарев. М.: Проспект, 2017.

¹⁶ Егорова М.А., Кожевина О.В. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 81-91.

¹⁷ ЦБ РФ предложил рассматривать криптовалюты как цифровой товар // Интерфакс. 2017. 27 мая 2017 // URL: <http://interfax.ru/business/563859>.

¹⁸ Саженов А.В. Криптовалюты как новый вид бестелесных вещей // Современные информационные технологии и право: монография / Московский госуниверситет им. М.В. Ломоносова, Юридический факультет / отв. ред. Е.Б. Лаутс. М.: Статут, 2019. С. 15-180; Савельев А.И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8. С. 136-153; Дождев Д.В. Самой идеей вещного права мы преодолеваем зависимость от материальных вещей // Закон. 2016. № 6. С. 6-19.

чения доходов в виде дивидендов), смешанные договоры.

Совокупность таких не имеющих аналогов инновационных признаков этого актива как использование распределенного реестра, неовещественность, криптографическая аутентификация, децентрализация, управление через алгоритм консенсуса блокчейна, вызывают большое количество споров о правовом и имущественном статусе криптовалют. В частности, правоприменительная практика свидетельствует о наличии определенных трудностей имплементации постулатов вещного права применительно к криптовалюте. Анонимность всех этапов виртуального процессинга и результатов майнинга делает почти невозможным определение права собственности на криптовалюту. Криптовалюта не может быть предметом виндикационного иска ввиду того, что нет разрыва между фактическим обладанием вещью и правами на нее (здесь они едины). Предметом негаторного иска криптовалюта также не может выступать, поскольку блокчейн платформа является пиринговой системой без посредников. Для использования криптовалюты необходимо наличие открытого программного обеспечения и закрытого ключа от кошелька. Тем самым исключаются факты и события, препятствующие осуществлению правомочий собственника по пользованию и распоряжению криптовалютой.

Острая потребность в легальном определении криптовалюты как объекта гражданских прав существует в правоприменительной практике. Анализ судебной практики по рассмотрению споров, предметом которых выступала крип-

товалюта, не свидетельствует о единообразном подходе судов. Мотивировочные части относительно статуса криптовалюты, возможности ее соотнесения с иными объектами гражданских прав (деньги, денежные суррогаты, финансовые инструменты, электронные деньги, валюта, ценные бумаги) судебных решений противоречивы, а выводы носят противоречивый характер.

Подобная ситуация правового игнорирования рассматриваемой дефиниции дает основания исследователям аргументировать предложения о выработке Верховным Судом РФ руководящих разъяснений для судебной системы. Правовые позиции по вопросу статуса криптовалюты и оборота с ее участием могут временно заменить правовые нормы в данной сфере. До выработки Верховным Судом РФ соответствующих разъяснений предлагается судам в целях разрешения конкретных дел ориентироваться на постановление Девятого арбитражного апелляционного суда по делу № А40-124668/2017, обосновавшего возможность квалификации криптовалюты в качестве «иного имущества» по смыслу ст. 128 ГК РФ¹⁹.

На наш взгляд, легитимация криптовалюты должна произойти посредством включения этого понятия в ст. 128 ГК РФ, что позволит участникам гражданского оборота заключать сделки с использованием криптовалюты, а государству создать систему непротиворечивого правового регулирования данного цифрового объекта посредством синергии гражданского, налогового, валютного, банковского законодательства, законодательства о рынке ценных бумаг.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белых В.С., Болобонова М.О. Проблемы определения правового режима криптовалют // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 3. С. 23-28.
2. Дождев Д.В. Самой идеей вещного права мы преодолеем зависимость от материальных вещей // Закон. 2016. № 6. С. 6-19.

¹⁹ Казаченок О.П. Криптовалюта как объект гражданских прав в правоприменительной деятельности // Вестник арбитражной практики. 2019. № 3. С. 10-17.

3. Долинская В.В., Моргунова Е.А., Шевченко О.М. Гражданское право: Объекты прав: Учебное пособие для бакалавров / отв. ред. В.В. Долинская, В.Л. Слесарев; науч. ред. В.Л. Слесарев. М.: Проспект, 2017. 140 с.
4. Егорова М.А., Кожевина О.В. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 81-91.
5. Казаченок О.П. Криптовалюта как объект гражданских прав в правоприменительной деятельности // Вестник арбитражной практики. 2019. № 3. С. 10-17.
6. Козлачков А.А., Клименко С.А., Харитоновна Ю.С., Лаутс Е.Б. Концептуальная модель обращения взыскания на децентрализованные некастодальные криптовалюты // Предпринимательское право. 2022. № 3. С. 42-49.
7. Савельев А.И. Криптовалюта в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8. С. 136-153.
8. Саженов А.В. Криптовалюта как новый вид бестелесных вещей // Современные информационные технологии и право: монография / Московский госуниверситет им. М.В. Ломоносова, Юридический факультет / отв. ред. Е.Б. Лаутс. М.: Статут, 2019. 288 с.
9. Ситник А.А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. С. 103-113.
10. Цинделиани И.А., Нигматулина Л.Б. Криптовалюта как объект гражданско-правового и финансово-правового регулирования // Финансовое право. 2018. № 7. С. 18-25.
11. Legal statement on cryptoassets and smart contracts. UK Jurisdiction Taskforce. 2019 // URL: https://35z8e83m1i-h83drye280o9d1-wpengine.netdna-ssl.com/wp-content/uploads/2019/11/6.6056_JO_Cryptocurrencies_State-ment_FINAL_WEB_111119-1.pdf.
12. Report of Investigation Pursuant to Section 21(a) of the Securities Exchange Act of 1934: The DAO. Securities and exchange commission // URL: <https://www.sec.gov/litigation/investreport/34-81207.pdf> (дата обращения: 03.01.2023).

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Belyh V.S., Bolobonova M.O. Problemy opredeleniya pravovogo rezhima kriptovalyut // ZHurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava. 2019. № 3. S. 23-28.
2. Dozhdev D.V. Samoј ideej veshchnogo prava my preodolevaem zavisimost' ot material'nyh veshchey // Zakon. 2016. № 6. S. 6-19.
3. Dolinskaya V.V., Morgunova E.A., Shevchenko O.M. Grazhdanskoe pravo: Ob"ekty prav: Uchebnoe posobie dlya bakalavrov / отв. ред. V.V. Dolinskaya, V.L. Slesarev; nauch. ред. V.L. Slesarev. M.: Prospekt, 2017. 140 s.
4. Egorova M.A., Kozhevina O.V. Mesto kriptovalyuty v sisteme ob"ektov grazhdanskih prav // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2020. № 1. S.81-91.
5. Kazachenok O.P. Kriptovalyuta kak ob"ekt grazhdanskih prav v pravoprimenitel'noj deyatel'nosti // Vestnik arbitrazhnoj praktiki. 2019. № 3. S.10-17.
6. Kozlachkov A.A., Klimenko S.A., Haritonova YU.S., Lauts E.B. Konceptual'naya model' obrashcheniya vzyiskaniya na decentralizovannye nekastodial'nye kriptovalyuty // Predprinimatel'skoe pravo. 2022. № 3. S. 42-49.
7. Savel'ev A.I. Kriptovalyuty v sisteme ob"ektov grazhdanskih prav // Zakon. 2017. № 8. S. 136-153.
8. Sazhenov A.V. Kriptovalyuty kak novyj vid bestelesnyh veshchey // Sovremennye informacionnye tekhnologii i pravo: monografiya / Moskovskij gosuniversitet im. M.V. Lomonosova, YUridicheskij fakul'tet / отв. ред. E.B. Lauts. M.: Statut, 2019. 288 s.
9. Sitnik A.A. Cifrovye valyuty: problemy pravovogo regulirovaniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2020. № 11. S. 103-113.
10. Cindeliani I.A., Nigmatulina L.B. Kriptovalyuta kak ob"ekt grazhdansko-pravovogo i finansovo-pravovogo regulirovaniya // Finansovoe pravo. 2018. № 7. S. 18-25.

Л.Е. ПЕРМЯКОВ, А.В. КОСОВ

О некоторых проблемах арбитража (третейское разбирательство) как способа защиты участников предпринимательской деятельности (правовое регулирование, проблемы и пути их преодоления)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются некоторые проблемы, препятствующие развитию арбитража (третейского разбирательства) в целях обеспечения защиты участников предпринимательской деятельности. Авторы приходят к выводу, что крайне важным является продолжение миссии популяризации арбитража среди студентов и начинающих практиков. Кроме того, было бы целесообразным проведение в стенах высших учебных организаций конференций и студенческих конкурсов по арбитражу (третейскому разбирательству) с широким привлечением научных и предпринимательских сообществ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: третейская реформа, постоянно действующее арбитражное учреждение, арбитражный институт, арбитраж (третейское разбирательство), арбитры (третейские судьи).

ПЕРМЯКОВ ЛЕОНИД ЕВГЕНЬЕВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Российской государственного гуманитарного университета (e-mail: leonid.permiakow@yandex.ru);

КОСОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: advokatkovsov@yandex.ru).

Основой существования и развития арбитража (третейского разбирательства) в Российской Федерации являются положения ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации,¹ гарантирующие возможность выбора способов защиты своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом.

Из докладов Президента Российской Федерации В.В. Путина и Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева на итоговом совещании судов за 2022 г.¹⁴ и 15 февраля 2023 г. усматривается, что количество обращений граждан и организаций за защитой нарушенных или оспариваемых

прав увеличилось. Так за указанный год российские суды общей юрисдикции рассмотрели 25,7 млн. гражданских дел. Это на 2,3 млн. дел больше, чем в 2021 г. Арбитражные суды России рассмотрели 1,7 млн. дел по экономическим спорам, что на 6 250 дел больше чем в 2021 г. При этом 54% разбирательств касались неисполнения или ненадлежащего исполнения договоров².

В целях разгрузки государственного судопроизводства в действующем законодательстве предусмотрены способы защиты предпринимателей – судебные и внесудебные (альтернативные). Наиболее актуальным способом

1. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. С учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Российская газета, 1993. 25 декабря. № 23; URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.01.2023).

2. Итоговое совещание судей за 2022 год, состоявшееся 14-15 февраля 2022г. // Доклад Президента РФ В.В. Путина и доклад Председателя ВС РФ В.М. Лебедева, г. Москва.

обеспечения защиты прав и законных интересов предпринимателей в части гражданских правоотношений может выступать арбитраж (третейское разбирательство) и с участием посредника медиатора.

С 1 сентября 2016 года вступил в действие Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» № 328-ФЗ от 29 декабря 2015 года (далее – Федеральный закон «Об арбитраже»)³. Указанный Федеральный закон позволяет более справедливое и законное разрешение споров в защиту нарушенных прав и законных интересов граждан и юридических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

В 2022 г. исполнилось 5 лет третейской реформе, и как результат – повышается доверие к институту третейского разбирательства со стороны предпринимательских организаций, судебных органов и государства, и он продолжает развиваться и совершенствоваться.

Об этом свидетельствует ежегодное увеличение обращений за разрешением споров. Кроме того, динамика показателей позволяет сделать вывод о том, что заложенный в третейской реформе правовой фундамент способен обеспечить возможность дальнейшего устойчивого развития системы постоянно действующих арбитражных учреждений (ПДАУ).

В то же время следует задаться вопросом, а что мы знаем об арбитраже (третейском разбирательстве) как инструменте для разрешения споров в сфере предпринимательства?

Арбитраж (третейское разбирательство) в нашей стране почти не изучался как самостоятельный правовой институт, а факультативно встраивался в предмет таких наук, как международное частное право, гражданское право,

арбитражный процесс, гражданский процесс. Отсутствие арбитражной самостоятельности наиболее ярко проявляется в диссертационных и частных исследованиях. Это обстоятельство влияет на обоснование правовой самостоятельности арбитража (третейского разбирательства).

Также об этом свидетельствует отсутствие профильной специализации (кафедры), хотя предмет альтернативного разрешения споров очень широк и имеет не только собственную правовую базу, но и многочисленные прикладные междисциплинарные дисциплины, позволяющие юридическим вузам и кафедрам создавать собственные школы арбитража и примирительных процедур (медиации). Однако пока данные направления еще недостаточно развиты. По нашему мнению, пришло время для развития альтернативного разрешения споров (далее – АРС). Популяризация способов урегулирования возникших конфликтов и споров должна осуществляться на государственном уровне.

Вместе с тем третейское разбирательство имеет более глубокие исторические корни, в частности, оно известно Древнему Риму. Вицын А.И. и Никифоров В.А. указывают, что первое упоминание о разрешении споров при посредничестве третейского суда на Руси усматривается в Договорной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича Донского и князя Серпуховского Владимира Андреевича Храброго от 1362 г.⁴ В 17 веке институт третейского суда вошел в состав общего законодательства, в частности встречается в Таможенном Уставе 1727 г.⁵

Развитие правового регулирования осуществляется и по настоящее время. Однако следует обратить внимание на отсутствие единой док-

3. Федеральный закон РФ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» № 328-ФЗ от 29 декабря 2015 г. // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.01.2023).

4. Вицын А.И. Третейский суд по русскому праву: Историко-догматическое рассуждение А.Вицына. М.: Типография В. Готье, 1856. С. 82.

5. Никифоров В.А. Третейские суды на Руси // Российский внешнеэкономический вестник. 2007. № 9. С. 74.

трины в сфере самостоятельного арбитража (третейского разбирательства), что не позволяет создать научно-обоснованную программу развития АРС в России.

Следует отметить, что сам институт третейского разбирательства не является новым и широко применяется зарубежными странами уже в течение десятков лет. Так, во Франции и Германии третейский суд считается учреждением глубокой древности.

В наших реалиях третейская сфера не может считаться застрахованной от проявлений в ней бессмыслиц, поскольку они происходят до сего времени, что негативно влияет на правовую защиту предпринимателей.

Изучение и понимание реальности в сфере арбитража (третейского разбирательства) способствует защите от третейского абсурда. Об этом свидетельствует практика третейского производства в соответствии с Федеральным законом «О третейских судах в Российской Федерации» от 24.07.2002 г. № 102-ФЗ (с изменениями и дополнениями)⁶. Так как при разрешении экономических споров между предпринимателями допускались серьезные ошибки, которые негативно сказывались на предпринимательской деятельности отдельных организаций.

Начиная с 2016 г. Минюст России начал проведение третейской реформы, которая направлена на расчистку и упорядочение этого института, чтобы избавиться от мошеннических и «карманных» третейских судов. В результате почти все существующие на тот момент третейские суды упразднили, а Федеральный закон «Об арбитраже» позволил создавать ПДАУ с одобрения государства.

Одним из основных итогов проводимой реформы следует отметить, что был сделан решительный шаг в сторону избавления третейского разбирательства от недобросовестных практик, осуществляемых третейскими судами.

Администрировать арбитражное разбирательство с местом арбитража сегодня в России могут только арбитражные учреждения, получившие статус ПДАУ на основании соответствующего акта Правительства Российской Федерации (ст. 44 Федерального закона «Об арбитраже»).

Исследование отдельных положений Федерального закона «Об арбитраже» и реальности показывает, что институты саморегулирования находятся на стадии становления.

В настоящее время работают ПДАУ — это Международный коммерческий арбитраж при Торгово-промышленной палате (ТПП), Морская арбитражная комиссия при ТПП, образован Национальный центр спортивного арбитража (НЦСА) при автономной некоммерческой организации «Спортивная арбитражная палата», Арбитражный центр при «Российском союзе промышленников и предпринимателей», Российский арбитражный центр при автономной некоммерческой организации «Российский институт современного арбитража», Арбитражное учреждение при Общероссийском отраслевом объединении работодателей «Союз машиностроителей России» и Арбитражный центр при автономной некоммерческой организации «Национальный институт развития арбитража в топливно-энергетическом комплексе», в целях реализации общественных потребностей, направленных на содействие разрешения споров и урегулирования правовых конфликтов в сфере энергетики и других отраслях экономики.

Получение статуса ПДАУ новыми арбитражными институтами способствует повышению популярности арбитража как способа разрешения споров в России, а также формирует более доверительное отношение к российской юрисдикции в целом. При этом необходимо отметить, что возникающие новые ПДАУ не могут конкурировать с уже работающими

⁶ Федеральный закон «О третейских судах в Российской Федерации» от 24.07.2002 г. № 102-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

ми. Однако предпринимательские структуры должны иметь свободный выбор в пользу того института, которому больше доверяют. Это будет способствовать разгрузке государственной судебной системы.

Существование в стране с учетом ее территориальных размеров ограниченного количества арбитражных учреждений (центров) нельзя назвать оптимальным.

У российского и иностранного бизнеса появилась площадка для разрешения коммерческих споров – Гонконгский международный арбитражный центр (Hong Kong International Arbitration Centre, (HKIAC)), который является постоянным для Российской Федерации иностранным арбитражным учреждением и пользующийся доверием российских предпринимателей.

Право работать в России получил Венский международный арбитражный центр (Vienna International Arbitral Centre (VIAC)).

Кроме того, в Россию могут прийти международный арбитражный центр Сингапура и Азиатский международный центр в Куала-Лумпуре.

Разрешение проведения арбитража (третейского разбирательства) иностранными арбитражными центрами может вызвать определенное соперничество, поскольку иностранные контрагенты не доверяют российским ПДАУ, а это может повлечь непризнание отдельных арбитражных решений.

Допуск зарубежных организаций для разрешения экономических споров с участием российских предпринимателей вызывает большое количество вопросов, связанных с защитой российских участников, возникших споров с иностранными предпринимателями. Вместе с тем участие иностранных арбитражных учреждений повышает рейтинг администрирования арбитража (третейского разбирательства) на территории Российской Федерации и поможет при выборе арбитражного сбора для разрешения трансграничного спора.

В настоящее время отсутствует общественное объединение, которое осуществляло бы

консолидацию заинтересованных лиц в развитии институтов саморегулирования в третейской среде и позволяло бы решать задачи в области качественного развития арбитража (третейского разбирательства) в Российской Федерации, направленного на защиту предпринимателей.

В среде специалистов существует большой скепсис относительно того, что с новым законом власти перегнули палку, это может погубить сферу третейского разбирательства в России и может привести к коррупции в данной сфере, поскольку за прошедшие годы с момента вступления в силу Федерального закона «Об арбитраже» количество арбитражных учреждений, при которых образовывается арбитраж, очень ограничено. Данное обстоятельство не способствует более широкому развитию и применению арбитража (третейского разбирательства), обмену идеями и технологиями, которые предлагаются сторонам арбитража.

Было бы правильно расширить круг субъектов (некоммерческих организаций), которые могут создавать арбитражные учреждения, что позволит предпринимателям делать более широкий выбор способов защиты нарушенных прав или оспариваемых законных интересов, а также для разрешения возникшего спора в пользу арбитража (третейского разбирательства). В то же время нельзя допустить образования ведомственных постоянно действующих арбитражных учреждений. Такая тенденция уже наметилась. В качестве примера можно отметить деятельность Российского арбитражного центра, куда были переданы споры атомной отрасли. Также Газпром, Ростех, Союзмаш России и другие крупные организации определились с арбитражными учреждениями. Эта деятельность должна постоянно находиться под общественным контролем, чтобы не допустить аффилированности ПДАУ и образования монополизации в данной сфере.

Как ранее было отмечено, увеличение количества арбитражных учреждений будет способствовать значительной разгрузке государствен-

ных (компетентных) судов, а не конкуренции между ними.

При этом необходимо опубликовать реестр постоянно действующих арбитражных учреждений в средствах массовой информации, чтобы предпринимательское сообщество имело возможность самостоятельно выбрать постоянно действующее арбитражное учреждение для урегулирования внутренних и иных споров (конфликтов).

В указанном законе определен достаточно значительный перечень требований к образующим арбитражным учреждениям, которые тормозят развитие арбитража (третейского разбирательства) в России. Так, в частности, запрещается создание постоянно действующих арбитражных учреждений, наименование которых включают в себя словосочетание «*арбитражный суд*» и «*третейский суд*», если полное наименование учреждения сходно до степени смешивания с наименованиями судов Российской Федерации или способно ввести участников гражданского оборота в заблуждение относительно правовой природы и полномочий ПДАУ (п. 21 ст. 44). В этом требовании усматривается противоречивость в терминологии. В новом нормативном правовом акте используются термины, которые однозначно свидетельствуют о новом виде внесудебного производства — третейском разбирательстве. Речь идет о положениях ст. 2 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе»: «третейский суд — единоличный арбитр или коллегия арбитров (п. 16); третейский суд, образованный сторонами для разрешения конкретного спора — третейский суд, осуществляющий арбитраж при отсутствии администрирования со стороны постоянно действующего арбитражного учреждения» (п. 17). Вместе с тем, третейский суд не осуществляет судебную власть. Слово «суд» за рубежом применяется только к государственным структурам, а термин «арбитраж» — только

к структурам негосударственного разрешения спора. То есть арбитраж — это процедура внесудебного разрешения спора в сфере предпринимательской деятельности. Однако до настоящего времени эти несоответствия не устранены⁷. Полагаем, что указанные термины должны быть исключены из нормативных правовых актов, регламентов и правил, нормативные правовые акты необходимо привести в соответствие, чтобы не дезинформировать предпринимателей.

Кроме того, отдельные юристы недостаточно правильно понимают и применяют отдельные положения Федерального закона «Об арбитраже». В частности, п. 17 ст. 2, в котором указывается, что третейский суд, образованный сторонами для разрешения конкретного спора — третейский суд, осуществляющий арбитраж при отсутствии администрирования со стороны постоянно действующего арбитражного учреждения (за исключением возможного постоянно действующим арбитражным учреждением отдельных функций по администрированию конкретного спора, если это предусмотрено соглашением сторон арбитража). Примерами неправильного понимания данного положения можно привести Определение Черемушкинского районного суда г. Москвы от 31.07.2020 г. (судья Брехова С.И.) по заявлению Семидушнова А.А. об отмене решения третейского суда и решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-103295/21-65-1042 (судья Бушкарев А.Н.) по иску ООО «Евробитум» к ООО «Дарсервис-09» Республика Дагестан о взыскании 397 600 руб. Судебными актами по указанным делам установлено, что третейское разбирательство было осуществлено с нарушением требований положений Федерального закона «Об арбитраже».

Исследуя положения Федерального закона «Об арбитраже», можно сделать вывод о том, что регулирование порядка создания и деятель-

7. Батюк В. И., Галузо В.Н., Пермьяков Л. Е. «Альтернативное судопроизводство» в Российской Федерации: нонсенс или реальная необходимость? // Право и государство. 2016. № 2 (134). С. 125.

ности постоянных арбитражных учреждений сопровождается необходимостью иметь список арбитров, соответствующих требованиям.

Из анализа положений Федерального закона «Об арбитраже» усматривается, что такой список носит рекомендательный характер. При этом каждый арбитр должен в письменной форме подтвердить свое согласие на осуществление арбитража (третейского разбирательства). Количество кандидатов в арбитры необходимо расширять, чтобы обеспечить профессиональное урегулирование споров между предпринимателями без обращения в компетентные суды.

Следует также отметить, что реформа создала возможность для активного вовлечения в третейское разбирательство судей в отставке. Это позволило повысить качество арбитража, сформировать необходимый уровень доверия между третейским сообществом и системой государственных судов.

Кроме того, в отношении арбитров законом установлены следующие требования – арбитры должны иметь высшее юридическое образование (п. 6 ст. 11), в списках должны содержаться не менее тридцати имен; не менее одной трети арбитров должны иметь ученую степень, присужденную на территории Российской Федерации по научной специальности; и не менее половины арбитров должны обладать опытом разрешения гражданско-правовых споров в качестве *третейских судей* и (или) арбитров в третейских судах (арбитраже) и (или) в качестве судей федерального суда, конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации мировых судей в течение не менее десяти лет, предшествующих дате включения в рекомендованный список арбитров. Этот подход способствует более профессиональному разрешению экономических споров между предпринимателями. Также следует отметить, что одно лицо не может входить в рекомендованные списки арбитров более трех постоянно действующих арбитражных учреждений.

В то же время законодатель сделал определенные ограничения для кандидатов в арбитры

(третейские судьи), в частности арбитрами не могут быть: лица, не достигшие возраста двадцати пяти лет, недееспособные и ограниченно дееспособные; лица, имеющие не снятую или не погашенную судимость; лица, чьи полномочия в качестве судьи, адвоката, нотариуса, следователя, прокурора или иного сотрудника правоохранительного органа были прекращены в Российской Федерации в установленном федеральным законом порядке за совершение поступков, несовместимых с профессиональной деятельностью (ст. 11).

В целях обеспечения профессиональными арбитрами постоянно действующие арбитражные учреждения необходимо в каждом высшем учебном учреждении ввести соответствующие дисциплины, которые должны вести опытные ученые и практики юристы.

Принятый по итогам реформы правового регулирования третейского разбирательства Федеральный закон «Об арбитраже» впервые ввел в отечественное законодательство нормы о гражданско-правовой ответственности арбитра и арбитражного учреждения (статьи 50 и 51). Однако она носит лишь формальный характер, поскольку не раскрываются конкретные основания к их привлечению к ответственности, каким образом будут возмещаться убытки и за чей счет. Вместе с тем, усматривается, что некоммерческая организация вообще никакой ответственности не несет.

Формирование обобщений и анализа практики применения законодательства об арбитраже (третейском разбирательстве), к сожалению, не осуществляется. Отдельные юристы ссылаются на ст. 21, то есть на наличие конфиденциальности в арбитраже (третейском разбирательстве). Такое положение не способствует устранению пока еще имеющихся недостатков.

В то же время из представленного отчета Арбитражного центра при РСПП усматривается, что количество исков, принятых к производству за четыре года (с 2017 по 2020 год), увеличилось на 42% с 157 до 435. В 2021 году количество дел увеличилось на 13% до 493. Региональными отделениями было принято 63

иска. Основные споры возникали из договоров подряда – 46% и из договоров купли-продажи – 34,7%, оказания услуг – 9,5% и по другим основаниям. Исковых обращений было в 2022 году – 471 иск на общую сумму 25,6 млрд. руб. то есть размер исковых требований увеличился более чем на 60% по сравнению с 2021 годом. В частности, споры по договорам купли-продажи и поставки составили 46,2%, подряда – 32%, оказания услуг – 10%, кредитным и займа – 5%.

В 2018 году в Российский арбитражный центр (РАЦ) поступило 253 иска на 20 млрд. руб., 212 исков в Отделение по разрешению споров в атомной отрасли и лишь 41 иск в соответствии с Арбитражным регламентом РАЦ; в 2019 г. поступило 262 иска на 8,4 млрд. руб., а в Отделение по разрешению споров в атомной отрасли 194 иска и 68 исков в соответствии с Арбитражным регламентом РАЦ; в 2020 г., в РАЦ подано 394 иска, из них 234 в Отделение по разрешению споров в атомной отрасли. Так как Концерн Росэнергоатом передал споры отрасли в РАЦ. Поэтому более 40% споров были связаны со строительством атомных станций и обрабатывающей промышленностью и в 2021 году подано 338 исков на сумму 5,25 млрд. руб. При этом 239 исков в Отделение по разрешению споров в атомной отрасли и 99 исков в соответствии с Арбитражным регламентом РАЦ.

Согласно статистическим данным, представленным МКАС при ТПП, в 2020 г. количество рассмотренных дел в период с 2017 по 2020 увеличилось соответственно с 363 до 621. В то же время в Лондонском международном третейском суде увеличилось с 285 до 444, а в Арбитражном институте торговой палаты Стокгольма даже уменьшилось с 200 до 175.

Из представленных статистических данных постоянно действующих арбитражных учреждений усматривается, что количество поступа-

ющих на разрешение споров еще незначительное. Оно не способно существенно разгрузить государственные суды. Также можно предположить, что предпринимательские структуры еще не в полной мере доверяют разрешение споров во внесудебном порядке.

Учитывая это, необходимо создавать условия для расширения арбитрабельности споров, возникающих из гражданско-правовых отношений, благодаря чему в долгосрочной перспективе у бизнес-сообщества должно повышаться доверие к арбитражу (третейскому разбирательству) в России.

В ст. 44 Федерального закона «Об арбитраже» упоминается Совет по совершенствованию третейского разбирательства (далее – Совет), который должен обеспечить открытость деятельности ПДАУ по администрированию арбитража (третейского разбирательства). Анализируя функции деятельности Совета, определенные в Положении о порядке создания и деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства⁸, следует отметить, что основной задачей является создание благоприятных условий для развития независимого и профессионального арбитража (третейского разбирательства) в Российской Федерации. В состав Совета входят наиболее видные представители юридического, научного и предпринимательского сообщества. При этом следует отметить, что Совет государственным органом не является и создан при уполномоченном федеральном органе исполнительной власти (п.5 ст. 44). Совету следовало бы более активно вести аналитическую деятельность администрирования арбитража и давать рекомендации по устранению недостатков по совершенствованию арбитража (третейского разбирательства), а также информировать о международных практиках в данной сфере в доступных средствах массовой информации ПДАУ и предпринимателей.

⁸. Положение о порядке создания и деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства, утвержденное приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 13.07.2016 г. № 165.

Большой вопрос возникает с финансированием некоммерческих организаций, при которых образованы постоянно действующие арбитражные учреждения. В п. 8 ст. 44 указывается, что репутация некоммерческой организации, при которой создаются постоянно действующие арбитражные учреждения, зависит от финансового обеспечения создания и деятельности соответствующей некоммерческой организации и постоянно действующего арбитражного учреждения. Однако источники их финансового обеспечения остаются определенной тайной, что может порождать аффилированность при разрешении спора. Данное обстоятельство может повлечь нарушение гарантий независимости и объективной беспристрастности арбитров. В результате при разрешении спора возможно нарушение равноправия и воли спорящихся сторон, поскольку от финансирования некоммерческой организации зависят размер вознаграждения (гонорара) арбитра (третейского судьи) и хозяйственные расходы. Учитывая данные обстоятельства, следует сделать финансирование этих организаций прозрачным. Для этого все отчеты по финансовым поступлениям должны быть опубликованы в средствах массовой информации.

Крайне важным является продолжение мис-

сии популяризации арбитража среди студентов и начинающих практиков. Кроме того, было бы целесообразным проведение в стенах высших учебных организаций конференций и студенческих конкурсов по арбитражу (третейскому разбирательству) с широким привлечением научных и предпринимательских сообществ.

Кроме того, повышение доверия к альтернативным способам урегулирования споров должно исходить от государства. Сегодня привлечение более широкого круга юридических лиц во внесудебное разрешение споров должно расти за счет работы по информированию о деятельности ПДАУ, о преимуществах арбитража (третейского разбирательства), что будет способствовать повышению квалификации юристов и расширению кругозора руководителей предпринимательских структур. Особо следует обратить внимание на более широкое участие адвокатов в альтернативном урегулировании споров. Все это будет способствовать постановке новых целей по развитию арбитража и медиации в России, развитию нормативной правовой базы и правоприменительной практики, а также более широкой возможности для предпринимателей обеспечить свою защиту в постоянно действующих арбитражных учреждениях и с участием посредников (медиаторов).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Батюк В.И., Галузо В.Н., Пермьяков Л.Е. «Альтернативное судопроизводство» в Российской Федерации: нонсенс или реальная необходимость? // Право и государство. 2016. № 2 (134). С. 124-129.
2. Вицын А.И. Третейский суд по русскому праву: Историко-догматическое рассуждение А. Вицына. М.: Типография В. Готье, 1856. 125 с.
3. Никифоров В.А. Третейские суды на Руси // Российский внешнеэкономический вестник. 2007. № 9. С.74-78.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Batyuk V.I., Galuzo V.N., Permyakov L.E. «Alternativnoe sudoproizvodstvo» v Rossijskoj Federacii: nonsens ili real'naya neobhodimost' // Pravo i gosudarstvo. 2016. № 2 (134). S. 124-129.
2. Vicyн A.I. Tretetskij sud po russkomu pravu: Istoriko-dogmaticheskoe rassuzhdenie A. Vicyна. M.: Tipografiya V. Got'e, 1856. 125 s.
3. Nikiforov V.A. Tretetskije sudy na Rusi // Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik. 2007. № 9. S.74-78.

Ю.В. ПЕТРОВИЧЕВА, В.Ю. КНУТОВА

Отдельные положения о правовом положении действий третьих лиц при администрировании корпоративных споров в коммерческих арбитражных судах

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье анализируется понятие корпоративного спора, содержащееся в АПК РФ, и значение корпоративных споров при передаче на рассмотрение их в международный коммерческий арбитраж. В статье рассматриваются виды корпоративных споров, их деления по арбитрабельности для коммерческого арбитража как альтернативного способа защиты прав участников корпоративных отношений. При передаче корпоративного спора на рассмотрение в коммерческий арбитраж автор затрагивает вопрос о порядке присоединения третьей стороны к третейскому разбирательству и как следствие – порядок исполнения ими судебных решений в случае, если они не присоединились к арбитражной оговорке.

Кроме того, автором затрагиваются особенности отдельных корпоративных споров, которые относятся к неарбитрабельным.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: суд, судебное решение, корпоративный спор, коммерческий арбитраж, коммерческая организация.

ПЕТРОВИЧЕВА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Всероссийской академии внешней торговли, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (e-mail: upetrovicheva@vavt.ru);

КНУТОВА ВАРВАРА ЮРЬЕВНА – адвокат, партнер юридической компании «Сотби» (e-mail: nauka-raa@mail.ru).

Согласно п.1 ст. 225.1. Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), корпоративными спорами признаются споры, связанные с созданием юридического лица, управлением им или участием в юридическом лице, являющемся коммерческой организацией, а также некоммерческой организацией, объединяющей коммерческие организации и (или) индивидуальных предпринимателей¹.

Данное определение имеет относительно условный характер, так как сформулировано в процессуальном аспекте и указывает на отнесение корпоративных споров к подведомственности арбитражных судов. Однако с учетом развития института третейского разбирательства как альтернативного

способа судебной защиты корпоративные споры могут быть переданы на рассмотрение коммерческого арбитража (ч.1ст.33 АПК РФ² и ст.7 ФЗ от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»³).

В связи с этим заслуживает внимание деление корпоративных споров на безусловно арбитрабельные, условно арбитрабельные и неарбитрабельные, которые предопределены многообразием взглядов на сущность корпоративных отношений и природу данных споров. Такое деление является противоречивым и вызывает много сложностей при решении вопроса передачи корпоративных споров в коммерческий арбитраж.

Законодатель признает юридическое лицо субъ-

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета. 2002. 27 июля.

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации // Российская газета. 2002. 27 июля.

3. ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» от 29.12.2015 № 382-ФЗ // Российская газета. 2015. 31 декабря.

ектом гражданских правоотношений, не отделяя его от внутрикорпоративных правоотношений.

Сложившиеся среди цивилистов подходы к правовой природе корпоративных отношений по существу не решают задач в части разрешения корпоративных споров коммерческому арбитражу.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) рассматривает корпоративные отношения как общественные отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или управлением ими (п. 1 ст. 2)⁴.

Наиболее распространенное в доктрине мнение, что корпоративные правоотношения представляют собой общественные отношения, возникающие в связи с созданием, деятельностью и прекращением деятельности корпорации⁵.

Ученые, исследующие существо корпоративных отношений, солидарны в том, **связь участников с управлением в корпорации оформляется самостоятельным правоотношением**. Отношения, складывающиеся в связи с деятельностью юридического лица, принято подразделять на внутренние и внешние. Внутренние отношения возникают между участниками юридического лица и самим юридическим лицом, касаются взаимодействия органов юридического лица, в том числе при соблюдении необходимого порядка принятия ими решений (по одобрению экстраординарных сделок, по вопросам увеличения уставного капитала, приобретения акционерами акций в рамках обязательного предложения т.д.), их реализации. Их относят к корпоративным отношениям. Такой позиции придерживается О.В. Гутников, отмечая, что корпоративные отношения «безусловно, появляются лишь там и тогда, где и когда возникает новое правосубъектное образование — юридическое лицо, и именно отношения, связанные с управлением этим правосубъектным образованием, и являются подлинно корпоративными»⁶.

В своем диссертационном исследовании А.А. Куценко также относит корпоративные отношения к внутренним, представляющим собой «отношения, складывающиеся между членами корпорации, ее органами управления и самой корпорацией по поводу организации ее деятельности, а также реализации корпоративных прав и обязанностей участников корпоративных отношений»⁷.

Из перечисленных в ст. 225.1 АПК РФ споров к числу корпоративных споров, касающихся управления в юридическом лице, относятся споры, с одной стороны, вытекающие из соглашений участников по поводу управления юридическим лицом, споры об обжаловании решений органов управления юридического лица; а с другой стороны, споры, вытекающие из договоров купли-продажи акций, долей в уставном (складочном) капитале хозяйственных обществ, партнерств, товариществ, споры, связанные с обращением взыскания на акции и доли в уставном (складочном) капитале хозяйственных обществ, партнерств, товариществ; признании недействительными сделок, совершенных органами юридического лица, и (или) применении последствий недействительности таких сделок. Это позволяет сделать заключение об отсутствии различий между корпоративными правоотношениями и гражданско-правовыми отношениями, возникающими в юридическом лице. Как результат, в конструкцию корпоративных споров включаются споры, имеющие гражданско-правовой характер.

В связи с этим вызывает интерес анализ подходов в части рассмотрения корпоративных споров в коммерческом арбитраже.

Следует отметить, что каждый вид арбитрабельных корпоративных споров имеет отличительные особенности.

Все арбитрабельные корпоративные споры администрируются только постоянно действу-

4. Гражданский кодекс Российской Федерации // Российская газета. 1994. 1 января.

5. Корпоративное право: учебник / отв. ред. И.С.Шиткина. 3-е изд., перераб. и дополн. М., 2015.

6. Гутников О.В. Содержание корпоративных отношений // Журнал российского права. 2013. № 1. С. 26-39.

7. Куценко А.А. Корпоративные отношения как предмет правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 30 с.

ющими арбитражными учреждениями, деятельность которых регулируется ст.45 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»⁸. При этом отличительная особенность абсолютно арбитрабельных от условно арбитрабельных споров заключается в их рассмотрении постоянно действующим арбитражным учреждением, абсолютно арбитрабельные споры рассматриваются без применения правил арбитража корпоративных споров и, наоборот, условно арбитрабельных – с применением таковых (п.7.1 ст.45 закона об арбитраже).

К абсолютно арбитрабельным относятся споры, вытекающие из соглашений участников по поводу управления юридическим лицом (в том числе из корпоративных договоров) как формы управления этим юридическим лицом, и споры, вытекающие из деятельности держателей реестра владельцев ценных бумаг, связанных с учетом прав на акции и иные ценные бумаги, с осуществлением держателей реестра владельцев ценных бумаг иных прав и обязанностей.

Исходя из анализа норм закона, споры, связанные с действиями акционеров, нарушивших акционерное соглашение в части заключения сделок, без получения необходимого согласия, или нарушением порядка голосования мажоритарным акционером при избрании членов в Совет Директоров считаются корпоративными спорами и подлежат рассмотрению по общим правилам арбитража коммерческих споров.

Относительно условных арбитрабельных споров действуют специальные условия их передачи в коммерческий арбитраж. Например, Правила арбитража корпоративных споров Международного Коммерческого Арбитражного Суда при Торгово-Промышленной Палате Российской Федерации (далее – МКАС) применяются при предъявлении требований акционерами к корпорации в связи с причинением убытков обществу (косвенные иски).

На арбитрабельность корпоративных споров влияет субъектный состав лиц, которые вправе обратиться в третейский суд в целях защиты своих интересов. От содержания арбитражного соглашения, заключаемого всеми участниками юридического лица, выступающими в суде, и самим юридическим лицом, а также по искам участников юридического лица в связи с правоотношениями юридического лица с третьим лицом зависит принятие иска тем или иным субъектом и рассмотрение его в коммерческом арбитраже⁹. (п. 4 ст. 225.1 АПК РФ).

При этом третьи лица в споре, которые не являются истцами или ответчиками и не имеют прямой связи с юридическим лицом, не связаны соответствующим арбитражным соглашением. В качестве третьих лиц могут выступать, например, регистраторы при нарушении порядка внесения записей о переходе прав на акции, привлекаемые к участию в деле, поскольку на них лежит обязанность исполнить судебный акт о внесении записи в реестр акционерного общества об акционере и количестве принадлежащих ему акций либо осуществить данное действие на основании переданного распоряжения.

Для исполнения судебного акта, обязывающего третье лицо, т.е. регистратора, провести операции по лицевому счету акционера по зачислению бездокументарных ценных бумаг или операции по счету, приобретатель или лицо, в пользу которого устанавливается обременение бездокументарных ценных бумаг, должны требовать совершения действий о внесении записей о переходе прав на ценные бумаги или об их обременении на условиях, предусмотренных договором с лицом, совершающим отчуждение, или с лицом, предоставляющим ценные бумаги в обеспечение исполнения обязательства (п.2 ст.149 ГК РФ)¹⁰. При передаче подобных споров на рассмотрение коммерческого разбирательства Правила арбитража корпоратив-

8. Федеральный Закон от 29.12.2015 №382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации // Российская газета. 2015. 31 декабря.

9. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета. 2002. 24 июля.

10. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 №51-ФЗ // Российская газета. 1994. 1 января.

ных споров предусматривают процедуру привлечения таких лиц к участию в рассмотрении путем направления уведомления о корпоративном споре.

Данный вопрос положительно решен в главе 8 Арбитражного регламента 2021 Российского Арбитражного Центра при Российском институте современного арбитража, регулирующих Правила арбитража корпоративных споров Российского Арбитражного Центра (далее – РАЦ).

В соответствии с п. 3 ст. 66 названных Правил установлен трехдневный срок, в течение которого все участники процесса в случае юридического лица в организационно-правовой форме акционерного общества, и держатели реестра владельцев ценных бумаг, должны быть уведомлены о начале арбитража корпоративного спора¹¹. Данный срок исчисляется с момента получения иска.

Однако правила присоединения третьих лиц предусматривают общий порядок, требующий направления заявления от любого участника о присоединении к арбитражному процессу (ст. 67 Правил). Лицо будет считаться присоединившимся в качестве дополнительной стороны с момента получения РАЦ Заявления о присоединении. Различие в правах таких присоединившихся участников зависит от сроков подачи заявления.

Согласно параграфу 3 Правил МКАС корпоративных споров (Приложение к Приказу ТПП РФ от 11.01.2017 г. № 6) общая формулировка привлечения третьих лиц к рассмотрению дела, в котором юридическое лицо, все участники, а также иные лица, которые являются сторонами в таком корпоративном споре, заключили арбитражное соглашение о передаче этого спора в МКАС, или такое соглашение является для них обязательным **по иному основанию**¹². Для привлечения заинтересованных лиц к процессу осуществляется подачей вместе с иском уведомления о праве каждого

заинтересованного лица присоединиться к разбирательству на любом его этапе. Более детальная процедура присоединения заинтересованных лиц урегулирована параграфом 8 Правил, для которой необходимо подача заявления о присоединении.

Статья 44 Регламента Арбитражного Центра при Российском Союзе Промышленников и Предпринимателей предусматривает письменное согласие третьих лиц для участия в арбитраже. В этом случае третейский суд должен вынести постановление по такому вопросу после консультаций со сторонами¹³.

Регламентом по арбитражу Арбитражным и медиативным регламентом Венским правилам и Венским правилам медиации 2018г. привлечение третьих лиц к арбитражному разбирательству, а также форма его участия определяется составом арбитража по заявлению одной стороны в споре или привлекаемого третьего лица после их заслушивания. При этом суд принимает во внимание все значительные обстоятельства (ст. 14(1))¹⁴.

Заявление о привлечении должно содержать следующие данные: полное наименование третьего лица, включая его адрес и контактные данные; основания для его привлечения; форма участия третьего лица. При этом заявление о привлечении третьего лица подается в арбитражном иске, заявление должно быть направлено в Секретариат суда. Генеральный секретарь направляет это заявление третьему лицу, которое должно быть привлечено к арбитражному разбирательству, а также сторонам для изложения их позиции.

Согласно абз. 3 п. 3.2 ст. 14 Венских правил 2018 третье лицо может участвовать в формировании состава арбитража, пока не был назначен ни один арбитр.

При отказе в привлечении в качестве третьего лица состав арбитража должен вернуть арбитраж-

11. Правила Арбитража корпоративных споров Российского Арбитражного Центра, включенные в главу 8 Арбитражного регламента Российского Арбитражного Центра от 2021 // URL: www/centerarbitr.ru.

12. Правила МКАС корпоративных споров (Приложение к Приказу ТПП РФ от 11.01.2017г. № 6) // URL: www/mkas.tpprf.ru.

13. Регламент Арбитражного Центра при Российском Союзе Промышленников и Предпринимателей, утв. Распоряжением РСПП от 21.06.2018 № РП-5 // URL: www/arbitration.rspp.ru.

14. Арбитражный и медиативный регламент Венских правил и Венские правила медиации 2018 г. // URL: www.viac.eu.

ный иск с заявлением о привлечении третьего лица в Секретариат для рассмотрения в отдельном разбирательстве. При этом Президиум Суда может отменить уже подтвержденные номинирования или назначения арбитров и предписать формирование состава арбитража заново, если третье лицо принимало участие в формировании состава арбитража¹⁵.

Статьи 27 по 29 Правил Международного Арбитражного центра Гонконга 2018 предусматривает возможность присоединения к третьей стороне при наличии доказательств ее связанности арбитражной оговоркой или всеми сторонами, включая дополнительную сторону, выражающую согласие.

Любой запрос для присоединения к арбитражной оговорке может быть дан не позднее чем в возражениях на иск, за исключением исключительных обстоятельств. До завершения формирования арбитража сторона, желающая присоединиться к арбитражу, должна направить требование о присоединении другим сторонам и назначенным арбитрам¹⁶.

Из представленных Правил, касающихся процедуры присоединения третьих лиц, можно сделать вывод о различных способах такого присоединения к арбитражу. Актуальность вопроса состоит не только в привлечении третьей стороны к участию в процессе, но порядок исполнения третьими лицами вынесенного судебного решения. В деле *Dallah v. Pakistan* представлено, как французские суды распространяют действие арбитражных оговорок на третьи стороны даже в тех случаях, когда они не выразили своей воли быть связанными арбитражной оговоркой¹⁷.

Французские Суды основывают свое решение на

анализе поведения третьей стороны. Они исходят из принципа автономности арбитражной оговорки, которая позволяет распространить ее на третьи стороны, если будет доказано, что третьи лица участвовали в договорных правоотношениях, тем самым позволяет предположить связанность третьих лиц арбитражной оговоркой¹⁸.

Споры, не подлежащие передаче на третейское разбирательство, являющееся альтернативным способом защиты прав участников корпоративных юридических лиц, являются **неарбитрабельными**. Это можно рассматривать как ущемление конституционного права на альтернативный способ судебной защиты прав участников корпоративных отношений (ст. 46 Конституции РФ). Данная категория споров также относится к коммерческим (оспаривание цены при продаже акций акционерному обществу).

Примерами подобных неарбитрабельных споров являются возникающие в связи с выкупом акций у акционеров, голосовавших против принятия решения о реорганизации общества; при внесении изменений в устав или при голосовании против решения о согласии на совершение или о последующем одобрении экстраординарных сделок, либо если акционеры не принимали участия в голосовании по этим вопросам (п. 1 ст. 75 Федерального закона от 26.12.1995 №208-ФЗ «Об акционерных обществах» далее — закон об акционерных обществах). В указанных случаях у акционера есть право оспорить цену выкупа акций по правилам главы 28.1 АПК РФ.

По общим правилам цена выкупа акций определяется независимым оценщиком. Закон предусматривает несколько способов определения цены на акции. Выкуп акций обществом осуществляется по

¹⁵ Арбитражный и медиативный регламент Венских правил и Венские правила медиации 2018 г.// URL: www.viac.eu.

¹⁶ www.hkiac.com, Правил Международного Арбитражного центра Гонконга 2018.

¹⁷ www.bmavocats.com, *Dallah v Pakistan*, Mealey's International Arbitration report, 2 February 2013. Фактические обстоятельства дела заключались в том, что между саудовской компанией *Dallah* и трастом, учрежденным Президентом Пакистана был заключен договор строительного подряда здания для размещения пакистанских паломников в Мекке (далее 'Контракт'). Траст был учрежден на ограниченный срок, по истечении которого был ликвидирован. От лица Траста выступал Министр по делам религий Пакистана, который направил уведомление о расторжении договора. *Dallah*, на основании имеющейся арбитражной оговорки, подал иск в международный арбитраж. В арбитраже Пакистанское правительство заявила, что не является стороной договора.

¹⁸ www.bmavocats.com, *Orri v/ Ste'des Lubrifiants Elf Aquitaine*, Mealey's International Arbitration report, 2 February 2013.

цене, определенной советом директоров (наблюдательным советом) общества, но не ниже рыночной стоимости, которая должна быть определена оценщиком без учета ее изменения в результате действий общества, повлекших возникновение права требования оценки и выкупа акций (п. 3 ст. 75 закона об акционерных обществах)¹⁹.

Особенности определения цены выкупа акций публичных обществ, акции которых предложены неопределенному кругу лиц, состоят в том, что она не может быть ниже их средневзвешенной цены, определенной по результатам организованных торгов за шесть месяцев, предшествующих дате принятия решения о проведении общего собрания акционеров, в повестку дня которого включен вопрос о выкупе акций.

Единственным правовым средством защиты миноритарного акционера, не согласного с ценой выкупа акций, является оспаривание цены акций в судебном порядке. Вместе с тем такие действия миноритарных акционеров при определенных обстоятельствах могут быть расценены как злоупотребление своими правами на выкуп акций в ситуациях, когда они не влияют на положение акционеров, но приводят к уменьшению активов публичного общества.

Именно такие события привели к внесению в

Государственную Думу РФ в октябре 2019 г. законопроекта об ограничении права на выкуп акций миноритариев в финансовых организациях, имеющих форму публичных акционерных обществ²⁰. Тем самым законодатель предпринимает попытки найти баланс между правами миноритарных акционеров и мажоритариев в условиях выкупа акций. В связи с достаточно большим объемом сделок по выкупу акций, Центральный Банк России предложил свои условия и порядок выкупа акций у миноритариев. При этом такие правила лишают акционеров права как обратиться в арбитражный суд с соответствующим требованием, так и защитить свои права при помощи коммерческого арбитражного разбирательства.

Кроме того, в категорию неарбитрабельных попадают споры, с участием стратегических обществ (оспариванием актов и действий их должностных лиц и органов, наделенных публичными полномочиями и т.д.). Наличие публичного интереса в возникающих спорах обуславливает невозможность передачи их на разрешение в коммерческий арбитраж.

По сути, возникает дуалистическая требующая разрешения ситуация, при которой одни корпоративные споры являются арбитрабельными, другие к таковым не относятся.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гутников О.В. Содержание корпоративных отношений // Журнал российского права. 2013. № 1. С. 26-39.
2. Куценко А.А. Корпоративные отношения как предмет правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 30 с.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Gutnikov O.V. Soderzhanie korporativnyh otnoshenij // Zhurnal rossijskogo prava. 2013. № 1. S. 26-39.
2. Kushchenko A.A. Korporativnye otnosheniya kak predmet pravovogo regulirovaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2014. 30 s.

¹⁹ Федеральный закон от 26.12.1995 №208-ФЗ (в ред.07.10.2022) «Об акционерных обществах» // Российская газета. 1995. 29 декабря. № 248.

²⁰ Законопроект № 229418-7 о внесении изменений в ст.40 и ст.75 Федерального Закона «Об акционерных обществах» //URL: www.sozd.duma.gov.ru.

И.Ю. РОГАЛЕВА, Г.А. РОГАЛЕВА

Трудовые отношения в условиях цифровой экономики

АННОТАЦИЯ. В статье мы рассмотрели одну из актуальных проблем регулирования трудовых отношений посредством применения электронного документооборота. Определенная сложность возникает в вопросах применения информационных систем для ведения кадрового делопроизводства. С введением новых изменений трудового законодательства у работников появилось больше возможностей для дистанционного документооборота, а также четкие правила возможности использования его в трудовой деятельности. Электронный документооборот в сфере трудовых отношений охватывает создание, применение и хранение работодателем и работником, принимаемым на работу, электронных документов, связанных с работой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: трудовой договор, работодатель, электронная подпись, работник.

РОГАЛЕВА ИРИНА ЮРЬЕВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (e-mail rogaleva.iy@rea.ru);

РОГАЛЕВА ГАЛИНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (e-mail msal@msal.ru).

Перспективы экономического развития неразрывно связаны с цифровой экономикой и оказывают влияние на состояние занятости и трудовых отношений. Рынок труда в России переживает значительные изменения – исчезают некоторые профессии (например, машинистка), возникают новые, высокотехнологические условия труда, также используются гибкие трудовые связи, так называемая электронная занятость. Программа Правительства Цифровая экономика 28.07.17 № 1632 нетипичная занятость на основе интернет-платформ. Заключение трудового договора – это важный этап создания рабочих отношений между работником и работодателем. Без трудового договора работник не может защитить свои права и интересы, а работодатель может нести юридические и финансовые риски. Стороны вправе заключить трудовой договор как в электронном виде, так и использовать традиционный в бумажном варианте. При заключении трудового договора на бумажном носителе он должен быть подписан обеими сторонами и скреплен печатью работодателя. При заключении договора в

электронном виде, необходимо, чтобы работодатель и работник использовали электронную подпись.

На практике возникает большое количество вопросов, связанных с правовым регулированием трудовых и непосредственно связанных с ними отношений. Таким примером могут служить достижения, связанные с применением цифровой экономики в трудовом праве и возможностью более широко применять данные достижения.

Основной причиной, вызывающей отраслевое регулирование условий труда, как нам представляется, являются особенности организации труда, технологического процесса и уровень технической оснащенности организаций данной отрасли экономики или сферы обслуживания, управления. Это и вызывает потребность в установлении специальных норм, регулирующих условия труда работников, занятых на конкретных видах работ¹. Хотя при этом должно соблюдаться равенство прав и обязанностей участников трудовых отношений, основанных на трудовом договоре, независимо от сферы

¹ Рогалева Г.А., Рогалева И.Ю. Анализ концептуальных положений о дифференциации в правовом регулировании труда // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2017. № 10. С. 84-89.

применения труда, а также равенстве способов защиты их прав и законных интересов².

По мнению авторов, необходимо концентрировать внимание на противоречивых и дискуссионных доктринальных и законодательных положениях в развитии и понимании трудовых отношений в условиях цифровой экономики.

Делать конкретные шаги в направлении развития цифровой экономики на законодательном уровне нас вынуждает реальная действительность. Возникновение нестандартной занятости, такой, как дистанционный труд, привело к появлению впервые в Трудовом кодексе РФ главы 49.1 «Особенности регулирования труда дистанционных работников». Статья 312.2 ТК РФ закрепляет, что трудовой договор о дистанционной работе и соглашения об изменении определенных сторонами условий трудового договора о дистанционной работе могут заключаться путем обмена электронными документами. Но в том случае, если трудовой договор о дистанционной работе заключен путем обмена электронными документами, то работодатель не позднее трех календарных дней со дня заключения данного трудового договора обязан направить дистанционному работнику по почте заказным письмом с уведомлением оформленный надлежащим образом экземпляр данного трудового договора на бумажном носителе³.

В последние годы в области трудовых отношений произошло немало изменений, а именно введение Федеральным законом от 22.11.2021 № 377-ФЗ в ТК РФ ст. 22.1, 22.2, 22.3. Данные изменения касаются возможности работодателем введения электронного документооборота. Под электронным документооборотом в сфере трудовых отношений мы понимаем, возможность подписания, создания, хранения и использования как работодателем, так и работником документов, которые непосредственно связаны с работой, но оформленных

исключительно в электронном виде, без дублирования на бумажном носителе. Только необходимо учитывать, что определенный перечень внутренних документов, связанных с работой, может быть только на бумажном носителе.

Вопрос о переходе на электронный документооборот и о законности применения электронных документов в кадровом делопроизводстве обсуждался долгое время и порой вызывал самые противоречивые мнения как со стороны работодателей, так и со стороны органов власти. До начала пандемии работодатель мог выбирать форму ведения кадровой документации как на бумажном носителе, так и в электронной форме, согласно Письму Минтруда России от 06.03.20 № 14-2\ООГ-1773, электронная форма не распространялась на те документы, которые либо предоставлялись под роспись работнику, либо прямо предусмотрены ТК РФ.

В период введения локдауна позиция государственных органов стала меняться в сторону использования электронного документооборота, оформленного нормативно и в надлежащем порядке.

Работодатель вправе выбрать какие информационные системы можно использовать для электронного документооборота. Выбор не так велик, но возможен: 1. Единая цифровая платформа «Работа в России», для получения доступа работодатель должен быть зарегистрирован. Авторизироваться работодатель может посредством действующей записи на едином портале государственных услуг или создать аккаунт для менеджера компании, а уже после через него зарегистрировать организацию-работодателя. Далее, после регистрации, появится возможность добавлять отдельные структурные подразделения работодателя. 2. Работодатель вправе создать и использовать свою информационную систему, но при условии, что система сможет обеспечить соблюдение порядка веде-

2. Трудовое право России: практикум / под ред. К. Н. Гусова, Э. г. Тучковой. (4-е издание, переработанное и дополненное). М.: Проспект, 2014. 272 с.

3. Рогалева Г. А., Рогалева И. Ю. Особенности оформления трудовых отношений в цифровой экономике // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2018. № 4. С. 184-189.

ния кадрового электронного документооборота и взаимодействие его участников. Еще одним важным условием является, чтобы в системе был реализован функционал для возможности подписания документов разных типов и видов соответствующими электронными подписями, а также фиксация получения, ознакомления и возможность хранения.

Работодатель и работник должен четко понимать, какой электронной подписью вправе подписать тот или иной документ. В качестве универсального вида используется усиленная квалифицированная электронная подпись. Квалифицированная электронная подпись обязательна для работодателя, если он использует свою систему электронного документооборота и подписывает определенные виды документов, таких как: трудовой договор и любые изменения в нем, ученический договор, договор о материальной ответственности, приказ о применении дисциплинарного взыскания, уведомление об изменении определенных сторонами условий трудового договора. Главное, что приказ о прекращении трудового договора, даже при использовании работодателем электронного документооборота, подписывается сторонами только на бумажном носителе.

Хранение документов возможно путем создания архива работодателем на базе собственной информационной системы с дублированием файлов в облако или на материальные носите-

ли для безопасности, или — с возможностью применения портала «Работа в России», где документы будут храниться в системе. Однако оператор системы не несет ответственности за сохранность, поэтому работодателю необходимо дублировать сохраняемые на портале документы, перенося их на свой электронный ресурс.

Положительным изменением является то, что у работника сохраняется выбор взаимодействия с работодателем либо посредством электронного документооборота, либо на бумажном носителе. Отсутствие согласия работника на переход посредством электронного документооборота признается его отказом на такое взаимодействие. Тем не менее, работник вправе изменить свое решение в любой момент. Данное согласие не требуется только для лиц, поступающих на работу после 31.12.2021 при отсутствии у них стажа работы.

Законодательство должно предоставить работнику право при его желании получить копии электронных документов на бумажном носителе, так как во многих случаях ТК РФ требует ознакомить работника с приказами и локальными актами под роспись. Судебная практика неоднозначно подходит к ознакомлению с приказами в электронном виде, некоторые решения судов признают электронное ознакомление только с дистанционными работниками, другие — электронное ознакомление считают надлежащим.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Рогалева Г.А., Рогалева И.Ю. Анализ концептуальных положений о дифференциации в правовом регулировании труда // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2017. № 10. С. 84-89.
2. Рогалева Г.А., Рогалева И.Ю. Особенности оформления трудовых отношений в цифровой экономике // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2018. № 4. С. 184-189.
3. Трудовое право России: Практикум / Под ред. К. Н. Гусова, Э. Г. Тучковой. 4-е издание, переработанное и дополненное. М.: Проспект, 2014. 272 с.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

4. Rogaleva G.A., Rogaleva I.YU. Analiz konceptual'nyh polozhenij o differenciacii v pravovom regulirovanii truda // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina. 2017. № 10. S. 84-89.
5. Rogaleva G.A., Rogaleva I.YU. Osobennosti oformleniya trudovyh otnoshenij v cifrovoj ekonomike // Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova. 2018. № 4. S. 184-189.
6. Trudovoe pravo Rossii: Praktikum / Pod red. K. N. Gusova, E. G. Tuchkovej. 4-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. M.: Prospekt, 2014. 272 s.

О.А. АВДЕЕВА, В.А. АВДЕЕВ, В.В. ВАРМУНД

Правовая политика в сфере регламентации правосубъектности и уголовной ответственности деликтоспособного лица¹

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены теоретико-методологические подходы к пониманию правосубъектности. Отражены доктринальные основы правосубъектности в контексте взаимообусловленности таких категорий, как правоспособность и дееспособность лица. Исследованы научные подходы к пониманию дееспособности физического лица на основе знаний в области правоведения, психологии, медицины и педагогики. Определены особенности разграничения юридически значимых границ дееспособности физического лица с учетом возрастного и психологического критериев. Раскрыты научные подходы к определению критериев вменяемости физического лица. Проведен сравнительно-правовой анализ законодательной регламентации дееспособности физического лица на примере развития отечественного уголовного законодательства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правосубъектность, правоспособность, дееспособность, уголовный закон, правонарушение, деликтоспособность, юридическая ответственность, уголовная ответственность, правовая политика.

АВДЕЕВА ОЛЬГА АНАТОЛЬЕВНА – доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ФГКОУ ВО «ВСИ МВД России», доцент, г. Иркутск (e-mail: Avdeeva_O_A@mail.ru);

АВДЕЕВ ВАДИМ АВДЕЕВИЧ – доктор юридических наук, профессор, профессор Высшей школы права Югорского государственного университета, г. Ханты-Мансийск (e-mail: vadim.avdeevich@mail.ru);

ВАРМУНД ВИКТОРИЯ ВСЕВОЛОДОВНА – старший преподаватель кафедры нотариата и гражданско-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата (НОУ ОВО «РААН») (e-mail: vik_v@bk.ru).

Правовая политика (политика права), получившая осмысление как правовая категория в работах Чезаре Беккариа, Иоганна Георга Вильгельма Бемера, Шарля Луи Монтескье, Иоганна Генриха Готлиба фон Юсти, Франсуа-Мари Аруэ Вольтера, Германа Вильгельма Эдуарада Хенке, Джона Локка, Гуго Гроция, Томаса Гоббса, Иммануила Канта, Бенедикта Спинозы, представляет совокупность политических решений, включающих основополагающие идеи, принципы, интересы, приоритеты человека, общества и государства и реализуемых с помощью средств правового воздействия. В процессе формирования и развития учения о правовой политике использовали такие категории, как «мировая гармония»,

внешним проявлением считали законность и правопорядок, «пределы необходимости начертания законов», «дух улучшения законов», «целесообразное отправление законов», «гуманизм» и др.² Правовая политика предусматривает постановку целей и задач, ориентированных на достижение конкретного результата³. Л.И. Петражицкий писал, что политика права должна состоять в разработке «желательных результатов», последствия которых подлежат предвидению и обоснованию. Правовая политика, как отметил В.В. Трофимов, выступает основой для проведения эффективных правовых реформ, определяя их характер, сроки и пределы⁴. Эффективность правовой политики предопределяется соотношением поставленной

1. «Стратегические направления правового обеспечения общественной безопасности на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры». Грант РФФ. Рег. № 22-28- 20133.

2. Антология мировой философии: в 4 т. Философия древности и средневековья. М.: Мысль, 1969.

3. Малько А.В. Эффективность правового регулирования // Правоведение. 1990. № 6. С. 61-67.

4. Трофимов В.В. Правовая политика как научная основа правовой реформы // Государство и право. 2010. № 6. С. 10.

цели с качеством, полезностью и ценностью достигнутого результата⁵.

В результате приоритетным направлением в правовой политике признавалось определение государством мер по созданию гарантий общественной безопасности, «интересов человеческой личности» и «общественного блага». В этой связи Н. И. Матузов к числу ведущих принципов правовой политики относит легитимность (законность), соответствие международным стандартам, сочетание интересов государства и личности, приоритетность прав человека, социальную обусловленность, научную обоснованность, устойчивость и предсказуемость (стабильность), справедливость, гуманность и нравственность⁶.

Материальный аспект реализации правовой политики предполагает использование государством технико-юридических ресурсов правового воздействия, включая средства обеспечения исполнения формализованных правовых политических решений, основанные на сочетании методов убеждения, указывающих на рациональность обозначенных стратегических целей и задач, и принуждения, влекущих привлечение к юридической ответственности в случае несоблюдения правовых предписаний. В результате к технико-юридическим ресурсам правового воздействия были отнесены правовые стимулы, ограничения, запреты, санкции, указывающие на позитивный и негативный характер юридической ответственности, а также методы и средства формирования правового сознания, правовой культуры и правового воспитания.

Разработанный в юридической науке отраслевой подход к внутренней структуре права предопределил классификацию видов правовой политики, методов и средств ее реализации. Существенную роль в создании мер по

обеспечению государственной и общественной безопасности играет уголовно-правовая политика. Уголовно-правовая политика представляет собой постановку и решение целей и задач, определение средств, форм и методов государственной деятельности в области противодействия преступности. Уголовно-правовая политика определяет стратегические направления по борьбе с преступностью посредством норм материального, процессуального, исполнительного уголовного права, ориентируя законодателя и правоприменителя на правовые реформы, связанные с криминализацией (декриминализацией), пенализацией (депенализацией) деяний. Одной из составляющих уголовно-правовой политики является разработка общих начал назначения наказания, иных мер уголовно-правового характера и их применения, освобождения от уголовной ответственности и наказания, индивидуализации уголовной ответственности⁷.

Вследствие этого при разработке эффективной уголовно-правовой политики внимания заслуживают вопросы относительно специфики регламентации отраслевой правосубъектности лица, обладающего потенциальной способностью как обладать субъективными правами, так нести возложенные государством и установленные уголовным законом юридические обязанности. При определении в уголовно-правовом аспекте деликтоспособности физического лица, означающей фактическую его способность нести за совершение преступления юридическую ответственность, регламентации подлежат два основных критерия — достижение определенного возраста и наличие вменяемости.

Что касается возрастных границ, то на протяжении развития отечественного уголовного законодательства они имели условный харак-

5. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Правовое воздействие и правовая политика: вопросы институционализации и инструментальной сущности // Юридический мир. 2015. № 11. С. 21.

6. Матузов Н.И. Общая концепция и основные приоритеты российской правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2000. № 8. С. 33.

7. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 32-33.

тер. Анализ отечественного законодательства позволил сделать вывод о том, что возрастные границы уголовной ответственности физического лица определялись волеизъявлением законодателя. В период древнерусской государственности, когда дееспособность в гражданском и семейном праве, основанная на нормах византийского права, предусматривала достижение возраста лицами мужского пола – 14-15, женского пола – 12-13 лет, согласно уставу Ярослава Мудрого о земских делах (XI в.) не достижение лицом возраста 12 лет исключало возможность применения к нему наказания в виде смертной казни и заменялось более мягкой мерой уголовно-правового воздействия. В период образования централизованного государства на основании заимствованных у Византии Кормчих книг возраст уголовной ответственности соответствовал возрасту брачной зрелости, т.е. 12 годам – для девушек и 14 годам – для юношей. При совершении «отроком» в возрасте от 7 до 12 лет особо тяжкого преступления смертная казнь подлежала замене на более мягкое наказание.

В Соборном уложении 1649 года указывалось, что достижение совершеннолетия связано было с наступлением возраста пятнадцати лет, когда лицо мужского пола призвано было нести военную службу. Согласно Воинскому артикулу 1715 г., уголовной ответственности подлежали малолетние лица, достигшие пятнадцати лет. Исходя из содержания артикула 195, в случае совершения кражи «младенцем», не достигшем 15 лет, последний подлежал наказанию «лозами своих родителей». В 1785 году Екатериной II был издан Указ «О совершеннолетия мужского и женского полов», на основании которого: 1) малолетним считалось лицо в возрасте до семнадцати лет; 2) по достижении семнадцати лет устанавливался единый возраст наступления совершеннолетия. Однако лицо мужского пола наделялось полной дееспособностью лишь по достижении двадцати одного года.

В соответствии со ст. 100 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

не подлежали наказаниям за преступления и проступки дети, не достигшие семи лет от роду, ввиду того, что они не имеют достаточного понятия о своих деяниях. Закон о малолетних и несовершеннолетних подсудимых от 2 июня 1897 г. детализировал, что одной из причин невозможности вменения в вину содеянного являлось «малолетство», когда подсудимый не может еще иметь понятия о «свойстве деяния». Основанием для освобождения от судебного преследования и наказания являлось не достижение малолетним десятилетнего возраста. Лица в возрасте от четырнадцати лет до двадцати одного года, совершившие неосторожное преступление, подлежали «домашнему исправительному наказанию» по распоряжению родителей или опекунов. Если ответственность за данное деяние предусматривала наказание не ниже тюремного заключения, то виновного направляли в воспитательно-исправительное заведение для несовершеннолетних, при отсутствии такого – в особые помещения, создаваемые «при тюрьмах или домах для арестуемых по приговорам Мировых Судей». По Уголовному уложению 1903 г. (ст. 40) малолетние лица, не достигшие десяти лет, также не подлежали ответственности. На основании Декрета СНК «О комиссиях для несовершеннолетних» от 14 января 1918 г. лица, не достигшие семнадцати лет, стали освобождаться комиссиями без применения каких-либо мер правового характера. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 г. устанавливали новые возрастные границы ответственности для лиц, достигших четырнадцати-восемнадцати лет.

На современном этапе в соответствии со ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации установлен возраст уголовной ответственности, соответствующий достижению лицом к моменту совершения преступления шестнадцати лет. Учитывая общественную опасность отдельных видов преступлений (ст. 105, 111, 112, 126, 158 УК РФ) законодатель предусматривает ответственность по достижении лицом четырнадцатилетнего возраста.

Помимо возрастного критерия деликтоспособность в правовом аспекте предполагает наличие у физического лица вменяемости. Ретроспективный анализ регламентации вменяемости физического лица в отечественном уголовном праве показал, что на основании Кормчих книг наряду с возрастной невменяемостью учитывалась категория «бесных людей». Согласно Воинскому артикулу 1715 г. не устанавливалась уголовная ответственность в отношении невменяемых лиц, совершивших преступление в состоянии «лишения ума», т.е. «слабоумия» (арт. 195). В соответствии с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (ст. 103, 104) невменяемыми признавали как детей в возрасте до семи лет, а также лиц, «безумных от рождения», «сумасшедших» либо «имеющих болезнь, доводящую их до умоисступления или беспамятства». Состояние вменяемости исключалось также в случае «старости», «дряхлости», «лунатизма» и «глухонемоты». В соответствии со ст. 100 ограниченно вменяемыми признавали детей, «коим более семи, но менее четырнадцати лет от роду» ввиду отсутствия «надлежащего о своих обязанностях разумения». По Закону о малолетних и несовершеннолетних подсудимых от 2 июня 1897 г. возрастные границы условной вменяемости соответствовали периоду от десяти до семнадцати лет, когда несовершеннолетний чинил преступное деяние «без разумения». Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. констатировали, что суду и наказанию не подлежат лица, совершившие деяние в состоянии душевной болезни или вообще в таком состоянии, когда совершившие его не отдавали себе отчета в своих действиях, а равно и те, кто хотя и действовал в состоянии душевного равновесия, но к моменту приведения приговора в исполнение страдает душевной болезнью.

Развитие уголовного законодательства в дальнейшем основывалось на принципе научности, что повлекло значительную роль положений юридической доктрины при разработке нормативно-правовых актов. С учетом исследований в области правоведения, психологии, медицины и педагогики наметилось наращивание знаний в области установления критериев правосубъектности физического лица. В частности, исследованию подлежали процессы, свидетельствующие об этапах становления личности. В результате было установлено, что в период несовершеннолетия качества человека находятся на стадии интенсивного развития, имеет место активно продолжающийся процесс как физиологического развития, так и формирования психоэмоциональной и интеллектуальной сферы, позволяющий создать «автономную модель», включающую собственную систему ценностей, представлений и принципов. В несовершеннолетний период происходит активная перестройка сложившихся в раннем возрасте психологических структур с учетом условий жизни, деятельности и воспитания⁸. На данном этапе жизнедеятельности человека имеет место переход объективной ответственности в субъективную ответственность, когда подросток приобретает способность не на страхе, а на сознательном уровне придерживаться установленных норм общественного поведения. Таким образом, формируется «автономная мораль».

Как отмечает Краковский А.П., человек характеризуется возрастными особенностями, которые проявляются в его поведении на том или ином этапе жизнедеятельности⁹. На правовом уровне возрастные особенности человека порождают социально-психологические особенности, которые находят выражение в достижении индивидом определенного уровня правового сознания, складывающегося из

8. Божович Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе // Вопросы психологии. 1979. № 2. С. 23; Драгунова Т.Д. О некоторых психологических особенностях подростка // Вопросы психологии личности школьника. М., 1961. С. 120; Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 6.

9. Краковский А.П. О подростках. М., 1970. С. 11.

накопленных правовых знаний, степени социализации личности и объема приобретенного социально-правового опыта¹⁰. При этом научный подход к определению этапов развития личности основывается на характеристиках «психологического возраста». В результате исследователи разграничивают два возрастных этапа — подростковый (от 12 до 15 лет) и юношеский (от 15 до 17 лет включительно)¹¹. По мнению ученых, человек, достигнув лишь возраста 13-14 лет, начинает осознавать сущность общественных отношений и в состоянии уяснить содержание правовых норм и связать их с наступлением ответственности. Лишь на рубеже 15-16 лет человек начинает осознанно понимать свою зависимость от участников общественных отношений и соотносить такие понятия, как право человека и обязанность. Вместе с тем внимания заслуживает вопрос относительно того, насколько теоретически усвоенная несовершеннолетним правовая обязанность сможет надлежащим образом проявиться в объективной действительности. К 15-16 годам подросток накапливает объем знаний, но не имеет возможности в полной мере использовать данный потенциал в своей практической деятельности. Следовательно, непрочность полученных знаний сопряжена с отсутствием необходимого опыта в их реализации. Исследователи полагают, что готовность нести юридические обязанности на осознанно-волевом уровне в полной мере появляется лишь к двадцати — двадцати одному году¹². Исходя из вышеизложенного, разграничение юридически значимых границ несовершеннолетнего возраста от четырнадцати до семнадцати лет представляется вполне обоснованным.

Примечательно, что категория малолетний

согласно действующему законодательству ограничивается лицами в возрасте от шести до четырнадцати лет (ст. 28 ГК РФ). В уголовно-правовом аспекте в силу повышенной общественной опасности преступного деяния ученые юридически значимые границы несовершеннолетнего возраста делят на подростковый (от 14 до 15 лет) и юношеский (от 16 до 17 лет включительно) возрастные периоды.

Таким образом, в рамках проводимой на современном этапе уголовно-правовой политики при установлении возраста лица, подлежащего уголовной ответственности, законодатель на основе достигнутых знаний в области юриспруденции, психологии и медицины должен учитывать такие критерии, как уровень физической, психоэмоциональной, интеллектуальной, духовной зрелости, которые в совокупности способствуют формированию у него навыков интеллектуально-волевой деятельности, когда способен не только знать и толковать закон, но и руководить и давать оценку своим действиям (бездействиям). В отличие от иных видов правонарушений преступление характеризуется общественной опасностью совершаемого деяния ввиду причинения ущерба и вреда. Поэтому оценка данных действий должна исходить не из собственного восприятия, а понимания того, какой результат (последствия) — положительный или негативный данные действия будут иметь для иных участников общественных отношений, а также общества и государства в целом. Следовательно, физическое лицо должно достичь достаточного уровня, как в понимании, так и несении социальной ответственности.

С точки зрения научных знаний в области медицины невменяемость означает, что пси-

¹⁰ Астемиров З.А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних. М., 1970. С. 15.

¹¹ Дозорцева Е.Г. Об определении возраста несовершеннолетнего комплексной судебно-психиатрической экспертизой // Преподавание юридической психологии и ее практическое применение в свете решений 27 съезда КПСС. Тарту, 1986. ч. 1. С. 112.

¹² Арсеньева М.И., Ермаков В.Д., Панкратов В.В. Криминологическая характеристика возрастных параметров правовой ответственности несовершеннолетних // Несовершеннолетние: их возрастные особенности и проблемы правовой ответственности. М., 1992. С. 35.

хическое расстройство лица носит характер временного или хронического заболевания. Юридическая оценка невменяемости физического лица предусматривает установление наличия болезни, в силу которой нарушена психическая регуляция им своего поведения. В результате указанного нарушения физическое лицо на интеллектуально-волевом уровне становится не способным осознать фактический характер и общественную опасность своих действий, а также ими руководить. Невменяемость подлежит разграничению на два вида – обычную и возрастную. Если обычная невменяемость предполагает наличие у физического лица болезненного психического расстройства, то возрастная невменяемость означает, что лицо в силу недостижения либо достигнутого возраста имеет существенное отставание в психическом развитии, которое не связано с психическим расстройством.

Аккумуляция знаний в области юриспруденции, психологии и медицины позволяют установить, что при достижении лицом определенной возрастной границы происходит формирование конкретных признаков, касающихся состояния психического здоровья, а также социально-психологического развития и социализации. Изучение такой категории, как «состояние психического здоровья» деликтоспособного лица, подлежит правовой оценке с учетом наличия определенного психического заболевания и отставания в умственном развитии. Социально-психологический критерий правовой оценки деликтоспособности лица предусматривает установление уровня волевой регуляции поведения, позволяющего на основании имеющихся волевых качеств мотивировать свои действия. Социализация как критерий правовой оценки деликтоспособности лица предусматривает анализ социальной зрелости человека, т. е. наличия умений и навыков, позволяющих ему осознать свою социальную роль и значимость своего поведения в отношении иных участников общественных отношений. В свою очередь, приобретаемые в совокупности вышеуказанные признаки

позволяют лицу как осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, так и отдавать отчет в совершаемых им действиях (бездействии) и руководить своими действиями, а, значит, нести юридическую ответственность.

Исходя из вышесказанного, следует, что в основу привлечения лица к уголовной ответственности положены возрастной критерий и вменяемость физического лица как два обязательных признака (ст. 21 УК РФ). Не признание лица субъектом преступления влечет исключение факта наличия состава преступления как основания уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ). Обязательные признаки указывают на общие условия уголовной ответственности. Вследствие этого субъект преступления должен обладать такими обязательными признаками, как: 1) обладание статусом физического лица; 2) достижение данным лицом возраста уголовной ответственности, предусмотренного в УК; 3) наличие у данного лица вменяемости.

Субъект преступления – физическое вменяемое лицо, достигшее на момент совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, возраста и способное нести уголовную ответственность. Анализ данного определения позволяет заключить, что каждый субъект преступления характеризуется обязательными признаками, а отдельные его виды и факультативными (дополнительными) признаками. Невменяемому лицу не может быть назначено уголовное наказание. Между тем невменяемому лицу могут быть назначены принудительные меры медицинского характера при установлении вероятности причинения данным лицом другого существенного вреда или опасности для себя либо иных лиц (ст. 97 УК РФ). Если лицо достигло предусмотренного уголовным законом возраста, но имеет отставание в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством во время совершения преступления, в результате которого оно не могло осознавать фактический характер своих действий (бездействия) либо ими руко-

водить, то привлечение его к уголовной ответственности не допускается (ч. 3 ст. 20 УК РФ). Установление факта отставания в психическом развитии несовершеннолетнего предусматривает назначение комплексной психолого-психиатрической экспертизы.

В настоящее время с учетом глобализационных процессов, развития информационных технологий, возникновения качественно новых угроз и вызовов личной, общественной и государственной безопасности исследованию в юридической науке подлежат ряд проблем. С одной стороны, анализируя возраст уголовной ответственности, ученые заявляют о целесообразности снижения минимальной возрастной границы за совершение тяжких насильственных преступлений до двенадцати-тринадцати лет. В обоснование данной позиции положены выводы о том, что по достижении данного возраста подростки приобретают в полном объеме навыки, позволяющие осуществлять управление своим поведением избирательно¹³. Существует также точка зрения относительно снижения возраста уголовной ответственности до двенадцати-тринадцати лет за совершение особо тяжких преступлений¹⁴. Приобретенные несовершеннолетним возрастные и социально-психологические особенности позволяют уже на данном этапе применять меры уголовно-правового и иного характера с целью оказать своевременное целенаправленное воздействие на сознание и поведение подростка¹⁵. С другой стороны, активно дискутируется вопрос относительно определения юридических кри-

териев старческого слабоумия, характеризующегося приобретенной деформацией мыслительной деятельности. Определяя дееспособность физического лица, законодатель должен учитывать совокупность как правовых, так и физических, нравственно-психологических характеристик человека. Дееспособность физического лица подлежит прекращению в том случае, когда суд вынес решение о признании гражданина недееспособным, что означает, что данное лицо в силу имеющегося у него психического расстройства не может понимать значения реализуемых действий, а, следовательно, ими руководить.

В заключение стоит отметить, что правильное определение юридически значимых границ дееспособности физического лица, способного нести уголовную ответственность, связано с возрастными и социально-психологическими особенностями человека, не достигшего на момент совершения преступления восемнадцатилетнего возраста. Учет данных особенностей имеет особую значимость при правовой оценке личности виновного. Названные особенности следует учитывать при избрании в отношении данного лица необходимой меры уголовно-правового, воспитательного или предупредительного характера. В условиях проводимой политики по экономии уголовной репрессии назначаемые меры уголовно-правового воздействия, основываясь на соблюдении принципа соразмерности наказания содеянному, должны повлечь достижение предупредительного и исправительного эффекта.

13. Колоскова И.Ю. Насильственная преступность несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 10; Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. М., 1998. С. 9.

14. Боровых Л.В. Проблема возраста в механизме уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1993. С. 13; Павлов В.Г. Субъект преступления. СПб., 2001. С. 95.

15. Авдеев В.А. Механизм правового регулирования уголовной ответственности несовершеннолетних. Иркутск: «На Чехова», 2008. С. 58.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авдеева О.А., Авдеев В.А. Сущностно-ценностный дискурс в понимании права в условиях развития правового государства // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2022. № 3 (102). С. 12-22.
2. Антология мировой философии: в 4 т. Философия древности и средневековья. М.: Мысль, 1969. Т. 1. ч. 1. 316 с.
3. Выготский Л.С. Психология развития ребенка. М.: Изд-во Смысл, Изд-во Эксмо, 2005. 512 с.
4. Гарипов Р.Ф. Деликтоспособность как правовая категория: монография / под ред. Р.И. Зазнаева. Казань: Редакционно-издательский центр, 2011. 114 с.
5. Ковалевский М.М. Обособление дозволенных и недозволенных действий // Новые идеи в социологии: сборник. СПб., 1913. Сб. 4. С. 84–108.
6. Клейбер Ю.А. Психология девиантного поведения: учебное пособие для вузов. М.: ТЦ Сфера, при участии «Юрайт-М», 2001. 160 с.
7. Кон И.С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989. 254 с.
8. Малько А.В. Эффективность правового регулирования // Правоведение. 1990. № 6. С. 61-67.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

9. Avdeeva O. A., Avdeev V. A. Sushchnostno-cennostnyj diskurs v ponimanii prava v usloviyah razvitiya pravovogo gosudarstva // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennih del Rossii. 2022. № 3 (102). S. 12-22.
10. Antologiya mirovoj filosofii: v 4 t. Filosofiya drevnosti i srednevekov'ya. M.: Mysl', 1969. T. 1. CH. 1. 316 s.
11. Vygotskij L.S. Psihologiya razvitiya rebenka. M.: Izd-vo Smysl, Izd-vo Eksmo, 2005. 512 s.
12. Garipov R.F. Deliktosposobnost' kak pravovaya kategoriya: monografiya / pod red. R.I. Zaznaeva. Kazan': Redakcionno-izdatel'skij centr, 2011. 114 s.
13. Kovalevskij M. M. Obosoblenie dozvolennyh i nedozvolennyh dejstvij // Novye idei v sociologii: sbornik. SPb., 1913. Sb. 4. S. 84–108.
14. Klejber YU.A. Psihologiya deviantnogo povedeniya: Uchebnoe posobie dlya vuzov. M.: TC Sfera, pri uchastii «YUrajt-M», 2001. 160 s.
15. Kon I.S. Psihologiya rannej yunosti. M.: Prosveshchenie, 1989. 254 s.
16. Mal'ko A.V. Effektivnost' pravovogo regulirovaniya // Pravovedenie. 1990. № 6. S. 61-67.

Д.В. МИРОШНИЧЕНКО

Критика конструктивизма в уголовном праве

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется конструктивизм как научный подход к осмыслению преступления, роли и значения уголовного права и его пределов. В частности, поставлена задача дать общий обзор конструктивизма как методологического инструментария и установить его гносеологическую ценность. Высказана мысль, что сам по себе конструктивизм не безоснователен и находится в контексте социокультурных изменений, характеризующихся упадком ценностей и онтологий (постмодернизм). Конструктивизм нивелирует онтологию преступного, значит, покоится на крайнем скептицизме в отношении ценностей современного общества. Деконструируя онтологию преступления, вместе с тем в данной научной установке порывается связь между бытием субъекта и его ценностным социальным измерением. Тем самым невозможно с данной позиции объяснить, как существует человеческое представление о преступном.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: преступление, уголовное право, конструктивизм, ценность, общество, постмодернизм, нигилизм, скептицизм.

МИРОШНИЧЕНКО ДАНИИЛ ВИКТОРОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: d.v.miroshnichenko@yandex.ru).

В настоящее время помимо доминирующего в науке уголовного права объективистского подхода к понятию преступления, существует альтернативный взгляд – конструктивистский, источником которого является западноевропейская традиция скептицизма и постмодернизма. Так, М. Робинсон указывает, что понятие *преступность* представляет собой ярлык, который навешивает общество, законодательно определяя преступления. Согласно его мнению, преступления порождаются уголовным законом, который придумывают люди. Поэтому объективно преступности не существует, она лишь социальная выдумка¹. Норвежский криминолог Н. Кристи пишет: «Преступления не существует. Существуют поступки, которые в условиях того или иного общества становятся преступлениями»². Таково мнение западных криминологов-конструктивистов.

Среди отечественных ученых теорию социального конструктивизма поддерживает Я.И. Гилинский. Ученый, в частности, указывает,

что преступность как разновидность девиантности есть результат социального конструирования, договоренности законодателей «здесь и сейчас», ибо нет таких преступлений, которые бы были объективно таковыми, а значит, не подвластными ни времени, ни социокультурным условиям. В то же время Я.И. Гилинский отмечает, что социальное конструирование вообще и девиантности в частности, не произвольно. «Общество «конструирует» свои элементы на основе некоторых бытийных реалий. Так, реальностью является то, что некоторые виды человеческой жизнедеятельности причиняют определенный *вред*, наносят *ущерб*, а потому негативно воспринимаются и *оцениваются* другими людьми, обществом»³. С другой стороны, отмечает Я.И. Гилинский, реальностью является и то, что некоторые виды преступлений не причиняют вреда другим, а потому криминализованы без достаточных онтологических оснований. В частности, речь идет о т.н. «преступлениях без жертв» (Э. Шур).

1. Robinson M. Why Crime? An Integrated Systems Theory of antisocial Behavior. NJ.: Pearson Prentice Hall, 2004. P.2.

2. Кристи Н. Приемлемое количество преступлений / под общ. ред., вступ. статья Я.И. Гилинского; пер. с англ. Е. Матерновской. 2-е изд. СПб., 2011. С. 18.

3. Гилинский Я. Девиантность, преступность и социальный контроль: сборник статей. СПб., 2012. С. 25-26.

В концепции социального конструктивизма методологической основой служит феноменологический подход, согласно которому в реальной действительности нет ничего, в чем невозможно было бы усомниться. Общее утверждение конструктивистской теории состоит в том, что любое знание конструируется субъектом (-ами) в условиях социального общения. В этом состоит его радикальное отмежевание от всех форм традиционной эпистемологии, допускающей соответствие знания объективной реальности. Один из основоположников радикального конструктивизма Э. фон Глазерсфельд утверждает, что знание принципиально не может отражать или соответствовать никакому реальному миру ввиду того, что единственный доступный ему реальный мир — это и есть тот мир, который субъект сам конструирует в процессе познания. По-другому конструктивизм можно охарактеризовать как эпистемологию без онтологии. «То, что мы переживаем, воспринимаем, познаем, изучаем, конструируется исключительно из нашего строительного материала и подлежит объяснению только с позиции нашего способа конструирования» — пишет Глазерсфельд⁴. Иначе говоря, у человека нет иного способа познания мира кроме человеческого, а потому мир подстроен именно под возможности разума, сам же мир как таковой остается за рамками суждений об онтологии (ничего нельзя сказать об объективной реальности, поскольку эта реальность ограничена сферой человеческого разума).

Другой известный представитель конструктивизма п. Ватцлавик разделял действительность на порядки: первый и второй. В действительности первого порядка человек воспринимает физические свойства объектов — форму, цвет, структуру и т. д. Действительность второго порядка состоит из смыслов, значений и

ценностей, которые мы приписываем данным объектам. В этом «вторичном» мире не существует никаких объективных критериев. Он является результатом сложных коммуникационных процессов⁵.

Социология и гуманитарные науки в конце XX в. испытали сильное влияние на себе идей конструктивизма (этика, лингвистика, теория коммуникации, педагогика и т.д.). Указанные в начале мнения криминологов яркое тому подтверждение.

Однако попытаемся сформулировать на этот счет позицию. При этом будем отталкиваться от традиций рационализма и, в частности, феноменологии в вопросе поиска аподиктического основания знания. Как известно еще со времен Декарта, единственное основание достоверного знания является мысль о существовании *Я* (*cogito*) посредством осуществления редукции знаний о предметном мире. *Я* существует в сомнении, на рефлексивном уровне мысль сомневающегося *Я* сама по себе несомненна. Окружающая реальность познается через смысловую сеть, накинутую разумом на предметный мир и погружающую его в стихию интенциональных переживаний. Так, о преступлении ничего нельзя сказать, пока не будет уже заранее известна некая идея преступления, благодаря которой событие, происходящее в действительности, оживает и становится таким, каким мы его воспринимаем. Без связи сознания и объективной реальности преступления не существует, поскольку не существует основания его конституирования как преступления.

По мнению социальных конструктивистов, нельзя отталкиваться в социальных науках от того представления, что объекты их изучения имеют какую-то собственную отличную от субъективного бытия природу. Они есть не потому, что существуют естественнонаучные

4. Цоколов С.А. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания (С пер. ориг. работ п. Ватцлавика, Э. фон Глазерсфельда, Х. фон Ферстера [и др.]). München: PHREN, 2000. 332 с.

5. Цоколов С.А. Указ. соч. С. 20.

законы, поскольку первично причины восприятия определяются не ими, а только в связи с жизнью самого субъекта или еще шире — социума. Таким образом, с этой точки зрения справедливо утверждать, что в природе преступность не существует, ее порождение определяется социальным контекстом, т.е. конструируется на основе той смысловой диспозиции, которая имеет место в отдельной социальной действительности *здесь и сейчас*. Вряд ли древний человек мог понимать, что представляет собой, например, изнасилование, если такая форма вступления в половую связь повсеместно практиковалась и в целом встраивалась в социальный мир древнего человека. То же касается и любого другого конструкта преступления.

Произведя феноменологическую редукцию, очистив сознание от всех предрассудков, ценностей и т.д., с чем в итоге остается субъект? С чистым горизонтом событий, поступками, физическим актами, воспринимаемыми субъектом как не имеющими содержания. Но как только данный акт или действие станут интенциональными, они обретут значение и встроится в общую картину социальной реальности, в которой субъекту необходимо сбыться (реализоваться). Это значит, что в отсутствие интенциональных актов человек утрачивает связь с реальностью, в том числе и с самим собой. Он не может без любимого любить, без дорогого дорожить и т.д. Он перестает быть носителем ценностных смыслов, которые связаны с предметным миром.

Если допустить, что человек желает сбыться в той мере, в которой для него существует потребность как социального существа в других людях, значит, как социальный субъект он не может сбыться через убийство, потому убийство разрушает перспективы социальных отношений и противно самому бытию человека (никто не хочет быть убитым). Следовательно, соблюдение запрета на убийство, есть один из способов человеческого бытия. При этом мотивы несовершенного преступления также безразличны для права и имеют отношение к суб-

ективным переживаниям (не убить из любви к ближнему или из страха наказания и т. д.). То есть в любом случае субъективное стремление *осуществляться* в социальном пространстве как супругу, правопослушному гражданину, любящему человеку и т. д. связано с определенными смыслами социальных действий и объектами этих действий, которые не могут существовать сами по себе, поскольку они интенциональны.

Несовершение преступления же понимаемо как единственный способ осуществления социального субъекта. Отрицание ценностей, которые охраняются той или иной нормой, находящее выражение через способ совершения преступления, означает только одно: субъект в социальном пространстве сбывается как отрицающий ценности, а преступление является тому показателем.

Ввиду вышеизложенного, следует вернуться к тезису конструктивистов о несуществовании преступлений. Это утверждение предполагает лишение акта деяния заранее установленного смысла, который кажется очевидным. Если убийство есть, то существование его очевидно именно в качестве преступления. Но этот смысл может быть подвергнут сомнению в части онтологии и интерпретирован: убийство при необходимой обороне, убийство на войне, которые не являются преступными, и убийство в обычной жизни, которое является преступлением. Социальный конструктивизм исключает, таким образом, объективность преступления как всегда заданный социальный смысл, но ничего не предлагает взамен. На месте каждого преступления окажется пустота. Разрыв с ценностями и мысль о том, что все имеет социальную природу и равно выдумке — это правовой солипсизм, а значит, — методологический тупик. Действительно, стоит только подвергнуть сомнению онтологию преступления, как тут же теряют свой смысл любые уголовно-правовые запреты. В случае обесценивания равнозначными могут стать мелкое хищение и разбой, причинение вреда здоровью небольшой тяжести и убийство. А доведя до завершения данную логическую последовательность, можно

подвергнуть сомнению смысл любых уголовно-правовых установлений и тем самым опуститься на уровень формализма, когда любое преступление таково, поскольку установлено. Чтобы не допустить этого, конструктивисту необходимо опереться на действительность и корректировать или привязывать смысл преступления с тем, что реально определяет этот смысл, т.е. опереться на вред.

В позиции Я.И. Гилинского эта попытка заметна. Он указывает, что криминализация основана на общественных реалиях, а, значит, имеет определенные основания. Их ученый видит во вреде, который очевиден настолько, чтобы он был оценен обществом как опасный, а деяние, его причиняющее, как преступление. Однако каковы критерии ценностей? Если нечто воспринимается как ценное, а другое как не ценное, значит, должен быть объективный критерий. А это, в свою очередь, означает возвращение к онтологии преступления: вред, как и ценности, приобретают общезначимый характер. Если же ценности релятивны, не имеют никакого объективного критерия, конструктивизм приводит только к формализму: преступления лишь то, что определено в законе. Если не будет, например, кражи как преступления, то не будет и явления краж. Кража, как и любое другое преступление, являясь конструктом, обретает свой смысл именно под воздействием конструирующей роли законодателя. Кража бы не являлась кражей именно в уголовно-правовом смысле, если бы, во-первых, законодатель не ввел ее в качестве одного из видов преступлений, во-вторых, не проблематизировал ее в обществе. Собственно, конструкт, т.е. искусственно рожденный социальный объект и проблематизация, как искусственное порождение значения этого конструкта, образуют единый процесс формирования понятия преступления. «Я полагаю, что конструируются как сами социальные феномены («преступность», «наркотизм», «проституция», «терроризм», «коррупция» и т.д., так и результат их

осознания как проблемы («проблематизация» феномена)»⁶.

Но определяются ли представление о преступном и социальные действия исключительно законодательной волей (например, субъект не совершает убийство, поскольку имеет место уголовно-правовой запрет на убийство). Если смысл преступления присутствует без правового установления, то и при законодательно установленной норме, социальные действия не определяются исключительно правом. Так, например, понимание запрещенности убийства может существовать вне уголовно-правового запрета на убийство. Если же такой запрет существует, то он вовсе не означает, что субъективно человек руководствуется именно этим запретом, не совершая убийство, как, впрочем, и в случае любое другого преступления.

В свою очередь, эти суждения приводят к мысли о необходимости обнаружения некоего априорного смыслопорождающего источника нормативного запрета, который остается независимым от позитивного права, и позволяет мыслить преступное как таковое.

В различных философско-правовых исследованиях приводились и приводятся различные видения на такой источник. Определение последнего связывается с деятельностью разума (Кант), духа (Гегель), объективными социальными и историческими условиями жизни (Пухта, Савиньи, Конт), правопорядком (Пуфендорф), правосознанием (Краббе), удовольствием (Бентам), интересом (Иеринг), нравственностью (Шопенгауер), правовыми эмоциями (Петражицкий), априорными основаниями социальных актов (Гуссерль, Райнах, Гильдебранд, Алексеев).

Из перечисленных взглядов на правовое состояние личности два последних представляют собой наибольший интерес, что обусловлено следующими соображениями. Во-первых, все классические и неокантианские варианты источника нормативности не обладают свойством аподиктичности. Нельзя сказать не об

6. Гилинский Я.И. Указ. соч. С. 16.

одном из них, что они существуют как действительные, очевидные источники нормирования, а потому их существование является проблематическим. А если так, то они не могут претендовать на объяснение закономерностей человеческого бытия. Таким образом, хотя они созданы и в достаточной мере интуитивно воспринимаются с точки зрения воображения, но этого недостаточно. Они так и остаются плодом воображения тех, кто пытается объяснить нормативность, привлекая метафизику и конструируя свои теории на ее основе. Практический разум как источник категорического императива Канта, «народный дух» Савиньи, «нравственность» Шопенгауера и т. д. — все эти сущности есть не что иное, как попытка создания пределов эмпиризма, обрывания бесконечной каузальности поступков человека; это попытка поставить человека, общество, государство в ранг тех сущностей, которые сами определяют действительность, и выступают применительно к последней не как пассивные элементы физической реальности, но как действующие и самодовлеющие субъекты, способные к действию и к самой жизни вместе со всем спектром сопричастных к этому проявлений. Так, например, кантовский категорический императив, является не объектом творчества, произвола, а тем, что существует само по себе, как универсальное правило и покоится в ноуменальной природе субъекта. Лишь созерцание, разумный взгляд на это правило достаточны, чтобы утверждать о его существовании и необходимости.

Понятие правопорядка, к поддержанию которого должно быть устремлено общество, делает необходимым соблюдение установленных в рамках этого правопорядка законов. Но если исключить понятие правопорядка, в остатке будет лишь призыв о должном, о необходимости соблюдения законов. Идея право-

порядка основана на физикалистской позиции, согласно которой каждому субъекту определено место в правовом пространстве (т. н. «правовой статус»). В связи с этим, правовой статус по необходимости следует соблюдать, чтобы не разрушать порядок, не превращать его в хаос естественного состояния.

Позиция, находящая основания нормативности и источник смысла преступления в нравственности, также сомнительна, если учитывать правовой нигилизм, которым, по мнению М. Хайдеггера, характеризуется современная европейская культура. Нигилизм с неизбежностью порождает релятивизм в оценке сущего, представляющего собой особый род ценности. В частности, Хайдеггер, отмечает, что нигилизм как падение космологических ценностей есть одновременно ощущение обесценивания всего, как «психологического состояния», при котором разрушена иерархия ценностей⁷. В отсутствие верховных (абсолютных ценностей) подрывается целостность ценностного представления о сущем, единство, которое сохранялось в присутствии, например Бога, перестает быть единством, в силу чего и человек теряет веру в свою собственную ценность. Когда нет веры в собственную ценность, тогда и все действия, посредством которых человек презентует себя миру, становятся ничем иным, как обманом, недействительностью⁸. Как только у человека обнаружится убежденность в том, что истинный мир является ничем иным, как плодом его фантазии, экзистенциальной необходимостью, чтобы выдержать давление этого (посюстороннего) мира, абсолютные ценности начинают разрушаться как иллюзии бытия. Нигилизм в таком случае становится ярко выраженным неверием в такие вещи, как воздвигнутый «над» чувственностью и становлением (над «физическим»), т.е. *метафизи-*

7. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. Европейский нигилизм. СПб., 2007. С. 109-110.

8. Хайдеггер М. Указ соч. С. 112.

9. Хайдеггер М. Указ соч. С. 112-113.

ческий мир⁹. Таким образом, этот мир становится единственной реальностью, собственно «истинным миром» в его неповторимости, но лишенный ценности, а потому невыносимый.

Феноменологический метод способен привнести определенность в суждения о нормативности, поскольку в основе своей он не полагается на аналитическую оставляющую человеческого познания, не создает и не оперирует понятиями, а производит их рефлексию. Рефлексивное восприятие есть тот метод, который не терпит никаких гипотетических сущностей и каузальности, апеллирует к сознанию, чувствам и переживанию как тем свойствам человеческой субъективности, которые не выводятся аналитически, путем конструирования аргументов «за» или «против», но описываются в качестве аподиктических данностей, очевидных настолько, чтобы говорить о них как о несомненно существующих.

Итак, социальный конструктивизм в уголовном праве и криминологии возник на почве утверждения об отсутствии онтологических и трансцендентных оснований социальных объектов, одним из которых является преступление. Преступление объявляется социальным конструктом в ряду других социальных образований, носящих преходящий, искусственный характер. Ничего того, чтобы следовало назвать естественным преступлением в социальном мире нет, а потому нет и абсолютного эталона общественной опасности.

Преступление как конструкт есть искусственная форма, исключаящая онтологию как необходимость, истинность преступления. Все подвержено изменению и течению, нет ничего морально и нравственно константного. Эта изменяемость исключает вывод о неизбежности и постоянстве мысли о преступлении в контексте социальной действительности. Преступно, поскольку создано. Если это так, то конструктивизм, нивелируя всякое основание мышления о преступлении как о сущности, приводит к тому, что вне онтологических предпосылок преступное как мыслимое получает свое значение лишь во внешнем социаль-

ном мире. Человек уже не представляет собой некую автономию, а сам становится конструктом («смерть субъекта»). Поэтому нет преступления ни в сущем, ни в сфере должного, как априорная идея (грех и пр.). Преступление возникает лишь поскольку в нем существует необходимость, которая определяется различными потребностями (управление, контроль, удержание власти и т.п.). Однако, следует отметить, что в дезавуировании онтологии преступного остается невыясненным вопрос о том, что делает возможным, собственно, саму мысль о преступлении. Как субъект способен мыслить преступление, в ситуации, когда отсутствуют некие высшие ценности и идеалы, дающие уверенность или определяющие очевидность преступного.

Вместе с тем конструктивизм имеет ценность в первую очередь как эпистемологическая программа, исследующая возможности и пределы человеческого познания окружающей среды (природной, социальной), нивелировании онтологии как объективной и способности отражать мир таким, какой он есть в качестве предзаданного человеку. Мир не дан в готовом виде, он находится в процессе конструирования совместно с расширением горизонтов знания. Идея сущности или естественности преступления под натиском постмодернизма постепенно утратила свое значение вместе с сущностными основами мира вообще. Конструктивизм уловил эту проблему и включил в основу своего проекта. Вместе с тем, провозгласив отсутствие онтологии, он ничего не предложил взамен. Если преступления нет как объективной реальности, значит, законодатель не познает его, поскольку отсутствует предмет такого познания; значит, проблема преступления состоит не в его познании, а в прагматизме, целесообразности, законодательной воле к тому, что считать преступлением. Формальный аспект, таким образом, становится очевидным. Если же полагать, что законодатель основывает свое решение об установлении преступления на реальности вреда, значит, следует полагать, что есть объективные предпосылки к тому, что

необходимо считать преступлением в данный исторический момент. И в том, и в другом случае, когда возникают проблемы формализма или объективизма, конструктивизм не выдерживает критики. Формализм не объясняет, как

существует представление о преступном, каков его источник, поскольку мысль о преступлении не зависит от законодательного источника; объективизм же прямо противоречит конструктивистской методологии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гилинский Я. Девиантность, преступность и социальный контроль. Сборник статей. СПб., 2012. 280 с.
2. Кристи Н. Приемлемое количество преступлений / под общ. ред., вступ. статья Я.И. Гилинского; пер. с англ. Е. Матерновской. 2-е изд. СПб., 2011. 175 с.
3. Спекторский Е.В. Проблема социальной физики в XVII столетии. Новое мировоззрение и новая теория науки. В 2-х томах. Т. 1. СПб.: Наука, 2006. 448 с.
4. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. Европейский нигилизм: пер. с нем. СПб.: Наука, 2007. 621 с.
5. Цоколов С.А. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания (С пер. ориг. работ п. Ватцлавика, Э. фон Глазерсфельда, Х. фон Ферстера [и др.]). München: PHREN, 2000. 333 с.
6. Robinson M. Why Crime? An Integrated Systems Theory of antisocial Behavior. NJ.: Pearson Prentice Hall, 2004. 345 p.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Gilinskij YA. Deviantnost', prestupnost' i social'nyj kontrol'. Sbornik statej. SPb., 2012. 280 s.
2. Kristi N. Priemlemoe kolichestvo prestuplenij / pod obshch. red., vstup. stat'ya YA.I. Gilinskogo; per. s angl. E. Maternovskoj. 2-e izd. SPb., 2011. 175 s.
3. Spektorskij E.V. Problema social'noj fiziki v XVII stoletii. Novoe mirovozzrenie i novaya teoriya nauki. V 2-h tomah. T. 1. SPb.: Nauka, 2006. 448 s.
4. Hajdegger M. Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya. Evropejskij nigilizm: per. s nem. SPb.: Nauka, 2007. 621 s.
5. Cokolov S.A. Diskurs radikal'nogo konstruktivizma. Tradicii skeptიცizma v sovremennoj filosofii i teorii poznaniya (S per. orig. rabot P. Vatslavika, E. fon Glazersfel'da, H. fon Fyorstera [i dr.]). München: PHREN, 2000. 333 s.

М.И. ПАСТУХОВ

Некоторые особенности уголовного процесса в Республике Беларусь

(часть 1)

АННОТАЦИЯ. В данной статье исследуются значимые особенности уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики в Республике Беларусь. При этом особое внимание обращается на гарантии защиты лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. По результатам исследования вносятся предложения по совершенствованию законодательства Республики Беларусь.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: уголовный процесс, предварительное следствие, судебное разбирательство, подозреваемый, обвиняемый, защитник, прокурор, апелляция, надзор.

ПАСТУХОВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права учреждения образования «БИП-Университет права и социально-информационных технологий», г. Минск (e-mail: m_pastukhov@mail.ru).

Правовые основы уголовно-процессуальной деятельности

Основным источником права в указанной сфере является Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, принятый 16 июля 1999 г. и вступивший в силу с 1 января 2001 г.

В настоящее время УПК включает в себя 16 разделов, 56 глав и насчитывает 520 статей. При этом имеется ряд глав, которые имеют свою особую нумерацию¹.

УПК Республики Беларусь во многом воспринял модель советского уголовного процесса. За время его действия он дополнялся институтами, заимствованными из законодательства других стран или продиктованными интересами органов государственной власти. Так, появились главы 49 «Производство по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц»; 49-1 «Производство по уголовному делу в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве»; 49-2 «Производство по материалам и уголовному делу в случае смерти подозреваемого (обвиняемого), лица подлежа-

щего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого»; 49-3 «Специальное производство».

Система органов предварительного расследования. В соответствии со ст. 180 УПК предварительное следствие по уголовным делам проводится следователями Следственного комитета Республики Беларусь, органов государственной безопасности, а дознание – органами дознания. При этом предварительное следствие является обязательным по всем уголовным делам, кроме дел частного обвинения и дел ускоренного производства.

Следственный комитет Республики Беларусь (далее – СК) был образован на основании Указа Президента Республики Беларусь от 12 сентября 2011 г. № 409². Он объединил в своем составе следователей прокуратуры, органов внутренних дел и органов финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь. На сотрудников СК были распространены размеры выплат денежного довольствия (кроме должностного оклада) и

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (с изм. и доп.) // URL: etalonline.by/document/?regnum=hk9900295 (дата доступа: 03.05.2023).

² Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2011, №104, 1/12845.

условия оплаты труда, установленные для лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел. Председатель СК назначался и подчинялся Президенту Республики Беларусь.

Спустя полгода, 13 июля 2012 г., был принят Закон «О Следственном комитете Республики Беларусь»³. Согласно ст. 1 Закона, Следственный комитет определяется как централизованная система правоохранительных органов, являющихся органами предварительного следствия и осуществляющих полномочия в сфере досудебного уголовного производства.

С начала работы Следственного комитета информация о его деятельности носила засекреченный характер (как по штатной численности, так и по показателям). В то же время он имеет территориальные структуры во всех районах и областях Беларуси.

По итогам 2022 г. органами Следственного комитета было возбуждено более 93 тыс. уголовных дел, по которым привлечено к уголовной ответственности более 40 тыс. человек⁴.

Функции органов дознания возлагаются на следующие органы и должностных лиц: 1) Министерство внутренних дел Республики Беларусь, специальные подразделения по борьбе с коррупцией и организованной преступностью органов внутренних дел, территориальные органы внутренних дел; 2) органы государственной безопасности; 3) на военных комендантов военных комендатур, командиров воинских частей, соединений, начальников военных учебных заведений, организаций Вооруженных Сил и гарнизонов; 4) начальников учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, следственных изоляторов; 5) Государственный пограничный комитет, территориальные органы пограничной службы, орган пограничной службы специального назначения; 6) таможенные органы; 7) органы финансовых рассле-

дований Комитета государственного контроля; 8) органы государственного пожарного надзора; 9) капитанов морских или речных судов, командиры воздушных судов, находящихся вне пределов Республики Беларусь; 10) глав дипломатических представительств и консульских учреждений Республики Беларусь (ст. 37 УПК).

В целях расследования преступлений органы дознания (дознаватели) вправе осуществлять прием, регистрацию и рассмотрение заявлений и сообщений о совершенном, совершаемом и готовящемся преступлении; проводить проверки по заявлению или сообщению о преступлении, принимать по ним решения; осуществлять неотложные следственные и другие процессуальные действия по уголовным делам; проводить необходимые оперативно-розыскные мероприятия и принимать иные меры в целях обнаружения преступлений и выявления лиц, их совершивших, установления похищенного имущества и имущества, которое подлежит или может подлежать аресту, а также предупреждения и пресечения преступлений.

Особенностью процессуального статуса органов предварительного следствия и дознания в Республике Беларусь является то, что Председатель Комитета государственной безопасности или лицо, исполняющее его обязанности, при производстве предварительного следствия по уголовным делам следователем КГБ, а также при производстве дознания по уголовным делам вправе выносить мотивированное постановление о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, запрета определенных действий, залога; о проведении обыска, осмотра жилища или иного законного владения; о наложении ареста на имущество, находящееся в жилище и ином законном владении, на почтово-телеграфные и иные отправления и их выемке, выемке документов, содержащих

3. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 19.07.2012, 2/1955.

4. Показали достойные результаты. Председатель СК об итогах работы за 2022 год // URL: www.belta.by/society/view/pokazali-dostojnye-rezultaty-predsedatel-sk-ob-itogah-raboty-za-2022-god-549600-2023 (дата доступа: 03.05.2023).

государственные секреты или иную охраняемую законом тайну; о прослушивании и записи переговоров, ведущихся по техническим каналам связи, и иных переговоров; об извлечении трупа из места захоронения (эксгумации); о помещении подозреваемого или обвиняемого, не содержащихся под стражей, в судебно-психиатрический экспертный стационар; об отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности. Указанное постановление не требует санкционирования прокурором. Копия соответствующего постановления в течение 24 часов направляется Генеральному прокурору Республики Беларусь или лицу, исполняющему его обязанности (ч. 6 ст. 38 УПК).

Такие же полномочия имеет Председатель Следственного комитета Республики Беларусь или лицо, исполняющее его обязанности, при производстве предварительного следствия следователем Следственного комитета Республики Беларусь по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, а также по ряду иных преступлений (ч. 5 ст. 35 УПК).

На наш взгляд, данные полномочия Председателя КГБ и Председателя СК (лиц, исполняющих их обязанности) следует признать чрезмерными и выходящими за рамки международных стандартов в сфере расследования преступлений (ч. 3 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах). На практике они могут привести к произволу при принятии решений, связанных с ограничением прав лиц, проходящих по уголовным делам.

Особенности практики задержания и заключения под стражу лиц, подозреваемых в совершении преступлений. В соответствии с ч. 1 ст. 107 УПК задержание определяется как фактическое задержание лица, доставление его в орган уголовного преследования и кратковременное содержание под стражей в местах и условиях, определенных законом.

Основанием для задержания лица чаще

всего выступает непосредственно возникшее подозрение в совершении им преступления. Оно проявляется в различных формах, которые законодатель закрепляет в ст. 108 УПК, в частности: лицо застигнуто при совершении преступления или сразу после его совершения; очевидцы указывают на данное лицо; на этом лице, при нем или на его одежде или других используемых вещах, в его жилище обнаружены явные следы, указывающие на его причастность к совершению преступления; имеются другие достаточные основания для подозрения лица в совершении преступления. В похожей редакции излагаются основания для задержания подозреваемого в УПК Российской Федерации (ст. 91).

При этом остается неопределенность в трактовке «иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления», что, по словам известного российского юриста Г.Б. Мирзоева, «...приводит к ошибкам и злоупотреблениям институтом задержания»⁵.

Задержание не может длиться свыше 72 часов с момента фактического задержания, по истечении которых задержанный должен быть освобожден либо в отношении его применена иная мера пресечения. В последнем случае ему должно быть предъявлено обвинение не позднее 10 суток с момента фактического задержания (ч. 4 ст. 108 УПК).

На практике лица, подвергнутые задержанию, первое время не могут адаптироваться к своему новому статусу. Единственное, что понимает задержанный, это возможность пригласить защитника. Но обеспечить такое право могут только члены семьи или близкие родственники путем заключения договора с определенным адвокатом. Все это время гражданин находится в условиях неволи и подвергается воздействию со стороны заключенных и следователей. Обычно задержанным предлагают сотрудничество со следствием, что может значительно смягчить назначенное наказание.

⁵ Мирзоев Г.Б. Предложения по совершенствованию уголовно-процессуального института задержания лица, подозреваемого в совершении преступления // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2022. №3. С.5.

Формально у подозреваемого имеется право обжаловать любые действия и решения органа, ведущего уголовный процесс, в том числе задержание и (или) заключение под стражу (ст. 138 УПК). При этом в отдельных статьях УПК регулируется порядок обжалования в суд задержания, заключения под стражу, домашнего ареста и особенности судебной проверки законности и обоснованности указанных мер принуждения (ст.ст. 143-144 УПК). Рассмотрение жалобы производится в закрытом судебном заседании, в котором вправе принимать участие потерпевший, его представитель, защитник (если он участвует в деле). В необходимых случаях судья вправе вызвать задержанного (лицо, содержащееся под стражей).

Изучение более 600 уголовных дел, по которым приносились жалобы на решения о задержании, заключение под стражу, домашний арест, показало, что только в 72 случаях суд признал решения незаконными. При этом более 2/3 жалоб рассматривались судом без участия защитников и подозреваемых⁶.

Согласно ст.126 УПК, заключение под стражу применяется в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое законом предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет, при условии «...что цели уголовного преследования не могут быть достигнуты применением более мягкой меры пресечения».

Право давать санкцию на заключение под стражу принадлежит Генеральному прокурору Республики Беларусь, прокурорам областей, города Минска, районов, районов в городах, городов, межрайонным и приравненным к ним транспортным прокурорам и их заместителям. Кроме того, заключение под стражу

может быть применено также по постановлению Председателя Следственного комитета Республики Беларусь, Председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лиц, исполняющих их обязанности (ч. 4 ст. 126 УПК).

По мнению белорусских правоведов П.В. Мытника и Р.Р. Алекперова, действующий порядок применения заключения под стражу не соответствует общепризнанным международным стандартам⁷. В частности, речь идет о Международном пакте ООН о гражданских и политических правах, в котором говорится о том, что каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо должно быть в срочном порядке доставлено «...к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть...» (ч. 3 ст. 9).

Вышеназванные авторы предлагают передать право давать санкцию на заключение под стражу суду и приводят аргументы в пользу такого решения⁸.

Автор статьи поддерживает такое предложение и отмечает, что судебный порядок заключения лиц под стражу принят в большинстве стран Европы, включая ФРГ, Францию, Италию, Швейцарию. Он также действует в Армении, Грузии, Молдове, Украине, Российской Федерации.

Особенности практики привлечения лиц в качестве обвиняемых. Предъявление обвинения является кульминационным моментом в период расследования преступлений. Это действие осуществляется при наличии достаточных к тому доказательств и предъявляется лицу в присутствии защитника, если его участие обязательно или об этом ходатайствовал обвиняемый, в срок не позднее трех суток с момента вынесения постановления о привле-

6. Родевич Л.И., Гончаров В.А. Права, законные интересы и обязанности обвиняемого в досудебном производстве: анализ и решение проблем их законодательной регламентации // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2022. № 1. С. 166.

7. Мытник П.В., Алекперов Р.Р. Субъекты применения заключения под стражу в уголовном процессе Республики Беларусь // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2020. № 1. С. 95.

8. Мытник П.В., Алекперов Р.Р. Там же. С. 97-98.

чении лица в качестве обвиняемого (ч. 1 ст. 243 УПК). При предъявлении обвинения лицу разъясняются сущность обвинения, а также его права, предусмотренные ст. 43 УПК, о чем составляется протокол.

В случае избрания в отношении подозреваемого меры пресечения в виде заключения под стражу обвинение должно быть предъявлено не позднее 10 суток с момента задержания. В остальных случаях время предъявления обвинения определяется самим следователем. Это приводит к тому, что первоначальное обвинение, как правило, корректируется и дополняется новыми составами преступлений.

Такая практика выгодна органам следствия, поскольку до последнего момента держит обвиняемого (и его защитника) в неведении относительно полной версии обвинения и не позволяет выстраивать линию защиты. До ознакомления с материалами уголовного дела защитник не всегда может оспорить предъявленное обвинение и ограничивается обычно заявлением ходатайств, которые следователь, как правило, отклоняет.

Следует признать, что в период предварительного расследования подозреваемый (обвиняемый), особенно если он заключен под стражу, находится всецело во власти органов, ведущих уголовный процесс. В таких условиях презумпция невиновности, провозглашенная в Конституции и УПК, по сути, «отдыхает». Органы расследования целенаправленно продвигают обвинительные тезисы и ищут тому подтверждение. Этому во многом содействует ограничение прав защитника, в том числе по собиранию и представлению доказательств.

Как отмечается в российской юридической науке, обвинительный уклон стал «хронической болезнью» предварительного следствия⁹.

В целях усиления гарантий законности и

обоснованности постановления о привлечении в качестве обвиняемого автор статьи считает целесообразным усилить контроль за предъявлением обвинения со стороны надзирающего прокурора, поручив ему санкционирование, при наличии к тому оснований, данного постановления.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве. Указанный институт был легализован на основании Закона Республики Беларусь от 5 января 2015 г.¹⁰ В УПК появилась новая глава 49-1 «Производство по уголовному делу в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве» (ст.ст. 468-5–468-12).

Согласно ст. 468-5 УПК, ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подается подозреваемым (обвиняемым) на имя прокурора. В нем он должен признать свою вину в совершении преступления, изобличить других соучастников преступления, взять обязательство возместить ущерб, причиненный преступлением. Он может также сообщить известные ему сведения о других преступлениях и лицах, их совершивших. Указанное ходатайство подписывается подозреваемым (обвиняемым), его защитником, а в случае, если подозреваемый (обвиняемый) является несовершеннолетним, — его законным представителем.

В случае соблюдения обвиняемым условий «сотрудничества» прокурор, поддерживающий государственное обвинение, может предложить суду снизить размер наказания, но не более чем наполовину от максимального срока наказания по соответствующей статье УК.

Указанное нововведение получило широкое распространение в следственной практике. Практически каждому подозреваемому (обвиняемому) предлагают сотрудничество со

⁹ Мирзоев Г.Б. О некоторых проблемах реализации принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2021. № 1. С. 6.

¹⁰ О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Закон Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 17.01.2015, 2/2239.

следствием. В ряде случаев такое предложение принимается. Это позволяет органам следствия легко и быстро собирать обвинительные доказательства, находить вещественные доказательства, компенсировать «убытки», причиненные преступными действиями. Особенно успешно этот институт применяется при расследовании преступлений, совершенных группой лиц.

В качестве примера можно привести уголовное дело, возбужденное в отношении экс-кандидата в президенты, бывшего председателя правления Белгазпромбанка Виктора Бабарико и группы его бывших подчиненных. Они обвинялись в получении (даче) взяток и выведении денежных средств за границу. В. Бабарико был признан организатором группы. Он был единственный, кто не признал свою вину. Остальные восемь обвиняемых заключили досудебное соглашение о сотрудничестве.

По итогам судебного разбирательства Виктор Бабарико был признан виновным по двум статьям УК и осужден к 14 годам лишения свободы. Суд также назначил ему взыскание в сумме 47,7 млн белорусских рублей (около \$18 млн в доход государства). Другие обвиняемые были приговорены к гораздо меньшим срокам лишения (ограничения) свободы¹¹.

По мнению автора, «внедрение» в уголовный процесс института досудебного соглашения о сотрудничестве вступает в противоречие с основными принципами уголовного процесса (ст.ст. 16-20 УПК), а также нормами морали. Органы предварительного расследования нередко допускают злоупотребление этим институтом, принуждая подозреваемого (обвиняемого) к «сотрудничеству».

Тенденциозное применение этого института, по сути, делает ненужным расследование и судебное разбирательство, отменяет право на помощь защитника и главное — умаляет честь и достоинство человека, который в целях облегчения своей участи вынужден оговаривать других

людей. В этой связи автор предлагает исключить данный институт из уголовного процесса, оставив возможность добровольного признания вины как смягчающее обстоятельство.

Институт специального производства. В соответствии с Законом от 20 июля 2022 г. № 199-З в УПК Республики Беларусь были внесены многочисленные изменения и дополнений, в том числе включена новая глава 49-3 «Специальное производство»¹².

Разъяснение термина «специальное производство» дается в пункте 38-1 ст. 6 УПК: «... производство по уголовному делу в отношении обвиняемого, который находится вне пределов Республики Беларусь и уклоняется от явки в орган, ведущий уголовный процесс».

В числе особенностей «специального производства» в главе 49-3 УПК можно выделить следующие особенности: 1) оно проводится на основании постановления следователя с согласия прокурора либо на основании постановления прокурора по уголовному делу при соблюдении ряда условий, предусмотренных ч. 2 ст. 468-25 УПК; 2) участие защитника обвиняемого является обязательным с момента вынесения (согласования прокурором) постановления о проведении специального производства; 3) информация о проведении специального производства в отношении обвиняемого, вызове обвиняемого в орган уголовного преследования размещается на официальном сайте органа уголовного преследования не позднее одного рабочего дня с даты принятия соответствующего решения (новое размещение информации производится после поступления уголовного дела в суд); 4) копии процессуальных документов, а также уведомления вручаются, затрагивающие его права и интересы, направляются защитнику обвиняемого; 5) судебное разбирательство уголовного дела проводится в соответствии с общими правилами с обязательным участием прокурора и защитника.

¹¹ Виктор Бабарико приговорен к 14 годам лишения свободы // URL: www.interfax.ru/world/776552 (дата обращения: 03.05.2023).

¹² Закон Республики Беларусь от 20 июля 2022 г. № 199-З «Об изменении Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 26.07.2022, 2/2919.

Как следует из норм главы 49-3 УПК, специальное производство может проводиться по 34 составам преступлений, в том числе: преступлениям против мира, безопасности человечества, военным преступлениям, преступлениям против общественной безопасности, преступлениям против государства, включая призывы к действиям, направленным в ущерб внешней безопасности Республики Беларусь. При этом должно соблюдаться условие о том, что указанные лица уклоняются от явки в органы уголовного преследования и суд, а иностранное государство отказывается выдать обвиняемого.

Закон вступил в силу с 27 июля 2022 г., а уже в ноябре 2022 г. в Минском городском суде было назначено разбирательство первого такого дела в отношении пяти «беглых» белорусов. Они обвинялись по ч. 3 ст. 130 УК («Разжигание расовой, национальной и религиозной вражды и розни») и ч. 3 ст. 203-1 УК («Незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных»).

Суть обвинения состояла в том, что группа администраторов телеграм-канала опубликовала персональные данные более 100 сотрудников правоохранительных органов, судей и государственных СМИ. Все фигуранты этого дела были осуждены на 12 лет лишения свободы.

Позднее «жертвами» применения специального производства стали известные оппозиционные политики: Павел Латушка, Светлана Тихановская, Ольга Ковалькова, Валерий Цепкало и др.

3 мая 2023 г. Минский областной суд огласил приговор в отношении основателей телеграм-канала NEXTA Степана Путилу, Яна Рудика и Романа Протасевича. Два первых из них находились за пределами Беларуси, и в отношении их проводилось «специальное производство». Роман Протасевич находился под домашним арестом в Минске. Обвиняемых признали виновными более чем по десяти статьям УК.

Суд приговорил Степану Путилу – к 20 годам лишения свободы, Яна Рудика – к 19 годам, Романа Протасевича – к 8 годам (с учетом того, что он заключил соглашение о сотрудничестве и, по словам прокурора, выполнил условия соглашения). Суд определил также рассмотреть иск прокурора на сумму 30 млн рублей в порядке искового производства¹³.

Оценивая институт специального производства, следует признать, что его применение нарушает основные права лиц, обвиняемых в совершении преступлений, закрепленные в Международном пакте о гражданских и политических правах, а также в УПК Республики Беларусь. Главные из них: быть судимым в его присутствии и защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника; допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос его свидетелей на тех же условиях, какие существуют для свидетелей, показывающих против него.

В порядке специального производства обращает на себя внимание обязательное участие защитника обвиняемого. Здесь возникает ряд вопросов: кто приглашает этого защитника, кого он представляет, кто оплачивает его услуги, почему этот защитник не желает общаться с обвиняемым? Весьма показательным является тот факт, что органы следствия и суд отказываются обеспечить участие обвиняемых через использование системы видеоконференцсвязи. Вызывают удивление факт предъявления множественности обвинений в отношении так называемых «беглых» и назначаемые судом сроки лишения свободы.

С учетом изложенного «специальное производство», предусмотренное главой 49-3 УПК Республики Беларусь, необходимо упразднить как незаконную и негодную форму уголовно-процессуальной деятельности.

¹³ Протасевича приговорили к 8 годам заключения // URL: <https://lenta.ru/news/2023/05/03/eightprot/> (дата обращения: 03.05.2023).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Мартинович, И.И. Почему нам нужен суд присяжных заседателей / И.И. Мартинович // Юстиция Беларуси. 2012. № 4. С.8-10.
2. Мирзоев Г.Б. О некоторых проблемах реализации принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2021. № 1. С.5-8.
3. Мирзоев Г.Б. Предложения по совершенствованию уголовно-процессуального институт задержания лица, подозреваемого в совершении преступления // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2022. № 3. С.5-8.
4. Мытник П.В., Алекперов Р.Р. Субъекты применения заключения под стражу в уголовном процессе Республики Беларусь // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2020. № 1. С.94-99.
5. Родевич Л.И., Гончаров В.А. Права, законные интересы и обязанности обвиняемого в досудебном производстве: анализ и решение проблем их законодательной регламентации // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2022. № 1. С.162-170.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Martinovich, I.I. Pochemu nam nuzhen sud prisyazhnyh zasedatelej / I.I. Martinovich // YUsticiya Belarusi. 2012. № 4. S. 8-10.
2. Mirzoev G.B. O nekotoryh problemah realizacii principa prezumpcii nevinovnosti v ugovnom sudoproizvodstve // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2021. № 1. S.5-8.
3. Mirzoev G.B. Predlozheniya po sovershenstvovaniyu ugovno-processual'nogo institut zaderzhaniya lica, podozrevaemogo v sovershenii prestupleniya // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2022. № 3. S. 5-8.
4. Mytnik P.V., Alekperov R.R. Sub'ekty primeneniya zaklyucheniya pod strazhu v ugovnom processe Respubliki Belarus' // Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'. 2020. № 1. S. 94-99.
5. Rodevich L.I., Goncharov V.A. Prava, zakonnye interesy i obyazannosti obvinyaemogo v dosudebnom proizvodstve: analiz i reshenie problem ih zakonodatel'noj reglamentacii // Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'. 2022. № 1. S. 162-170.

В.А. ЧУКРЕЕВ

Уголовно-правовое регулирование вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ)

АННОТАЦИЯ. Актуальность статьи обусловлена тем, что в настоящее время особую актуальность приобретают вопросы совершенствования института уголовно-правового противодействия противоправным действиям в сфере использования вспомогательных репродуктивных технологий. Основное внимание уделено правовым проблемам, непосредственно связанным с возможными ошибками и злоупотреблениями медицинских работников, оказывающих медицинскую помощь в рассматриваемой сфере. Решение задач данного исследования проходило с использованием метода компаративного анализа. Новизна исследования состоит в попытке выявить направления для совершенствования современного отечественного законодательства. В статье обосновывается целесообразность введения уголовно-правового запрета не только на коммерческие сделки с человеческими органами, но и на коммерческое использование репродуктивных материалов человека, в первую очередь женщин.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эксплуатация человека, уголовное право, репродуктивные технологии, физиологические свойства, совершенствование законодательства.

ЧУКРЕЕВ ВАДИМ АНДРЕЕВИЧ – кандидат юридических наук, заместитель прокурора Свердловской области, Прокуратура Свердловской области (email: chukreevva@mail.ru).

В настоящее время использование физиологических свойств человека, в частности его репродуктивных функций, становится фундаментом для появления новых сфер здравоохранения и вполне легального бизнеса. В этом ракурсе особое внимание следует уделить такому направлению оказания высокотехнологической медицинской помощи, как вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ), предназначением которых является лечение бесплодия. В соответствии со статьей 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» ВРТ представляют собой методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства).

Следует согласиться с А.В. Малешиной, что при-

менение вспомогательных репродуктивных технологий и проведение исследований с использованием эмбриональных стволовых клеток ... совершенствуются с каждым днем, и только от государственной воли зависит направление и конечная цель таких исследований – будут ли они служить во благо или приведут в итоге к совершению тяжких преступлений против человечества¹.

Несмотря на незначительный вклад программ ВРТ в демографические показатели страны, данному методу лечения бесплодия уделяется большое внимание как со стороны государства, так и общества. Об этом свидетельствует ряд принятых документов, в частности Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г., одной из задач которой является «обеспечение доступности и повышение качества медицинской помощи по восстановлению репродуктивного здоровья, в том числе вспомогательных репродуктивных технологий...»².

1. Малешина А.В. Преступления против жизни в странах общего права. М.: Статут, 2017.

2. Указ Президента РФ от 09.10.2007 №1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // URL: www.consultant.ru (дата обращения: 20.12.2022).

В рамках ВРТ выделяют несколько самостоятельных направлений оказания медицинской помощи, особый интерес среди которых в ракурсе криминальных рисков представляют суррогатное материнство и донорство биологических материалов человека.

Вспомогательные репродуктивные технологии, помимо суррогатного материнства, включают целый спектр вариантов оказания медицинской помощи, связанный, в первую очередь, с применением методов экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), основанном как на донорстве биологического материала, так и с использованием материалов самого пациента.

В Российской Федерации использование донорских программ регламентируется ст.55 №323-ФЗ (27)³ и Приказом Минздрава РФ от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (далее – Порядок № 803н)⁴. Быть донорами половых клеток могут быть граждане в возрасте от 18 до 35 лет, физически и психически здоровые, прошедшие медико-генетическое обследование. Донорские эмбрионы могут быть получены из донорских ооцитов и спермы, а также эмбрионы, оставшиеся после проведения ЭКО пациентам при условии их обоюдного письменного согласия. Согласно Порядку № 803н избыточные эмбрионы могут быть криоконсервированы для последующего переноса, донированы или утилизированы. Использование эмбрионов в научных целях не регламентировано в российском законодательстве и обычно решается путем утверждения этическими комитетами медицинских организаций, осуществляющих подобные виды исследований. Использование половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов человека для промышленных целей запрещено. Показаниями для

использования донорских эмбрионов является отсутствие у партнеров собственных половых клеток, высокий риск наследственных заболеваний и неоднократное получение эмбрионов низкого качества, перенос которых не приводит к наступлению беременности. Обязательным является подписание донорами добровольного информированного согласия, включающего отказ от прав на эмбрионы и детей, которые могут быть рождены при переносе данных эмбрионов.

Как отмечалось выше, в процессе применения репродуктивных технологий используется как донорский биологический материал, так и биологический материал самих пациентов. В связи с этим могут возникнуть, и, как показывает практика, возникают серьезные правовые проблемы, непосредственно связанные с возможными ошибками и злоупотреблениями медицинских работников, оказывающих медицинскую помощь в рассматриваемой сфере.

В средствах массовой информации время от времени появляются сообщения, касающиеся того, что для проведения процедуры ЭКО использовались чужие репродуктивные материалы⁵. С подобными ситуациями пациенты встречаются, когда: а) происходит ошибка врача-эмбриолога, выдающего чужой биологический материал непосредственно перед подсадкой его в организм пациента, б) врач за вознаграждение, полученное от пациента, передает ему чужой генетический материал, в) врач использует свои репродуктивные материалы вместо биологических материалов пациента.

Рассмотрим, насколько возможно применение уголовного закона в подобных ситуациях.

Так, в США и Нидерландах, врачи-репродуктологи на протяжении ряда лет использовали свой биологический материал (сперму) при проведении ЭКО, причем подобные действия совершались как в ситуации, когда речь шла о применении донор-

3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 №323-ФЗ ст.56 // URL: www.consultant.ru (дата обращения: 12.02.2022).

4. О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению: Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н // URL: www.consultant.ru (дата обращения: 12.02.2022).

5. <https://www.bbc.com/russian/news> (дата обращения: 2.03.2022); <https://www.gazeta.ru/social/2020/10/07/> (дата обращения: 2.03.2022); <https://ngs.ru/text/health/2021/07/24/> (дата обращения: 12.03.2022).

ского материала, так и в случаях, когда супружеская пара предоставляла свои биологические материалы.

В российской медицинской практике информация о подобных ситуациях в СМИ не попадала, хотя полностью исключить подобное вряд ли возможно. Как с позиции права следует оценивать действия медицинского работника, злоупотребившего доверием пациента и нарушившего условия договора.

Если по условиям договора, заключенного между будущими родителями и медицинской организацией, для проведения ЭКО использовался донорский материал анонимного донора, поведение врача, безусловно, нарушает этические нормы и правила, сложившиеся в клинической практике. В то же время, помимо этических нарушений, в определенных ситуациях такое поведение содержит признаки деяния, запрещенного уголовным законом. В соответствии с приказом Минздрава России от 31.07.2020 №803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению», доноры биологического материала проходят серьезное медико-генетическое обследование, которое позволяет определить наличие или отсутствие противопоказаний. Если медицинский работник, выступающий в качестве донора биологического материала, не прошел соответствующего обследования, обязательного для каждого донора, возникает вопрос о безопасности оказанной медицинской услуги.

В соответствии с позицией Верховного Суда РФ, отраженной в постановлении Пленума от 28.06.2012 г. №17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», на отношения по оказанию медицинских услуг распространяются положения законодательства о защите прав потребителей, поскольку понятия медицинская помощь и медицинские услуги рассматриваются как синонимичные.

Согласно законодательству об основах здоровья граждан, одним из основных принципов оказания медицинской помощи и медицинских услуг является приоритет интересов пациентов. Это проявляется, в том числе, в соблюдении моральных и

этических норм медицинскими работниками, а также в предоставлении качественной медицинской помощи, что обеспечивается применением порядков оказания медицинской помощи, клинических рекомендаций и стандартов оказания медицинской помощи, отступление от которых в процессе оказания плановой медицинской помощи недопустимо.

Врач в рассматриваемой ситуации нарушает не только Приказ 803н, но и клинические рекомендации по вспомогательным репродуктивным технологиям, разработанные профессиональным сообществом врачей-акушеров и утвержденные Минздравом РФ. Игнорирование медицинским работником базовых документов, обеспечивающих качество и безопасность отдельных видов медицинских вмешательств, создает угрозу для здоровья неопределенного числа пациентов, которые в силу необходимости вынуждены обращаться за соответствующей помощью к конкретному врачу, и вполне может рассматриваться как оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности. Если выступающий в роли донора врач-репродуктолог является носителем наследственного генетического заболевания, совершаемые им действия создают опасность распространения генетических патологий, что безусловно следует оценивать как оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, и квалифицируется по ст.238 УК РФ.

В тех случаях, когда умышленно использовались репродуктивные материалы донора вместо репродуктивных материалов одного из родителей, правовая оценка поведения медицинского работника, помимо решения вопроса о наличии или отсутствии признаков ст.238 УК РФ, зависит от нескольких факторов.

Во-первых, при оказании платных медицинских услуг подобные умышленные нарушения условий договора могут содержать (помимо серьезного морального вреда, который не оценивается положениями уголовного закона) признаки посягательства на собственность – мошенничества, поскольку лицо оплатило производство ЭКО со своим биологическим материалом, а не с биологическим материалом донора, не давало согласия на измене-

ния важнейших положений договора, и, наконец, в результате сложного и тяжелого медицинского вмешательства надеялось стать родителем своего, генетически связанного с ним, ребенка.

Во-вторых, в тех ситуациях, когда один из родителей ребенка подкупает врача-репродуктолога с целью внести изменения в определенный договором алгоритм проведения медицинского вмешательства и использовать вместо биологического материала супруга донорский биологический материал, помимо посягательства на собственность, связанного с обманом одного из участников процедуры ЭКО, можно поставить вопрос и о коммерческом подкупе, если местом правонарушения является частная медицинская организация, или о получении взятки, если деяние имело место в государственной медицинской клинике.

Основной вопрос правовой оценки подобных действий связан с определением объема возложенных на лицо обязанностей. В случае выполнения врачом-репродуктологом организационно-распорядительных функций, связанных с организацией лечебного процесса, его можно признать либо лицом, выполняющим управленческие функции, если субъект осуществляет свою деятельность в коммерческой негосударственной организации, либо должностным лицом, если лицо работает в государственной клинике, и, соответственно квалифицировать его действия как подкуп по ч. 5 или ч. 6 ст. 204 УК РФ, либо как получение взятки по ч. 3 ст. 290 УК РФ.

Проведенный анализ должностных обязанностей врача-репродуктолога как частных, так и государственных клиник позволяет утверждать, что помимо выполнения профессиональных обязанностей медицинского работника, связанных с проведением самого медицинского вмешательства в рамках, определенных соответствующими клиническими рекомендациями, на этого специалиста возложены обязанности по организации лечебного процесса и деятельности среднего медицинского персонала, а также обеспечению взаимодействия со смежными подразделениями, в частности, с лабораторией.

Следует отметить, что все-таки значительно чаще нарушения медицинских работников в сфе-

ре применения вспомогательных репродуктивных технологий совершаются неосторожно. В силу невнимательности медицинских работников происходят ошибки в применении репродуктивного материала, материал пациентов по невнимательности или небрежности заменяется на донорский материал. В таких случаях нередко применяется термин врачебная ошибка, однако с такой оценкой рассматриваемой ситуации вряд ли можно согласиться.

В рассматриваемых ситуациях врачебная ошибка отсутствует, поскольку имеет место полно проведенное обследование, правильно поставленный диагноз, качественное плановое лечение бесплодия с применением вспомогательных репродуктивных технологий, которое, по медицинским параметрам, завершилось успешно, у пациентов родился ребенок. Проблема заключается лишь в том, что этот ребенок генетически не связан с пациентами, а на вопрос о месте нахождения родного ребенка пациенты ответа получить без длительных разбирательств не могут. Такие действия медицинских работников причиняют пострадавшей стороне значительный моральный ущерб, который сложно определить в денежном эквиваленте, поскольку пациенты утрачивают возможность воспитывать своих детей, связанных с ними генетически, а родные дети пациентов лишаются возможности проживать со своими родителями в своей семье.

Сравнительный анализ данных о преступлениях против жизни и здоровья, совершаемых при оказании медицинских услуг, и результатов проведенных в ходе исследования опросов граждан, сотрудников правоохранительных органов позволил Н.В. Кручининой утверждать, что существует высокий уровень латентности этой категории преступлений.

Следует согласиться с В.В. Богдан и М.Н. Урда, что, легализовав весьма спорную с точки зрения норм морали и нравственности вспомогательную репродуктивную технологию, российский законодатель на протяжении более чем 25 лет занимает пассивную позицию, ограничиваясь скромным набором регулирующих норм.

Как известно, наша страна ратифицировала

Конвенцию против торговли человеческими органами 2015 года, и, хотя в уголовное законодательство пока не внесены коррективы, соответствующие изменения представляются весьма реальными в силу актуальности этой проблематики. Торговля органами человека относится к одному из вариантов торговли людьми и не просто осуждается обществом, но и запрещается под угрозой уголовного преследования всеми государствами. Вместе с

тем, торговля человеческими органами и торговля репродуктивными материалами человека явления однопорядковые, поскольку речь идет о донорском биологическом материале. Поэтому представляется целесообразным ввести уголовно-правовой запрет не только на коммерческие сделки с человеческими органами, но и на коммерческое использование репродуктивных материалов человека, в первую очередь, женщин.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Малешина А.В. Преступления против жизни в странах общего права. М.: Статут, 2017. 480 с.
2. Кручинина Н.В. Юридическая ответственность за злоупотребления и преступления в сфере искусственной репродукции человека // *Lex russica*. 2019. № 6. С. 48-52.
3. Богдан В.В., Урда М.Н. Суррогатное материнство & торговля людьми: межотраслевой конфликт // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2022. № 4. С. 628-657.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Maleshina A.V. Prestuplenija protiv zhizni v stranah obshhego prava. M.: Statut, 2017. 480 s.
2. Kruchinina N.V. Juridicheskaja otvetstvennost' za zloupotreblenija i prestuplenija v sfere iskusstvennoj reprodukcii cheloveka // *Lex russica*. 2019. № 6. S. 48-52.
3. Bogdan V.V., Urda M.N. Surrogatnoe materinstvo & torgovlja ljud'mi: mezhotraslevoj konflikt // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki*. 2022. № 4. S. 628-657.

С.Е. КАСЬЯНОВ

О реальном и идеальном аспектах справедливости в уголовном праве

АННОТАЦИЯ. В представленной статье рассматриваются взгляды на роль справедливости в уголовном праве, в связи с чем анализу подвергаются некоторые доктринальные позиции. Отдельно обращается внимание на определение справедливости как субъективной категории, и в этом качестве эта позиция подвергается критике. Обосновывается мысль о промежуточной сущности справедливости в праве (в частности, в уголовном праве), в котором она выполняет идеальную функцию на уровне цели, должного порядка вещей и практическую (на уровне реального правопорядка). Таким образом, в справедливости совмещаются идеальное и реальное начала. При этом реальность, по мысли автора статьи, обеспечивается за счет взгляда на реальные общественные отношения и социальные ценности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: уголовное право, справедливость, преступление, принцип, идея, общество, правопорядок.

КАСЬЯНОВ СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ – аспирант кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: Advokat.SKasyanov@gmail.com).

Справедливость является одной из базовых категорий, имеющей общесоциальное содержание. Нигде как в общественной среде справедливость формируется, утверждается, за нее происходит борьба, к ней всеми законными способами стремится как непреходящему благу, от которого зависит как собственно стабильность самого социума, так и отдельных его членов. В чем же выражается столь притягательное в своем ценностном выражении содержание справедливости? Этот вопрос занимал многие научные умы не одно столетие. Чаще всего справедливость наделяли свойством нравственности, быть чем-то, что быть должно при любых условиях. Известно латинское выражение: *Fiat iustitia, et pereat mundus* (с лат. «Да свершится справедливость, даже если мир погибнет»). То есть справедливость есть нечто, что существует помимо практической деятельности людей, которая всегда вызывает конфликты и стремление восстановить подорванное равновесие. Справедливость есть естественная потребность, которая не зависит от воли и сознания, она существует как идея, доступная человеческому разуму, в чем состоит одновременно и его несчастье, и его благо. Несчастье, потому что справедливость невозможна без несправедливого, а благо, потому что на несправедливости общество не может быть институализировано. Поэтому идея справедливости как право (*iustitia*), хотя и не зависит от воли и сознания

человека, но всегда присутствует, по мысли автора, в его поведении как стремящегося к достижению социального блага.

Уже из изложенного можно понять, что справедливость становится, с одной стороны, категорией неподвластной времени, этической максимой стремления к совершенству, правовому состоянию, а с другой стороны, она зависит от человека, от его поведения, его целей и ценностей. В этом заключается парадокс справедливости: представление о ней как о должном и ее необходимости упирается в некие пределы – человеческую практику, из которой зачастую следует вывод о невозможности ее целостного идейного воплощения.

Значит, справедливость находит ценность в стремлении каждого человека к ее воплощению как стремления к чему-то что будет правильно, но эта цель заведомо проблематична как в части средств достижения справедливости, так и в части понимания того, что она собой представляет в действительности (не всякая цель является правильно понятой целью и не всякая справедливость является правильно истолкованной справедливостью).

Но в конечном счете любая практика индивидуализирована (действует всегда индивид, а не общество), и поэтому представление о справедливости, хотя и имеет общественное измерение, но формируется всегда в условиях отдельного сознания. В связи

с этим одной из значимых проблем для понятия справедливости является проблема справедливости общественных отношений, формируемых на основе справедливости, отношений, складывающихся между отдельными индивидами, в результате чего образуется проблема взаимоотношений человека и общества. Справедливость не может ограничиваться исключительно общественным значением, поскольку впечатление от ее нарушения или отсутствия — это всегда интеллектуальное суждение на уровне суждений конкретных индивидов, которые констатируют нарушение справедливости. Отсюда видна роль права и уголовного права, в частности, для которого справедливость представляет собой исходное начало, поскольку именно на правовых началах формируется общество. Если некто совершает противоправное деяние, буквально — несправедливое, последует ожидаемая реакция общества на эту несправедливость в различных формах: моральной или юридической.

С этой точки зрения несправедливость есть следствие поступка, которое требует правового воздействия (в т.ч. наказания). Поэтому проблема справедливости становится куда более широкой. Кроме собственно социальной роли справедливости, необходимо определиться с тем, какие поступки являются несправедливыми в узком значении — в значении уголовного права. В этом заключается роль определения справедливости криминализации/декриминализации. Следует также понять, какое наказание должно последовать за несправедливое поведение (преступление). Тем самым из общесоциального значения справедливости следуют более частные вопросы: справедливости уголовного закона (конкретных уголовных запретов), в том числе в силу конкуренции с другими отраслями права (в первую очередь, административно-деликтным), справедливости уголовного наказания (его вида и размера), освобождения от уголовной ответствен-

ности и наказания и как следствие — справедливость принятия конкретных правоприменительных решений по делу.

Так, в первом случае — в вопросе о справедливости уголовного закона — в науке высказана мысль, что ее (справедливости) воплощение обусловлено соблюдением требований криминологической, социальной и этической обоснованности. Перегибы (как большую, так и в меньшую стороны) при криминализации недопустимы. Деяния должны объявляться преступными только в силу социальной необходимости, а назначаться наказание только в той мере, в которой оно соответствует характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного¹. Если законодатель неправильно определит санкцию, это может повлечь применение необоснованных мер воздействия к правонарушителю, и, как следствие, невыполнение целей наказания².

Однако, если ближе рассмотреть все воплощающие справедливость критерии, которые, как правило, в литературе сформулированы сквозь призму должного (законодатель должен, закон должен, правоприменитель должен и т.д.), то окажется, что их авторы в основном высказываются на уровне мировоззренческой установки, которая, по их представлению, должна иметь место в действительности. Например, право должно совершенствоваться во имя справедливости путем возвышения нравственных устремлений общества, минимизации нигилизма и т. д.³; процесс правотворчества должен преломляться сквозь призму идей уголовно-правовой политики. «Криминализация деяния будет оправдана только в том случае, если законодатель придет к обоснованному выводу о справедливости и целесообразности установления уголовно-правового запрета. В идеале все, что законно, должно быть справедливо»⁴. «Правоприменитель должен выбирать такие уголовно-правовые средства воздействия на преступника и

1. Мамедова Ф.Ф. Справедливость в уголовном праве: современное состояние вопроса // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 159.

2. Мамедова Ф.Ф. Указ. соч. С. 160.

3. См.: Городнова О.Н. Идея справедливости как критерий оценки и совершенствования уголовного законодательства: теоретический и прикладной аспекты / под ред. докт. юрид. наук, доц. В.В. Сверчкова. М., 2015. С. 38-39.

4. Арендаренко А.В. Принцип социальной справедливости в уголовном праве Российской Федерации. Теоретико-правовые аспекты. М., 2009. С. 167.

в таком объеме, чтобы с наименьшими затратами и наибольшей эффективностью достичь целей, стоящих перед уголовным наказанием»⁵.

С.А. Галактионов помимо этической стороны справедливости, обращает внимание на ее прагматическую сторону: справедливость в правотворческой деятельности, пишет он, означает отнесение к числу преступных деяний только тех, с которыми эффективно можно бороться только уголовно-правовыми средствами⁶. При этом право любой страны должно ориентироваться на представление о справедливости, способствовать утверждению справедливости⁷.

Представляется, что любые суждения, не выходящие из сферы должного, представляют собой не более чем рекомендации. Но сами критерии справедливости не указываются. В сущности, справедливость сводится к достижению некоего социального баланса, в рамках которого уголовный закон встраивается в общую систему права, гармонично сочетается с реальными общественными отношениями и другими отраслевыми механизмами, предусматривающими юридическую ответственность. Для определения же сущности справедливости требуется не просто пожелание, а следует предложить способ ее описания с тем, чтобы справедливость была закреплена в качестве реального действующего принципа, имеющего некие критерии. Так, если считать, что справедливость основывается на эффективности действующего уголовного законодательства как регулятора общественных отношений, то в этом качестве справедливость вполне можно заменить целесообразностью: если уголовный закон справляется с задачами, стоящими перед ним, то в целом его следует считать оправданным. Но будет ли закон справедливым в этом случае? Представляется, что справедливость состоит не в эффективности закона, а в эффекте действия самого чувства справедливости, которое носит социальный характер. То есть справедливость больше следует рассматривать инту-

три человека, который, действуя в обществе, измеряет качество и результаты своего действия с параметрами социального одобрения или порицания. Есть в этом определенное единство между усмотрением справедливости со стороны отдельного сознания и со стороны законодателя. Можно назвать это чувство правосознанием, когда оно выступает как единая схема реакции на нарушение правовых ценностей. Но взятое в отдельном качестве это чувство становится субъективным или релятивным. То есть это справедливость общества или справедливость, как она представляется отдельному индивиду. В этом смысле нельзя согласиться с авторами, утверждающими, что справедливость носит субъективный характер и является философской (умозрительной) категорией. Обратимся к статье Ф.Ф. Мамедовой. Она пишет, что «справедливость выступает скорее философской, а не правовой категорией»⁸. Видится, что в этом смысле справедливости отказывают в ее реальности, но вместе с тем она участвует в формировании уголовной политики, правоприменительной практики и определяется критериями, объективирующими ее (например, криминологическая обоснованность). Конечно, справедливость может быть объектом философской рефлексии, как и право вообще, однако, собственно, она не является философской категорией, поскольку в самом термине воплощено соотношение индивидуальных интересов каждого как членов общества, т.е. само право. Это именно та реальность, в которой каждый как член общества находится и в которой он действует (порождая или нарушая своим поведением справедливость). Ничто так не возмущает, писал Кант, чем несправедливость; все другие виды зла, которые нам приходится терпеть, ничто по сравнению с ней⁹.

Таким образом, если справедливость оказывает влияние на уголовную политику и практику, она не может быть просто объектом умозрения, она есть нечто реальное и согласующееся с общими

5. Арндаренко А.В. Указ. соч. С. 212.

6. Галактионов С.А. Принцип справедливости в уголовном праве России. Самара, 2006. С. 84.

7. Галактионов С.А. Указ. соч. С. 4.

8. Мамедова Ф.Ф. Указ. соч. С. 158.

9. Кирсанова О.В. Справедливость и право в этических взглядах И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля // Вестник Чувашского государственного университета. 2011. № 4. С. 137.

представлениями о должном, на уровне которого мыслят авторы, представленные своими взглядами выше. Но вместе с тем, справедливость не может проявлять себя как нечто внешнее, и потому строгих критериев она иметь не может. Представляется, что справедливость есть необходимая идея (справедливость воплощена конститутивно в идеальном измерении должного). Можно считать это естественным правом, которое дает необходимый стимул к ее реальному воплощению (практический уровень реализации идеи справедливости). Поэтому, на наш взгляд, ближе к истине Ю.И. Бытко. Он пишет, что справедливость – это идеал, представление о том, каким должно быть право. «Справедливость – это путеводная звезда, это вектор движения и предел, достичь которого должно стремиться право, памятуя при этом, что этот предел недостижим принципиально»¹⁰. Поэтому в реальном мире, справедливости не то чтобы нет, она есть как необходимое правовое и этическое чувство того, что должно быть. При этом примечательны слова Ю.И. Бытко о том, что необходимо придавать праву свойство фикции,

чтобы не утратить представления о добре и зле, о справедливом и несправедливом¹¹.

Из того, что должно быть, не вытекает то, что есть на самом деле. Но при этом должное как идеал есть, в нашем представлении, настолько, насколько в нашем представлении есть понимание несправедливости. Право неотделимо от понятия справедливости, поскольку право – это есть воплощенная в идеале справедливость, при которой каждый согласует свои действия с общественными ценностями и собственными интересами. Если бы справедливость имела лишь умозрительный аспект, была выдумкой или плодом воображения философствующего разума, о ней можно было бы думать в категориях любых ценностных приоритетов, в том числе эгоистических. Но суть в том, что в справедливости заключается контекстуальная необходимость думать о ней как о реальной действительности, имеющей отношение к реальным ценностным общественным установкам. Насколько действительны общественные ценности, настолько и реальна справедливость уголовного права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арендаренко А.В. Принцип социальной справедливости в уголовном праве Российской Федерации. Теоретико-правовые аспекты. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. 359 с.
2. Бытко Ю.И. Справедливость и уголовная политика. М.: Юрлитинформ, 2017. 216 с.
3. Галактионов С.А. Принцип справедливости в уголовном праве России. Самара: Изд-во МГПУ, 2006. 152 с.
4. Городнова О.Н. Идея справедливости как критерий оценки и совершенствования уголовного законодательства: теоретический и прикладной аспекты / под ред. докт. юрид. наук, доц. В.В. Сверчкова. М.: Юрлитинформ, 2015. 184 с.
5. Кирсанова О.В. Справедливость и право в этических взглядах И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля // Вестник Чувашского государственного университета. 2011. № 4. С. 137-142.
6. Мамедова Ф.Ф. Справедливость в уголовном праве: современное состояние вопроса // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 149-169.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Arendarenko A.V. Princip social'noj spravedlivosti v ugovnomn prave Rossijskoj Federacii. Teoretiko-pravovye aspekty. M.: YUNITI-DANA: Zakon i pravo, 2009. 359 s.
2. Bytko YU.I. Spravedlivost' i ugovnaya politika. M.: YUrlitinform, 2017. 216 s.
3. Galaktionov S.A. Princip spravedlivosti v ugovnomn prave Rossii. Samara: Izd-vo MGPU, 2006. 152 s.
4. Gorodnova O.N. Ideya spravedlivosti kak kriterij ocenki i sovershenstvovaniya ugovnogo zakonodatel'stva: teoreticheskij i prikladnoj aspekty / pod red. dokt. jurid. nauk, doc. V.V. Sverchkova. M.: YUrlitinform, 2015. 184 s.
5. Kirsanova O.V. Spravedlivost' i pravo v eticheskikh vzglyadah I. Kanta i G.V.F. Gegelya // Vestnik CHuvashskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 4. S. 137-142.
6. Mamedova F.F. Spravedlivost' v ugovnomn prave: sovremennoe sostoyanie voprosa // Pravo. ZHurnal Vysšej shkoly ekonomiki. 2020. № 1. S. 149-169.

¹⁰ Бытко Ю.И. Справедливость и уголовная политика. М., 2017. С. 83.

¹¹ Бытко Ю.И. Указ.соч. С. 85.

Л.В. КИРЬЯНОВА

Доктрина защиты персональных данных

АННОТАЦИЯ. Развитие информационных технологий и цифровизация всех сфер жизни, с одной стороны, способствует расширению возможностей, экономической активности граждан, создает условия для более широкой реализации их прав, а с другой стороны, делает человека уязвимым из-за угрозы распространения персональных данных. Рассмотрим, на чем основывается правовая защита таких данных в России, какие меры сегодня предпринимаются для предотвращения несанкционированного доступа к личной информации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: персональные данные, защита персональных данных, информационная безопасность, концепция, доктрина, права личности, информационная безопасность.

КИРЬЯНОВА ЛЮДМИЛА ВИКТОРОВНА – аспирантка кафедры гражданского права и процесса Академии труда и социальных отношений (e-mail: Lven99@mail.ru).

На государственном уровне очевидно стремление к информатизации всех жизненно важных процессов. В Государственной программе «Информационное общество»¹ закреплено, что уровень цифровой зрелости ключевых отраслей экономики и социальной сферы к 2030 году должен достичь 100 процентов. Выступая на брифинге «Цифровая трансформация российской экономики в новых условиях» 19 января 2023 года, заместитель председателя Правительства РФ Дмитрий Чернышенко констатировал, что сейчас уровень цифровой зрелости достиг 65,8%. При этом доля массовых социально значимых услуг, оказываемых в электронном виде, – почти 100%; доля домохозяйств, которые обеспечены возможностью широкополосного доступа, – 86,1 %. Эти показатели говорят о том, что нашей цифровой экономике удалось адаптироваться к новым условиям и эффективно выстроить совместную работу и государства, и бизнеса². И чем успешнее процесс цифровизации, тем актуальнее вопрос безопасности персональных данных. Сама по себе информатизация – это не просто дань моде, государство с помощью цифровизации планирует добиться конкретных результатов по развитию экономики, сделать для населения доступнее многие

услуги, повысить эффективность административных ресурсов. Так, в Стратегии информационного общества в Российской Федерации³ указано, что она призвана обеспечивать следующие национальные интересы:

- а) развитие человеческого потенциала;
- б) безопасность граждан и государства;
- в) повышение роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве;
- г) развитие свободного, устойчивого и безопасного взаимодействия граждан и организаций, органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления;
- д) повышение эффективности государственного управления, развитие экономики и социальной сферы.

Типы, количество и ценность собираемых персональных данных разнообразны: цифровые профили и демографические данные, разноплановые сведения от банковских счетов до медицинских записей и данных о занятости, веб-поиски и посещение сайтов, истории покупок и посещений виртуальных и реальных мест и платформ, а также твиты, тексты, электронные письма, телефонные звонки, фотографии и видео, координаты наших реальных

1. Утверждена Постановлением Правительства РФ № 313 от 15 апреля 2014 г.

2. Трансляция брифинга по ссылке <https://yandex.ru/video/preview/11371144547620551987>, выступление Д. Чернышенко.

3. Утверждена Указом Президента РФ № 203от 09.05.2017 г.

местоположений — все эти данные собираются заинтересованными компаниями или учреждениями и используются для формирования и продвижения индивидуальных бизнес-моделей предоставления услуг, рекламных кампаний, выявления предпочтений в обычной жизни или политической активности.

К персональным данным также относятся: изображение человека (фотография и видеозапись, в том числе биометрические персональные данные — цветное цифровое фотографическое изображение гражданина и изображение папиллярных узоров пальцев рук)⁴, а также данные об образовании, квалификации, профессиональной подготовке, сведения о месте жительства, семейном положении и родственных связях, о фактах биографии и предыдущей трудовой деятельности, финансовом положении (сведения о заработной плате)⁵, а также о деловых и иных личных качествах, которые носят оценочный характер, прочие сведения, которые могут идентифицировать человека. Биометрическими персональными данными являются сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность, включая дактилоскопические данные, радужную оболочку глаз, анализы ДНК, рост, вес и др., а также иные физиологические или биологические характеристики человека, в том числе изображение человека (фотография и видеозапись), которые позволяют установить его личность и используются оператором для установления личности субъекта⁶.

Безусловно, путь к электронной и цифровой модели правоотношений невозможен без обеспечения информационной безопасности.

Так, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации⁷ закрепляет первоочередной характер защиты прав и интересов личности, в том числе и право граждан на защиту персональных данных от нарушений и незаконного использования. Но одно дело доктринальные установки и концепции, и совсем другое дело — жизнь. А она в последнее время изобилует примерами того, что законодательство, несмотря на обширный массив нормативных актов в этой сфере, не способно адекватно реагировать на современные угрозы и отразить их. Многочисленные утечки персональных данных тому подтверждение.

По данным Роскомнадзора, в 2022 году было проведено 78 внеплановых проверок. В 87 процентах случаев факты незаконного распространения личной информации были подтверждены. Составлено и направлено в суд 66 протоколов об административных правонарушениях. По результатам рассмотрения материалов суды назначили штрафы на общую сумму около 1 миллиона рублей, а также вынесли 9 предупреждений.

В 2023 году Роскомнадзор начал уже более 25 проверок по признакам утечек персональных данных, происшедших в 4 квартале 2022 года. К экспертам Центра правовой помощи гражданам в цифровой среде — создан по инициативе Роскомнадзора — в прошлом году обратились почти 1,7 тыс. заявителей.

Некоторые специалисты совершенно справедливо отмечают, что персональные данные стали новой «нефтью» — ценным ресурсом XXI в., новым типом ценных активов, затрагивающим все аспекты жизни общества. Однако многочисленные утечки снизили стоимость персональных данных почти в два раза⁸.

4. Постановление Правительства РФ от 4 марта 2010 г. № 125 (ред. от 10.02.2014) // URL: www.consultant.ru.

5. Письмо Роскомнадзора от 7 февраля 2014 г. № 08КМ-3681 // URL: www.consultant.ru.

6. Разъяснения Роскомнадзора «О вопросах отнесения фото- и видеозображения, дактилоскопических данных и иной информации к биометрическим персональным данным и особенности их обработки» // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2013. № 36.

7. Утверждена Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646.

8. Исакова Т. Нарисуй своего клиента // Коммерсантъ. 2022. 27 декабря. № 241. С. 9.

Председатель комитета Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации по информационной политике, информационным технологиям и связи, Александр Хинштейн, выступая на брифинге «Цифровая трансформация российской экономики в новых условиях», признал, что у цифровизации есть оборотная сторона — риски для пользователей — речь идет об утечках персональных данных.

Периодические внесения изменений в действующее законодательство о персональных данных свидетельствуют о том, что законодатель стремится к созданию правовой базы, соответствующей уровню той опасности, которую создала цифровая эпоха. Совсем недавно — 1 марта, вступили в силу очередные изменения в Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». Теперь операторы обязаны уведомлять Роскомнадзор и о трансграничной передаче персональных данных. Если речь идет о странах с адекватным уровнем их защиты, достаточно самого факта уведомления. Список таких государств уже сформирован Роскомнадзором и включает 89 государств. Александр Хинштейн в своем телеграмм-канале сообщил, что введение этой нормы специально откладывалось, чтобы у операторов была возможность подготовиться к нововведению и заранее проинформировать Роскомнадзор об уже осуществляемой трансграничной передаче данных. По его словам, такие уведомления уже подали 1250 операторов. В их числе — ведущие маркетплейсы, операторы связи, банки, страховые и авиакомпании. На фоне непрекращающихся утечек персональных данных государство должно иметь возможность контролировать их передачу за границу.

В июле прошлого года также были приняты

некоторые поправки в Закон о персональных данных.

Согласно этим новеллам:

1. Операторы обязаны информировать Роскомнадзор об инцидентах с базами персональных данных. Уведомить об утечке необходимо в течение 24 часов, для предоставления результатов расследования немного больше времени — 72 часа.

2. Операторы обязаны обеспечивать взаимодействие с государственной системой обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы РФ. Это взаимодействие может быть реализовано даже посредством электронной почты.

3. Операторы теперь не смогут отказать гражданам в обслуживании — даже если они не хотят предоставить свои персональные данные (в том числе биометрические), когда такое предоставление не является обязательным!

4. Персональные данные, содержащиеся в Едином государственном реестре недвижимости, могут быть предоставлены третьим лицам только с согласия физического лица — субъекта таких данных. До этого эти данные были общедоступны.

В настоящее время за утечку персональных данных назначаются административные штрафы, как правило, по ч. 1 ст. 13.11 КоАП РФ. Размер штрафа для организаций составляет от 60 тысяч до 100 тысяч рублей вне зависимости от количества граждан, чьи персональные данные попали в открытый доступ.

Зачастую заплатить штраф обходится дешевле, чем приобретение, внедрение и обслуживание технических средств защиты⁹. Примечательно, что 24 декабря 2021 года впервые был применен оборотный штраф в отношении ИТ-компаний¹⁰. Тогда компании

⁹ Горобцова М. Предложено наказывать оборотными штрафами компании, допускающие утечку персональных данных // URL: <https://www.garant.ru/news/1603061/?ysclid=lex681u6wr678152628>.

¹⁰ Постановление мирового судьи судебного участка № 422 о назначении административного наказания от 24 июля 2021 // URL: [https://www.garant.ru/files/5/6/1546065/delo-05-3220_422_2021postanovlenie-o-naznachenii-administrativnogo-nakazaniyadokument---obezlichennaya-kopiya\(1\).pdf](https://www.garant.ru/files/5/6/1546065/delo-05-3220_422_2021postanovlenie-o-naznachenii-administrativnogo-nakazaniyadokument---obezlichennaya-kopiya(1).pdf).

Google LLC было назначено административное наказание за неоднократное нарушение порядка ограничения доступа к информации по требованию Роскомнадзора в соответствии с ч. 5 ст. 13.41 КоАП РФ. Судья назначил наказание в виде административного штрафа в размере 1/20 совокупного дохода Google LLC и его аффилированных лиц, полученного от реализации всех товаров, работ и услуг за год.

Как видим, несмотря на принимаемые административные и законодательные меры, проблем в сфере защиты персональных данных множество. При изучении мнений специалистов в области кибербезопасности о причинах постоянных утечек и неэффективности правовых методов защиты персональных данных, обнаружилась интересная и неожиданная для юриста версия. Один из специалистов полагает, что одна из проблем — кадры. Эксперт

изучил кадровые потребности некоторых компаний, пострадавших от утечек персональных данных, и пришел к выводу, что кадровая политика компаний, допустивших утечки, может быть одной из причин невозможности обеспечить безопасность данных¹¹.

К сожалению, некоторые компании обходятся без специалистов по информационной безопасности либо они рассчитывают на услуги недостаточно квалифицированных специалистов, которые не могут обеспечить их безопасность.

Полагаем, что проблему охраны персональных данных следует решать комплексно. При этом необходимо использовать не только правовые методы, но и стимулировать операторов к обеспечению самих себя кадровыми и техническими ресурсами для достижения такой важной и общественно значимой цели — обеспечение безопасности персональных данных.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Карцхия А.А. Персональные данные и возможности их использования: из опыта стран БРИКС // Наследственное право. 2022. № 1. С. 1.
2. Исакова Т. Нарисуй себе клиента // Коммерсантъ. 2022. 27 декабря. № 241. С. 9.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Karckhiya A.A. Personal'nye dannye i vozmozhnosti ih ispol'zovaniya: iz opyta stran BRIKS // Nasledstvennoe pravo. 2022. № 1. S. 1.
2. Isakova T. Narisuj sebe klienta // Kommersant". 2022. 27 dekabrya. № 241. S. 9.

¹¹ Собецкий Игорь. Крупные утечки данных 2022 года в России. FBK CyberSecurity // URL: <https://fbkcs.ru/company> (сообщение от 30.01.23).

Е.А. КУХТУРСКАЯ

Использование электронных доказательств в цивилистическом процессе: проблемы теории и практики

АННОТОЦИЯ. В статье указывается проблематика использования электронных средств доказывания в цивилистическом процессе, а также особенности легитимации наиболее часто используемых из них в судебной практике. Автором анализируется отношение суда в гражданском процессе к таким средствам доказывания, как переписка в мессенджерах, переписка по электронной почте, информация из социальных сетей и других средств доказывания фактических обстоятельств дела. Предлагаются некоторые пути модернизации гражданского процесса современности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: доказательства; доказывание; цивилистический процесс; гражданский процесс; электронные доказательства; электронные сообщения; цифровизация; информация, полученная из Интернета.

КУХТУРСКАЯ ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – аспирант 4-го курса Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (e-mail: katrin1454@mail.ru).

Развитие информационных и телекоммуникационных технологий внесло ряд значительных изменений во взаимоотношения между субъектами правоотношений. Все чаще в деловой коммуникации стали употребляться такие понятия, как: электронный документооборот, электронная подпись, электронная сделка, электронная торговая площадка и иные, тесно связанные с достижениями научно-технического прогресса, понятия. Нередко согласование условий контракта и его заключение происходит путем обмена информацией в электронной форме. В качестве одного из примеров можно привести государственные закупки для государственных и муниципальных учреждений. Граждане и юридические лица используют телекоммуникационные средства общения, такие, как электронная почта, различные мессенджеры, видео- и конференцсвязь, а также многие другие средства передачи информации при помощи сети Интернет. Так или иначе, пользователи в информационном пространстве оставляют след, который может быть использован в качестве средства доказывания в судопроизводстве¹.

Доказывание – неотделимый институт в цивилистическом процессе, а доказательства являются базой, на которой основывается предъявляемое в суд требование. В современной науке гражданского процессуального права России применение электронных доказательств в гражданском судопроизводстве является дискуссионным направлением как среди ученых, так и среди практикующих юристов. Как отмечает Т.Т. Алиев: «законодательное обобщение понятий «письменные доказательства» и «электронные», является пробелом в современном законодательстве Российской Федерации, так как смешивается их юридическая природа»².

Проанализировав процессуальное законодательство, можно дать следующее определение доказательствам: это сведения о фактах, обладающих определенной формой, относящихся к делу и порождающих представление предмета материального мира³. На основании этих сведений суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон по делу.

Раскрывая понятие электронного доказательства,

1. Журкина О.В. Электронные доказательства: понятия и признаки // Российская юстиция. 2020. № 9. С. 44.

2. Алиев Т.Т. Электронные доказательства как самостоятельная категория доказательств в цивилистическом судопроизводстве Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс, 2022. № 5. С. 28.

3. Лаптев В.А. Электронные доказательства в арбитражном процессе // Российская юстиция. 2017. № 2. С. 56.

Ю.А. Свирин указывает, что «электронным является доказательство, на котором сведения о фактах зафиксированы в виде цифровой графической записи, полученные посредством электронной связи»⁴.

Как отмечалось выше, перечень доказательств в современном процессуальном законодательстве является закрытым и не содержит отдельной категории доказательств — «электронные средства доказывания», но в то же время позволяет использовать документы, выполненные в форме цифровой, графической записи, а также документы, полученные посредством факсимильной, электронной или иной связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также документы, подписанные электронной подписью, и относит их к числу письменных доказательств⁵.

Отсутствие должного правового регулирования электронных средств доказывания является одним из перспективных направлений исследования в связи с тем, что возможность предъявления и приобщения к материалам дела электронных доказательств весьма затруднительна.

Электронная переписка, например в мессенджере, не выделена в отдельный вид доказательства, но суды зачастую относят ее к группе «иные документы». В большинстве случаев судебная практика при соблюдении определенных правил признает переписку в мессенджере допустимым доказательством. В качестве примера можно привести ситуацию, которая может возникнуть между субъектами правоотношений: стороны перед заключением договора оказания услуг вели переписку в мессенджере WhatsApp, в которой согласовали условия договора, стоимость договора, сроки оказания услуг. Заключив письменный договор оказания услуг, стороны продолжают вести рабочую переписку в мессенджере, обсуждая, какие услуги выполнены, какие есть недостатки по оказанным услугам, какие услуги предстоит выполнить и какой окончательный срок оказания услуг. По факту оказания услуг, к примеру, недобросовестный заказчик может отказаться от исполнения своих

обязательств по оплате услуг, оказанных исполнителем. В случае обращения исполнителя в суд с исковым заявлением о взыскании денежных средств по оказанным услугам, истец может использовать электронную переписку в мессенджере WhatsApp, как дополнительное доказательство при отстаивании своей правовой позиции.

При исследовании судом такого рода доказательств основными критериями являются: относимость, допустимость, достоверность. Суд устанавливает факт авторства представленной переписки, то есть отправителя, адресата, дата и время отправки сообщения, а также, что немаловажно — информацию о получении (прочтении) сообщения. Идентификация личности, в частности в мессенджере WhatsApp, возможна только по привязке к сим-карте, которой пользуется абонент. Сим-карта приобретается при наличии паспорта пользователя, в связи с чем установить личность пользователя мессенджера возможно, и по ходатайству заинтересованной стороны, суд может истребовать эти данные. Таким образом, переписка в мессенджере, при надлежащем ее заверении, будет признана судом допустимым доказательством и будет исследована судом в совокупности с другими доказательствами. Отдельно нужно выделить тот факт, что в случае отсутствия письменного экземпляра договора суд не примет в качестве основного доказательства исполнения договора переписку в мессенджере, так как она не подтверждает факт наличия правовых отношений между сторонами.

На практике для удостоверения необходимых сведений (авторство, время, место создания переписки в мессенджере) используются нотариальные процедуры обеспечения доказательств, которые оформляются протоколом осмотра письменных доказательств.

Ю.А. Свирин справедливо замечает, что еще одним способом обеспечения электронных доказательств, помимо нотариального, является судебный способ обеспечения доказательств. Ю.А. Свирин

4. Свирин Ю.А. Актуальные проблемы гражданского процессуального права. М.: Прометей, 2021. С. 349.

5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ, 2002. № 30. ст. 3012. С. 35.

определяет этот способ как «осмотр судом информации, хранящейся на каком-либо накопителе и заверение своей подписью скриншотов страниц с относимой к делу информацией»⁶.

В соответствии с п. 55 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», заверенные распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншот), с указанием адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также точного времени ее получения, являются допустимыми доказательствами. При рассмотрении дела такие доказательства подлежат оценке судом наравне с иными доказательствами⁷.

В некоторых мессенджерах отсутствует функция получения (прочтения) сообщения, что является очень важным фактором при представлении переписки в качестве доказательства. В таком случае сторона, представляющее такое доказательство, может ходатайствовать о вызове в суд эксперта либо о назначении судебной экспертизы. Эксперт может попытаться установить факт получения (прочтения) сообщения, но также эксперт может установить, были ли попытки вмешательства в программное обеспечение гаджета, с которого велась переписка, этот факт можно установить и при проведении соответствующей экспертизы. Эксперт может установить не только содержимое электронной переписки, но и фиксирует информацию, содержащуюся в облачных сервисах. Не маловажно, что эксперт может выявить признаки фальсификации сообщения.

Исследование судебной практики показывает, что, отстаивая свою правовую позицию, стороны представляют также переписку по электронной почте, например, в системе «mail.ru», которая велась между контрагентами. Такая переписка подлежит оценке судом наряду с другими доказательства-

ми в их взаимосвязи и совокупности. В качестве положительного примера можно привести судебное дело, рассмотренное Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации о нарушении антимонопольного законодательства.

В своем решении Президиум ВАС РФ от 12.11.2013 № 18002/12 по делу № А47-7950/2011 постановил: «Отсутствие соглашения об обмене электронными документами между сторонами переписки, а равно отсутствие электронной цифровой подписи в отправляемых и получаемых документах (даже при наличии такого соглашения) не является нарушением требований закона, в связи с чем не влечет безусловную невозможность использования соответствующих документов и материалов в качестве доказательств»⁸.

Проанализировав позицию Высшего Арбитражного Суда РФ, можно сделать вывод о возможности приобщения к материалам дела любых документов и материалов в качестве доказательств, если они содержат сведения об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения спора⁹.

Однако не всегда электронная приписка может быть приобщена к делу. Суды акцентируют внимание на условиях договора, которым должно быть предусмотрено ведение деловой переписки в электронном виде. Не маловажно, чтоб в договоре были отражены сведения об адресах электронной почты, а также указано лицо, ответственное за ведение такой переписки. Таким образом, практикующие юристы отмечают некую сложность в приобщении переписки по электронной почте как средства доказывания.

В том числе отмечается проблематика обеспечения таких доказательств. Как правило, стороны прибегают к использованию нотариальных действий по обеспечению доказательств. Однако можно получить отказ нотариуса в заверении электронной переписки на том основании, что содержатель-

6. Свирин Ю.А. Актуальные проблемы гражданского процессуального права. М.: Прометей, 2021. С. 349.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 7. Июль, 2019. С. 30.

8. Постановление Президиума ВАС РФ от 12.11.2013 № 18002/12 по делу № А47-7950/2011. С.4.

9. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020, с изм. от 12.01.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. ст. 4532. С. 22.

но изучить переписку сторон возможно только с использованием технических средств заинтересованного лица, что может повлечь за собой неэффективность нотариального действия. Отдельно хотелось бы отметить, что нотариальное обеспечение доказательств возможно только до возбуждения судебного дела, в иных случаях противная сторона по делу может ходатайствовать о недопустимости такого доказательства.

У некоторых исследователей, занимающихся изучением в области электронных доказательств, неподдельный интерес вызывают электронные документы. По мнению некоторых специалистов, для заключения гражданско-правового договора может быть использован электронный документ. В таких обстоятельствах он должен содержать информацию, подготовленную, отправленную, полученную или хранимую с помощью электронных, магнитных, оптических либо аналогичных средств, включая обмен информацией в электронной форме и электронную почту. Таким образом, если документ в письменной форме должен быть составлен в соответствии с нормативными требованиями законодательства, то документ в электронном виде должен отвечать тем же требованиям¹⁰. Возможность применения электронного документа в качестве доказательства предусмотрена действующим процессуальным законодательством.

Опираясь на правоприменительную практику, нужно остановиться на практической точке зрения обеспечения таких доказательств, как электронные документы. Практикующие юристы отмечают сложности в этом направлении. Процессуальное законодательство допускает в качестве доказательства только оригиналы документов, а электронная копия документа может быть признана судом ненадлежащим доказательством.

Как установлено ч. 7 ст. 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, суд не может считать доказанными обстоятельства, подтверждаемые только копиями документа или ино-

го письменного доказательства, если утрачен и не передан в суд оригинал документа, а копии этого документа, представленные лицами, участвующими в деле, не тождественны между собой, и невозможно установить подлинное содержание первоисточника с помощью других доказательств. Аналогичная норма содержится в ч. 6 ст. 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации¹¹. Необходимо разграничить электронный документ и электронный образ документа. Анализируя собранный материал, электронный образ документа можно определить как электронное изображение, первоначально созданное в письменной форме на бумажном носителе, а затем при помощи технических средств сканирования переведенное в электронную форму. При таких обстоятельствах документ, изготовленный в письменной форме на бумажном носителе, будет являться оригиналом документа. Существенное отличие письменного документа от электронного состоит в том, что электронный документ имеет возможность распространения неограниченному кругу лиц и неограниченное количество экземпляров. Электронные документы хранятся на цифровом носителе, с помощью которого можно выполнить резервные копии, то есть при необходимости имеется возможность восстановления утраченного документа.

Представлять в суд электронный документ в качестве доказательства исходя из анализа правоприменительной практики следует в виде бумажной копии, заверенной надлежащим образом, с приложением оригинала документа на электронном носителе. Практикующие специалисты рекомендуют наравне с такими доказательствами представлять в суд программное обеспечение, позволяющее в ходе судебного разбирательства реализовать возможность изучения подлинника электронного документа с использованием электронного носителя.

Отдельно хотелось бы остановиться на таких средствах доказывания, как аудио- и видеозапись, цифровая фотография.

¹⁰ Бурганова Г.В. Использование электронных документов в качестве доказательств в уголовном и гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. №1. С. 355.

¹¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 16.11.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. ст. 3012. С. 33.

Одним из положительных примеров принятия судом таких доказательств, как видеозапись и цифровая фотография, можно привести пример из судебной практики Суворовского районного суда Тульской области по делу об изменении места жительства несовершеннолетнего ребенка. На основании решения суда от 2019 года, место жительства несовершеннолетнего ребенка было определено с матерью. При исполнении решения суда отец, соблюдая порядок общения с несовершеннолетней дочерью, заметил, что мать не исполняет свои родительские обязанности, что выражается в пренебрежительном отношении к здоровью, внешнему виду дочери, ее личной гигиене, ребенок выглядит неопрятно, грязно и не ухожено. В подтверждение небрежного отношения матери к здоровью дочери отец на протяжении трех месяцев фиксировал при помощи видеозаписи и фотографий внешний вид несовершеннолетнего ребенка. При подаче искового заявления в 2020 году об изменении места жительства несовершеннолетней дочери истец, в качестве дополнительных доказательств, предоставил суду фотографии и видеозаписи ненадлежащего вида ребенка. При вынесении решения суд оценил электронные средства доказывания следующим образом: «оценивая доводы истца о неудовлетворительном

внешнем виде дочери весной 2020 года, что, по его мнению, свидетельствует о безразличном отношении матери к ребенку, суд приходит к выводу, что данный факт имел место в действительности, он подтвержден видеозаписями, фотоснимками, представленными истцом, и не оспаривается ответчиком»¹².

Подводя итог, можно прийти к заключению, что на наглядных примерах из правоприменительной практики иллюстрируется актуальность проблематики статуса электронных средств доказывания. На сегодняшний день процессуальное законодательство не совершенно, возникает необходимость признания электронных доказательств самостоятельными средствами доказывания, закрепить признаки и основания их оценки. Перспективным направлением является развитие концепции нормативных требований к электронным доказательствам, установления определенных критериев, видов таких доказательств, возможность предъявления и исследования в судах общей юрисдикции и арбитражных судах электронных доказательств. Шагая в ногу со временем, процессуальное законодательство должно быть адаптивным к техническому прогрессу и современным формам информационных технологий, что позволит сформировать единообразную практику применения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алиев Т.Т. Электронные доказательства как самостоятельная категория доказательств в гражданском судопроизводстве Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс, 2022. № 5. С. 28-32.
2. Бурганова Г.В. Использование электронных документов в качестве доказательств в уголовном и гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. Том 9. С. 354-364.
3. Журкина О.В. Электронные доказательства: понятия и признаки // Российская юстиция. 2020. № 9. С. 44-49.
4. Лаптев В.А. Электронные доказательства в арбитражном процессе // Российская юстиция. 2017. № 2. С. 56-59.
5. Свиринов Ю.А. Актуальные проблемы гражданского процессуального права. М.: Прометей, 2021. 697 с.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

6. Aliev T.T. Elektronnye dokazatel'stva kak samostoyatel'naya kategoriya dokazatel'stv v civilisticheskom sudoproizvodstve Rossijskoj Federacii // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process, 2022. № 5. S. 28-32.
7. Burganova G.V. Ispol'zovanie elektronnyh dokumentov v kachestve dokazatel'stv v ugovnom i grazhdanskom processe // Vestnik grazhdanskogo processa. 2019. № 1. Tom 9. S. 354-364.
8. Zhurkina O.V. Elektronnye dokazatel'stva: ponyatiya i priznaki // Rossijskaya yusticiya. 2020. № 9. S. 44-49.
9. Laptev V.A. Elektronnye dokazatel'stva v arbitrazhnom processe // Rossijskaya yusticiya. 2017. № 2. S. 56-59.
10. Svirin YU.A. Aktual'nye problemy grazhdanskogo processual'nogo prava. M.: Prometej, 2021. 697 s.

¹² Гражданское дело № 2-475/2020 об изменении места жительства ребенка, освобождении от уплаты алиментов, взыскании алиментов // Архив Суворовского районного суда Тульской области, 2020 г.С. 4.

А.А. СИРОТКИН

К вопросу о влиянии цифровизации на состояние правовой культуры российского общества

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье рассматривается необходимость осуществления теоретико-практического исследования процессов цифровизации и их влияния на правовую культуру общества и человека, в частности. Важным аспектом является определение влияния на правовую культуру регламентирующего использование цифровых технологий права, новых правовых традиций, трансформирующегося правового образования и воспитания, уровня цифровой и правовой грамотности.

Теоретическое осмысление в данной сфере могут быть полезно в практической деятельности, связанной с развитием и совершенствованием правовой культуры, определением наиболее оптимальных способов регулирования использования цифровых технологий. Целью статьи является определение основных тенденций влияния цифровизации на состояние правовой культуры российского общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровизация, правосознание, цифровые технологии, право, цифровая правовая культура, правовое воспитание.

СИРОТКИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ – управляющий партнер Адвокатского бюро города Москвы «Прайм», аспирант кафедры фундаментальной юриспруденции и международного права Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: sirotkin12@gmail.com).

Цифровизация в современной действительности оказывает существенное влияние на право, выступая в качестве регулятора общественных отношений. Как указывает Т.Я. Хабриева, использование цифровых технологий несет за собой существенные изменения жизни общества, которые по своему характеру можно назвать «технической революцией»¹. Сам термин «цифровизация» фактически говорит о масштабности происходящей трансформации, изменяющей базис и надстройку общества. Происходящий процесс способствует возникновению не только новых общественных отношений, но и создает целые их пласты. В связи с этим неизбежно совершенствуются и правовые регуляторы, приспособляясь к указанным изменениям с целью решения глобальных задач, стоящих перед законодателем.

Ряд известных правоведов (Д.А. Ловцов, И.А. Умнова-Конюхова², Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, О.В. Иванюк, А.А. Головина³ и др.) говорят о существенном влиянии цифровых технологий на правотворческий процесс. С указанным нельзя не согласиться: уровень влияния цифровизации на право (и наоборот) неизбежно возрастает, так как последнее выступает в качестве и объекта, и инструмента воздействия. О многоаспектности правового регулирования, сложности его содержания и структуры говорят многие ученые (например, Э.В. Талапина⁴, В.Н. Синюков⁵ и пр.). Цифровые данные безвозвратно стали основным способом коммуникации, что подтверждается стремительным переходом большей части общественных отношений в «онлайн» в период пандемии коронавирусной инфекции.

1. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. №1 (253). С. 6.

2. Государство и право в новой цифровой реальности: монография / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. И.А. Умновой-Конюховой и д-ра техн. наук, проф. Д.А. Ловцова. М.: РАН. ИНИОН, 2020. С. 59.

3. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, О.В. Иванюк, А.А. Головина; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: Инфра-М, 2019. С. 34.

4. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5-17.

5. Синюков В.Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // LexRussica. 2019. № 9(154). С. 9-18.

Стремительность цифровизации товаров, работ, услуг, появление «цифрового имущества» (например, в видеоиграх, криптовалюты и пр.) является общемировым трендом, значительно влияющим как на общество, так и на индивида, в частности. Данные процессы порождают новые правовые традиции, заключающиеся в существенной роли права в регулировании рассматриваемых процессов. Правовые традиции, являясь частью правовой культуры, существенно меняют последнюю. В связи с этим представляет существенный научный интерес исследование основных тенденций, отражающих основные «эффекты» воздействия цифровизации на правовую культуру Российской Федерации.

Как было сказано выше, внедрение цифровых технологий приводит к существенным изменениям правовой культуры общества. В правовой доктрине сформировался «тренд» на постоянное исследование цифровой трансформации правосознания и правового пространства в целом, так как цифровые данные оказывают воздействие на целый ряд категорий, определяющих правовую культуру и правовое сознание граждан. К таковым можно отнести гражданскую позицию, мировоззрение, взгляды, изменение правовых традиций и пр. Как указывают Е.М. Хохлова, С.А. Дуварярова, в наибольшей степени опасность несет трансформация понимания морали, нравственности, ценностей молодого поколения⁶.

Междисциплинарные исследования в области социологии и права указывают, что среди молодого поколения характерны такие явления, которые в науке называются «пассивным правовым нигилизмом», заключающимся в отрицании права, как социальной ценности; в безразличном отношении к девиациям в обществе; в отсутствии желания к изучению основ права и пр. Однако, как отмечают эксперты, среди молодых людей при этом существенно

растут оппозиционные, протестные явления в социальных сетях и иных Интернет-ресурсах. Правовое поведение таких людей часто характеризуется как солидарное и, одновременно, может отличаться противоправностью⁷.

В связи с этим представляется особенно актуальным исследование вопросов, связанных с пониманием правовой культуры в условиях функционирования цифрового правового пространства, так как фактически современная правовая культура становится одним из явлений цифровизации⁸. Правовая культура, которая будет основана на совершенствовании цифровых навыков коммуникации и нравственности бытия, позволит влиять на эффективность в нужных сферах общественной жизни. Нахождение баланса между киберпространством и обществом диктует необходимость проведения дополнительных теоретических исследований. Указанное объясняет актуальность настоящей статьи.

Как указывает В.С. Степин, в настоящее время в области научных исследований и изысканий можно говорить о формировании новой научной рациональности, которая дает новые направления развития методологических основ научных исследований, а в сочетании с классическими научными методами дает большие аналитические результаты⁹. Как правило, указанное требует использования комплексного междисциплинарного подхода¹⁰.

Если говорить об исследовании тенденций трансформации правовой культуры в условиях развития цифровой экономики, то нельзя не согласиться с Д.А. Пашинцевым в том, что наиболее перспективным методом познания является конструктивизм. Он заключается в том, чтобы рассматривать правовую культуру как некое явление, возникшее в обществе без его контроля, несмотря на то, что в классической доктрине субъекты правовой культуры

6. Хохлова Е.М., Дуварярова С.А. Правовая культура и цифровизационное современное общество // Проблемы права. 2022. № 4(87). С. 14-19.

7. Попондопуло В. Ф. Правовые формы цифровых отношений // Юрист. 2019. № 6. С. 29-36.

8. Шаповалова Г.М. «Цифровая культура» в концепции глобального информационного общества: теоретико-правовой аспект: монография. Владивосток: Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, 2020. С. 76.

9. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 61.

10. Пашенцев Д.А. Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2020. №1. С. 10.

в целом являются ее центром¹¹. В связи с этим произошедшая без всеобщего контроля цифровизация привела к тому, что именно от субъектов зависит процесс формирования качественно эффективной правовой культуры. Поэтому любое исследование в рассматриваемой сфере необходимо проводить с использованием социологических методов познания, так как именно эти методы помогают выявить поведенческие факторы формирования современной правовой культуры в условиях цифровизации. В связи с этим в сочетании с диалектическими методами в настоящей статье будут использоваться результаты социологических исследований для подтверждения тех или иных тенденций в рассматриваемой сфере.

Не секрет, что цифровизация существенным образом трансформирует правовую культуру, определяющую качество и эффективность правотворчества. Об этом говорит возникновение новых правотворческих традиций ввиду совершенствования законодательных инструментов¹². Культурой современной правотворческой деятельности отражаются определенные программы, культурные коды и предполагается освоение технологических инноваций в виде цифровых обновлений и всевозможных технологий правотворчества. Правовая культура может рассматриваться и как сфера самоидентификации общества, и как качественный прогресс в области права. В связи с этим на практике возникают определенные сложности¹³.

Для объективности настоящего исследования следует сказать о неблагоприятных тенденциях цифровизации. Одна из особенностей данного процесса, набирающего обороты в последние годы, заключается в высокой доле унификации общественной реальности в ущерб сохранению традиций и отражению идентичности. Процесс цифровизации не просто заменяет разные технические задачи, творчески

реализуемые людьми, но и претендует на большее — изменение и создание законов с помощью искусственного интеллекта¹⁴.

Проблема дифференциации сфер деятельности человека и технологий искусственного интеллекта кажется на текущем этапе развития неизбежной даже при уходе от полярности традиции и цифровизации. Эта проблема получила название «соперничество человека и робота». В данном контексте важнейшим вопросом культуры выступает ограничение творческой (культурологической) составляющей в правотворческой деятельности в связи с компьютеризацией и роботизацией. Если правотворчество полностью перейдет в зону ответственности искусственного интеллекта, то культурологическая составляющая может быть полностью уничтожена, так как машины вряд ли способны к воспроизводству тех культурологических программ и кодов, которые человек транслирует в своей деятельности. Также важным является вопрос о том, смогут ли люди воспринимать законы, созданные искусственным интеллектом? Эти вопросы уже не кажутся такими далекими. Масштабная цифровизация и роботизация влияют на все сферы, в том числе на культуру и сознание человека. По словам Е.А. Певцовой, в настоящее время искусственный интеллект активнее всего проникает именно в правовую сферу, в которой пока еще сохраняется монополия человека.

Общество уже вступило в новую эру цивилизационного развития, не похожую ни на что из того, что существовало ранее. Главным риском развития цивилизации эксперты называют повышение значимости и «расчеловечивание» юридического и гуманитарного знания¹⁵.

Процесс цифровизации правотворчества должен учитывать культурный контекст и гармонизировать с

11. Пашенцев Д.А. Указ. соч. С. 14.

12. Самородов В.Ю. Цифровизация в современной культуре правотворчества: тренд на обновление и позитивная тенденция правовой жизни // Актуальные проблемы государства и права. 2020. №14. С. 166.

13. Пашенцев Д.А. Российская законодательная традиция перед вызовом цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 2 (266). С. 7.

14. Залоило М.В. Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. М.: ИЗИСП: Норма: ИНФРА-М, 2020. С. 84.

15. Певцова Е.А. Влияние искусственного интеллекта на правовую деятельность человека // Журнал российского права. 2020. №9. С. 21.

культурой этого вида деятельности. Оптимальный вариант — переплетение и взаимодействие этих явлений, взаимное проникновение и отождествление. Лучше всего, если цифровизация будет обогащать культуру, а не унифицировать либо поглощать ее. Актуальными направлениями на ближайшую перспективу должны стать: использование потенциала цифровых технологий для развития права; преодоление полярности традиций и цифровизации; изменение отношения к цифровым технологиям (они должны рассматриваться как незаменимые помощники в улучшении правовой сферы, а также расширении культурного и творческого потенциала человека).

Таким образом, вопросы, касающиеся цифровизации правотворческой деятельности, обладают повышенной актуальностью. Важным значением обладает анализ рекомендаций, предлагаемых в многочисленных исследованиях, по поводу действий, касающихся общей цифровизации правотворчества и поэтапного внедрения в практику инновационных правотворческих технологий. Стандартизация законодательской деятельности имеет связь с современными юридико-правовыми технологиями, применение которых способствует повышению эффективности и качества законодательства. Безусловно, что при повышении качества законодательской деятельности положительные изменения происходят и в правотворчестве¹⁶.

Если исходить из того положения, что в социокультурном пространстве сформирована правовая определенность, то аналогичная определенность должна быть и в области цифровых отношений. Однако пока налицо лишь правовая неопределенность. Основой защиты личности в таких условиях выступает развитая внутренняя правовая культура.

Процесс формирования правовой культуры личности должен быть целенаправленным и систематическим. Только так можно достичь высоких

результатов в развитии общественной правовой культуры. Право — это система, которая постоянно развивается и видоизменяется, т. е. оно не является замкнутым. Поэтому право реагирует на новые явления, возникающие в различных сферах. Все это позволяет праву находиться в актуальном состоянии и учитывать общественные потребности. Возникновение отношений в сфере цифрового взаимодействия обусловило необходимость в нормативной фиксации ответственности и правового статуса субъектов таких правоотношений. В связи с этим правовая культура общества должна объективно отражать качественное состояние общественной правовой жизни в условиях цифровизации. Если у государства не получится сориентироваться в изменяющихся реалиях, то некоторые функции правовой культуры могут быть утрачены (например, сохранение, формирование и передача правовых ценностей). Это, в свою очередь, окажет негативное влияние на общественное и индивидуальное правовое развитие, а также на ориентирование членов общества на юридически значимое поведение.

В связи с этим можно говорить о возникновении нового понятия — цифровая правовая культура. Р.Б. Головкин отмечает, что цифровая правовая культура сочетает в себе все образующиеся ценности в условиях цифровой среды. Развитие информационного общества требует использования термина «цифровое правовое сознание» для оценки уровня цифровой правовой культуры. Как указывает Р.Б. Головкин, под последней следует понимать систему теорий, ценностей, чувств, концепций по поводу прошлого, нынешнего и будущего цифрового права¹⁷.

В Стратегии развития информационного общества одной из целевых установок названо формирование особого правового сознания, основанного на пользовательской культуре¹⁸. Указанный документ стратегического характера фактически обозначил проблематику, связанную с формированием циф-

¹⁶ Власенко Н.А., Залоило М.В. Состояние законодательства, уровень законодательной культуры и стандартизация законодательства // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 80.

¹⁷ Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // [www.: pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru).

¹⁸ Головкин Р. Б., Амосова О.С. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизме цифровизации экономики и государственного управления // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 2(51). С. 166.

ровой правовой культуры. Напрямую говорится о цифровой и правовой грамотности населения. Так, ежегодно аналитический центр «НАФИ» проводит «замер» цифровой грамотности населения. Индекс цифровой грамотности россиян по итогам 2022 года составил 71 пункт. С начала измерений в 2018 году индекс цифровой грамотности россиян демонстрирует уверенный рост с 52 до 71 пункта. Две трети россиян (69%) на сегодняшний день обладают базовым уровнем цифровой грамотности. Менее трети (29%) – продвинутым¹⁹. При этом данным центром также был произведен «замер» индекса правовой грамотности, который составил по результатам социологического исследования 47 п.п.²⁰. Указанное свидетельствует о неравномерности общественного развития в области цифровизации и права.

При этом в рамках цифровизации общества право может выступать не только как регулятор, но и как ценность. В правовых исследованиях активно ведется дискуссия относительно существования концепции нового поколения «цифровых прав». И базовым правом выступает право на защиту персональных данных, «право на забвение», что объясняется увеличением количества «утечек» данных, принадлежащих пользователям, с целью их последующей продажи. При этом стоит отметить, что информационное общество немислимо без признания ценности персональных данных, защищаемых Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»²¹. Данное право выступает одним из базовых элементов, требуемых для формирования высокоуровневой правовой культуры современных граждан. О ценности персональных данных свидетельствует большое количество судебных решений, указывающих на необходимость получения осознанного согласия у субъекта на их обработку²².

Стоит отметить, что в активной фазе находится развитие и пользовательской культуры, которую можно рассматривать как часть правовой культуры. Здесь целесообразно рассмотреть результаты социологического исследования ученого Р.Б. Головкина. Он провел опрос молодых людей от 18 до 24 лет, в отношении которых есть устоявшийся стереотип, заключающийся в признании их высокой адаптированности к цифровым реалиям и минимальной правовой грамотности. Методом исследования стал опрос фокус групп из 100 человек, среди которых студенты юридического (69%), экономического (8%), технического (23%) факультетов. В качестве гипотезы исследования ставилось утверждение, что большинство опрошенных не изучают пользовательские соглашения сайтов, так как не считают их полноценными регуляторами общественных отношений. 92% респондентов не изучают такие соглашения, так как не относят их к инструментам сбора персональных данных и считают неприменимыми для осуществления собственной правовой защиты в случае утечки персональных данных. Респондентов спросили, необходимо ли осуществлять регламентацию пользовательских соглашений. В результате 77% указали, что это требуется сделать, а 23% воздержались от ответа. Таким образом, гипотеза была полностью подтверждена. В заключение ученый уточнил, что важно сделать для влияния на принятие решения об обязательном изучении указанного документа: 42% респондентов указали, что необходимо рассказать им, для чего нужно такое соглашение; 33% опрошенных ответили, что нужно создать угрозу нарушения их прав; 25% молодых людей посоветовали упростить изложение данного документа²³.

Ярким примером приверженности к концеп-

¹⁹ Цифровая грамотность в России // URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровая_грамотность_в_России (дата обращения: 1.04.2023).

²⁰ Правовая грамотность в России // URL: <https://nafi.ru/en/projects/sotsialnoe-razvitie/pravovaya-gramotnost-rossiyan-na-puti-k-grazhdanskomu-obshchestvu-2020/> (дата обращения: 1.04.2023).

²¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // [www.: pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru).

²² Например: Решение Советского районного суда города Казани от 26 сентября 2019 г. по делу № 12-1526/2019 // URL: www.garant.ru (дата обращения: 1.04.2023); Решение Октябрьского районного суда г. Белгорода от 12 сентября 2019 г. по делу № 12-393/2019 // URL: www.garant.ru (дата обращения: 1.04.2023) и пр.

²³ Головкин Р.Б. Механизмы цифровизации права и юридический комплаенс: учебное пособие / Р.Б. Головкин, Е.Р. Крайнова, В.С. Манохин; под ред. проф. Р.Б. Головкина. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2022. С. 41.

ции высокого уровня пользовательской культуры в онлайн-пространстве является разработкой Ассоциацией больших данных и Институтом развития интернета Кодекса этики использования данных и присоединение к нему крупных компаний. В соответствии с идеей разработчиков, данный документ рекомендательного характера направлен на создание базы для саморегулирования субъектов рассматриваемого информационного рынка с целью выстраивания отношений с гражданами, организациями и государством (законодателем) на основе доверия. Документ регламентирует широкий спектр данных – от пользовательских до промышленных. Указанный документ в конце 2019 года подписали такие компании, как «Газпром-медиа холдинг», «Яндекс», «МегаФон», а также крупные финансовые организации «Тинькофф Банк», «Сбер», «Газпромбанк» и пр.²⁴ В связи с этим можно говорить о высокой взаимосвязи пользовательской и правовой культуры.

Таким образом, внедрение цифровых технологий в общественные сферы жизни – необратимый процесс, обладающий дуальной структурой. Этот процесс имеет разрушительные и созидательные направления. От эффективности правового регулирования цифровой среды зависит трансформация

правовой культуры. При этом особое значение имеет и правовая грамотность, отражающая в том числе результативность правового воспитания и обучения.

В связи с этим можно говорить о появлении качественно нового явления – цифровой правовой культуры, под которой следует понимать комплексную систему материально-духовных ценностей, отражающую определенную степень цифровизации общества и выражающуюся в цифровом правовом сознании индивидов. Такая культура напрямую зависит от правового регулирования создания и использования цифровых технологий, а также от «индекса» цифровой и правовой грамотности в сочетании с повышением уровня пользовательской культуры в информационном пространстве. Цифровое правовое сознание, выступающее в качестве инструмента отражения указанного типа культуры, должно внедряться с достаточно раннего возраста с целью предотвращения допущения обществом возможности нарушения прав человека в онлайн-среде. Цифровизация правовой культуры и развитие нового информационного общества являются взаимосвязанными процессами, которые не могут существовать друг без друга. В связи с этим необходима трансформация правовых традиций, а также формирование нового правового регулирования, применимого в современной России.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Власенко Н.А., Залоило М.В. Состояние законодательства, уровень законодательной культуры и стандартизация законотворчества // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 78-88.
2. Головкин Р.Б., Амосова О.С. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизме цифровизации экономики и государственного управления // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 2(51). С. 163-166.
3. Головкин Р.Б. Механизмы цифровизации права и юридический комплаенс: учеб. пособие / Р.Б. Головкин, Е.Р. Крайнова, В.С. Манохин; под ред. проф. Р.Б. Головкина. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2022. 170 с.
4. Государство и право в новой цифровой реальности: монография / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. И.А. Умновой-Конюховой и д-ра техн. наук, проф. Д.А. Ловцова. М.: РАН. ИНИОН, 2020. 259 с.
5. Залоило М.В. Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. М.: ИЗИСП: Норма: ИНФРА-М, 2020. 184 с.
6. Кодекс этики использования данных // URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/>.
7. Пашенцев Д.А. Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2020. №1. С. 25-49.
8. Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция перед вызовом цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 2 (266). С. 5-13.
9. Певцова Е.А. Влияние искусственного интеллекта на правовую деятельность человека // Журнал российского права. 2020. №9. С.19-30.

²⁴ Кодекс этики использования данных // URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Кодекс_этики_использования_данных (дата обращения: 1.04.2023).

10. Попондопуло В.Ф. Правовые формы цифровых отношений // Юрист. 2019. № 6. С. 29-36.
11. Правовая грамотность в России // URL: <https://nafi.ru/en/projects/sotsialnoe-razvitiye/pravovaya-gramotnost-rossiyan-na-puti-k-grazhdanskomu-obshchestvu-2020/> (дата обращения: 1.04.2023).
12. Самородов В.Ю. Цифровизация в современной культуре правотворчества: тренд на обновление и позитивная тенденция правовой жизни // Актуальные проблемы государства и права. 2020. №14. С. 165-179.
13. Синюков В.Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // Lex Russica. 2019. № 9(154). С. 9-18.
14. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5-17.
15. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. №1 (253). С. 85-102.
16. Хохлова Е.М., Дуварова С.А. Правовая культура и цифровизационное современное общество // Проблемы права. 2022. № 4(87). С. 14-19.
17. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, О.В. Иванюк, А.А. Головина; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: Инфра-М, 2019. 234 с.
18. Шаповалова Г.М. «Цифровая культура» в концепции глобального информационного общества: теоретико-правовой аспект: монография. Владивосток: Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, 2020. 176 с.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Vlasenko N.A., Zaloilo M.V. Sostoyanie zakonodatel'stva, uroven' zakonodatel'noj kul'tury i standartizatsiya zakonotvorchestva // Yuridicheskaya tekhnika. 2016. № 10. S. 78-88.
2. Golovkin R.B., Amosova O.S. «Cifrovye prava» i «cifrovoe pravo» v mekhanizme cifrovizatsii ekonomiki i gosudarstvennogo upravleniya // Vestnik Vladimirsogo yuridicheskogo instituta. 2019. № 2(51). S. 163-166.
3. Golovkin R.B. Mekhanizmy cifrovizatsii prava i yuridicheskij kompleks: ucheb. posobie / R.B. Golovkin, E.R. Kraĭnova, V.S. Manohin; pod red. prof. R.B. Golovkina. Vladimir: Izd-vo VIGU, 2022. 170 s.
4. Gosudarstvo i pravo v novej cifrovoj real'nosti: monografiya / pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. I.A. Umnovoj-Konyuhovoj i d-ra tekhn. nauk, prof. D.A. Lovcova. M.: RAN. INION, 2020. 259 s.
5. Zaloilo M.V. Sovremennye yuridicheskie tekhnologii v pravotvorchestve: nauchno-prakticheskoe posobie / pod red. D.A. Pashenceva. M.: IZiSP: Norma: INFRA-M, 2020. 184 s.
6. Kodeks etiki ispol'zovaniya dannyh // URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/>.
7. Pashencev D.A. Osobennosti pravoprimeneniya v usloviyah cifrovizatsii obshchestvennyh otnoshenij // Vestnik SPbGU. Seriya 14. Pravo. 2020. №1. S. 25-49.
8. Pashencev D.A. Rossijskaya zakonotvorcheskaya traditsiya pered vyzovom cifrovizatsii // Zhurnal rossijskogo prava. 2019. № 2 (266). S. 5-13.
9. Pevcova E.A. Vliyanie iskusstvennogo intellekta na pravovuyu deyatel'nost' cheloveka // Zhurnal rossijskogo prava. 2020. №9. S.19-30.
10. Popondopulo V.F. Pravovye formy cifrovyyh otnoshenii // YUrist. 2019. № 6. S. 29-36.
11. Pravovaya gramotnost' v Rossii // URL: <https://nafi.ru/en/projects/sotsialnoe-razvitiye/pravovaya-gramotnost-rossiyan-na-puti-k-grazhdanskomu-obshchestvu-2020/> (data obrashcheniya: 1.04.2023).
12. Samorodov V.YU. Cifrovizatsiya v sovremennoj kul'ture pravotvorchestva: trend na obnovlenie i pozitivnaya tendentsiya pravovoj zhizni // Aktual'nye problemy gosudarstva i prava. 2020. №14. S. 165-179.
13. Sinyukov V.N. Cifrovoe pravo i problemy etapnoj transformatsii rossijskoj pravovoj sistemy // Lex Russica. 2019. № 9(154). S. 9-18.
14. Talapina E.V. Pravo i cifrovizatsiya: novye vyzovy i perspektivy // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 2. S. 5–17.
15. Habrieva T.YA., Chernogor N.N. Pravo v usloviyah cifrovoj real'nosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. №1 (253). S. 85-102.
16. Hohlova E.M., Duvayarova S.A. Pravovaya kul'tura i cifrovizatsionnoe sovremennoe obshchestvo // Problemy prava. 2022. № 4(87). S. 14-19.
17. Cifrovizatsiya pravotvorchestva: poisk novyyh reshenij: monografiya / D.A. Pashencev, M.V. Zaloilo, O.V. Ivanyuk, A.A. Golovina; pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. D.A. Pashenceva. M.: In-t zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF: Infra-M, 2019. 234 s.
18. SHapovalova G.M. «Cifrovaya kul'tura» v koncepcii global'nogo informatsionnogo obshchestva: teoretiko-pravovoj aspekt: monografiya. Vladivostok: Vladivostokskij gosudarstvennyj universitet ekonomiki i servisa, 2020. 176 s.

Д.А. СКУДАРНОВ

Особенности деформации правового сознания граждан России

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается актуальная проблема современности – деформация правосознания, ее причины, предпосылки, разновидности и способы борьбы. Проведен анализ понятия правосознания (индивидуального и общественного) и рассмотрены разновидности правосознания в зависимости от отношения общества и граждан к праву и правовым институтам.

Определено, что деформация правосознания представляет собой искаженное понимание права и его ценности. В рамках рассмотрения путей борьбы с этим негативным явлением установлено, что эффективным способом выступает развитие правовой грамотности и информированности населения (правовое информирование населения через правовое информирование и увеличение объема правовых знаний в образовательных учреждениях).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правосознание, деформация правосознания, право, личность, общество, государство, правовая культура, правовое воспитание, правовое просвещение.

СКУДАРНОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – аспирант Департамента международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (e-mail: nonordinaryschool@gmail.com).

Правосознание – важнейший механизм регулирования деятельности и поведения человека. Это форма сознания, отражающая правовую действительность в виде ценностных ориентаций, представлений, социально-правовых установок, внутреннего оценочного отношения к правовым институтам, праву и его реализации на практике. Искаженные представления о праве и его ценности приводят к деформации правосознания¹.

Отношение общества или конкретного человека к праву, сложившееся на осмысленном (рациональном) или подсознательном (эмоциональном) уровне, формирует определенный вид правосознания. Если отношение к праву сформировано на рациональном уровне, то развивается правовая идеология. При эмоциональном отношении к праву будет сформирована правовая психология. В специальной юридической литературе обращается внимание на то, что правовая психология лежит в основе повседневного отношения субъектов к праву. В свою очередь, правовая идеология выступает фундаментом, на котором выстраиваются правовые концепции и идеи².

Направление общественного развития и правовой прогресс социума – следствие развитости правовой идеологии, правовой культуры и правосознания. Перечисленные правовые феномены отражают духовные и правовые ценности общества на текущем этапе развития.

Отношение общества и конкретных людей к праву и всему, что с ним связано, может быть позитивным или негативным. В научной литературе обращается внимание, что середины здесь быть не может – нейтрального правосознания не существует. Оно всегда имеет один из полюсов³. Развивая эту мысль, можно отметить, что перспективы развития правового сознания определяются характером отношения к праву. Так, при условии позитивного отношения общества к праву правосознание будет находиться на высоком уровне развития.

Говоря о правосознании, следует выделить такую его разновидность, как обыденное правосознание. Обыденным называется такой уровень правосознания, который присущ основной массе населения, т. е. людям, не связанным с профессиональной юридической деятельностью. В обыденном пра-

1. Батанов А.А. Понятие правового сознания в отечественной психологии // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. №4-1. С. 89.

2. Дроздова А.М., Ковалев В.В. О некоторых аспектах деформации личностного и общественного правосознания // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. №2. С. 14.

3. Муслумов Р.Р. Правовое сознание личности: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 14.

восприятии в наибольшей степени проявляется эмоциональное отношение к праву (правовая психология), за счет чего создаются предпосылки для негативного (эмоционально-критического) отношения к праву. При этом само по себе обыденное правосознание не является негативным (оно всего лишь поверхностное).

Проблематика негативного отношения к праву рассматривалась еще в советский период. Считалось, что отрицательное правосознание, асоциальное и криминогенное (противоправное) поведение порождается одними и теми же причинами. Такой подход получил отражение в трудах многих правоведов того времени⁴. Также ученые считали, что недостаточная развитость правовых ценностей приводит к развитию таких разновидностей деформации правосознания, как правовой инфантилизм или правовой негативизм. Под правовым инфантилизмом понимается правовая пассивность, выражающаяся в недостаточном использовании человеком правовых средств в ситуациях, когда это необходимо и даже желательно⁵. Часто следствием правового инфантилизма становится правовая безответственность. Выделяются две основные причины, по которым у человека развивается такое отношение к праву. Во-первых, человек не воспринимает право в качестве общественного регулятора. Во-вторых, имеет место недостаточная правовая грамотность и информированность.

В контексте рассмотрения видов деформации правосознания нельзя не сказать о правовом нигилизме, поскольку этот вариант встречается наиболее часто. В трудах советских правоведов названы такие формы правового нигилизма⁶: отсутствие доверия к праву; равнодушие; отрицание права. Последняя форма может проявляться в полном отрицании права в принципе либо в его критике с

предложением более эффективных установлений и вариантов.

Для понимания степени распространенности правового нигилизма в рамках написания статьи был проведен опрос 167 человек. Участники опроса – пенсионеры, трудоспособные граждане и студенты. Результаты опроса следующие. Не признают существующее правовое регулирование 12% опрошенных. От ответа воздержалось 30% респондентов.

В настоящее время отношение многих отечественных правоведов к содержанию и проявлению правового нигилизма осталось таким же, как и в советский период. Говоря о формах проявления правового нигилизма, ученые выделяют: низкую оценку права, его социальных и юридических возможностей⁷; отказ признавать право в качестве социальной ценности; резко негативное отношение к правовым нормам и праву в целом⁸. Соответственно, правовой нигилизм определенно является негативным феноменом. Существование этого явления объясняется тем, что в советском и современном российском обществе право не является той основополагающей ценностью, на основе которой социум и его отдельные члены могли бы строить официальные и повседневные отношения. Если в советское время подобную особенность можно было объяснить тем, что население не воспринимало тоталитарный режим в качестве справедливого государства, то сегодня никаких логичных объяснения этому нет.

Бытует мнение, что правовой нигилизм является одной из традиционных черт российского общества. Не хотелось бы признавать такую точку зрения, но, как отмечают некоторые отечественные исследователи, нашему государству и обществу характерно то, что право не играет ведущей роли в системе общественных ценностей. Более

4. Осипов Р.А. Правовая информированность и правосознание граждан: вопросы теории: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. С. 101.

5. Стругова Е.В. О правосознании и его деформации // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 43.

6. Руденко К.И. Факторы деформации правосознания молодежи // Теория и практика общественного развития. 2015. №9.

7. Сенин И.Н. Деформации правосознания и пути их преодоления // Эпоха науки. 2017. № 12. С. 88.

8. Кабаненко М.С. Деформация конституционного правосознания // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2013. №1 (34). С. 14.

значимыми признаются иные категории — религиозные, нравственные, этические и моральные нормы. В сознании большинства наших сограждан право и правовые категории — ограничители свободы и репрессивные механизмы, а не фундамент устройства справедливого общества⁹. Основными причинами подобного положения вещей являются: несогласованность действий государственных органов; несформированность правовой культуры; отсутствие надлежащего уровня правового образования и воспитания; отрицательный опыт по защите законных интересов, свобод и прав; несовершенство действующего законодательства и правовой системы.

Развитию правового нигилизма и правового негативизма способствует отсутствие предпосылок для формирования в сознании граждан и общества в целом авторитета права и его истинной ценности. Одной из характерных тенденций современности является подчиненность института права институту государства. Указание на эту тенденцию и ее последствия для права встречается во многих исследованиях. Так, встречается такая точка зрения, что вышеуказанная тенденция в нашем государстве сочетается со своеобразной «привычкой» игнорировать свободы и права личности, проявляющейся в разные исторические эпохи¹⁰. Также высказывается мнение о преобладании обычаев и традиций, укоренившихся в сознании российского общества, над правом и правовыми установлениями¹¹. И первая, и вторая точки зрения предполагают, что сложившееся отношение россиян к праву обусловлено историческими условиями. История государства шла таким путем, что авторитет государственных институтов всегда был достаточно высоким, чего нельзя сказать о праве и правовых институтах.

В настоящее время правовая культура, правосознание и право в целом — важные аспекты в общественном развитии. Ими определяются и формируются важные потребности общества, отражаются основы жизни, особенности и уникальность народа. Сами эти феномены изначально представляют собой базовые нравственные национальные установки и ценности. Личность человека формируется под влиянием востребованных и осознанных национальных ценностей. Эти ценности оказывают непосредственное влияние на формирование правосознания, правовой культуры и мировоззрения граждан. Под их влиянием формируется внутреннее отношение личности к настоящему, прошлому и будущему, развивается личная ответственность за обеспечение сохранности национального достояния и его приумножение¹².

В отечественной юридической доктрине помимо правового нигилизма и правового инфантилизма описаны и иные виды деформации правосознания, а именно: правовой фетишизм (отсутствие критического и разумного подхода к праву или феномен, при котором в индивидуальном или общественном сознании создается некий «культ»); правовой идеализм (идеализация права, уверенность в том, что право способно решать не только юридические, но и социальные проблемы, преувеличение его значимости); правовой негативизм (предпочтение иных регуляторов, не относящихся к праву, по причине сомнений в работоспособности и важности права); правовой дилетантизм (недостаточная информированность о праве и его возможностях); перерождение правосознания (правосознание человека меняется в сторону осознанного противопоставления себя требованиям и нормам права)¹³.

Выше уже говорилось о том, что в рамках исследования был проведен опрос, в котором приня-

9. Адельсеитова А.Б., Гуменюк Е.В. О деформации правосознания в условиях глобализации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 4. С. 3.

10. Дзанагова М.К., Бетеева М.М. Деформация правосознания. Причины и последствия // European research. 2016. №12 (23). С. 127.

11. Зурабова Х.М. Правосознание и его деформация // Евразийский научный журнал. 2017. № 2. С. 30.

12. Стуканов В.Г. Психологическая характеристика деформаций правосознания личности // Человек: преступление и наказание. 2017. № 3. С. 243.

13. Маслак Ю.А. Проблема деформации правосознания и пути ее преодоления // Огарев-Online. 2015. № 16 (57).

ли участие студенты, пенсионеры и работающие граждане (всего 167 чел.). По поводу проявлений вышеперечисленных разновидностей деформации правосознания были получены следующие результаты. Большинство опрошенных назвали административное законодательство удовлетворительным (48%). По мнению 30% респондентов, гражданское законодательство несправедливо, а 24% аналогичным образом отозвались об уголовном законодательстве. Не осведомлены о своих конституционных правах 17% опрошенных.

Итак, деформация правосознания – это форма общественного сознания, при которой наблюдается искажение правовых установок, чувств, ценностей, убеждений и взглядов, приводящее к неблагоприятным последствиям в правовой сфере. Разновидности деформации правосознания – правовой нигилизм; правовой инфантилизм; правовой фетишизм; правовой идеализм; правовой негативизм; правовой дилетантизм; перерождение правосознания.

Одним из актуальнейших вопросов в рассматриваемой сфере является вопрос о существовании комплексных предпосылок и причин существования деформации правосознания в целом, а не отдельных его разновидностей. Отечественные правоведы, посвятившие свои исследования изучению данного вопроса, выделяют несколько причин. Так, главной причиной называется сформированность в общественном и индивидуальном правосознании такой установки, что увеличение принимаемых на государственном уровне законов и нормативных актов – «панацея» от любых проблем социального характера.

Следует отметить, что вне зависимости от того, что стало причиной развития деформации правосознания, искажение восприятия норм права не позволяет сформироваться должному отношению к праву и правовым институтам.

В последние годы проблема деформации правосознания обрела особую остроту. Необходимость

борьбы с этим негативным явлением признается на высшем уровне. В 2011 г. Президент утвердил Основы государственной политики Российской Федерации. В данном документе делается акцент на таком способе повышения уровня правосознания населения, как развитие правовой грамотности и информированности граждан. Этот способ позволит эффективно бороться с разными формами деформации индивидуального и общественного правосознания. Конкретной реализацией этого способа предполагается правовое информирование населения через правовое информирование (использование разных способов и средств распространения правовой информации) и увеличение объема правовых знаний в образовательных учреждениях.

Таким образом, для эффективной борьбы с деформацией правосознания общества и отдельных граждан необходимо обеспечить связь между уровнем индивидуального правосознания, правовой культурой и качеством правового информирования. Стремление к исполнению закона развивается из знания – не зная содержание закона, невозможно его уважать и исполнять. Правовое информирование и правовое воспитание должны стать обязательной частью обучения в учебных заведениях любого уровня. При таком подходе будут созданы условия для содействия правильному осознанию гражданами своих прав и требований, предъявляемых правом. Это окажет позитивное воздействие на развитие адекватного отношения граждан к праву.

Правовые знания, безусловно, обладают воспитательными функциями. Однако не стоит их переоценивать, считая, что они обладают решающим значением в формировании правопослушного поведения и индивидуального правосознания граждан. Правовые знания должны превратиться в устойчивые, глубокие внутренние убеждения личности, применяемые в повседневном правовом поведении.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Адельсеитова А.Б., Гуменюк Е.В. О деформации правосознания в условиях глобализации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 4. С. 3-8.
2. Батанов А.А. Понятие правового сознания в отечественной психологии // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. № 4-1. С. 89-93.
3. Дзанагова М.К., Бетеева М.М. Деформация правосознания. Причины и последствия // European research. 2016. № 12 (23). С. 127-128.
4. Дроздова А.М., Ковалев В.В. О некоторых аспектах деформации личностного и общественного правосознания // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. № 2. С. 13-19.
5. Зурабова Х.М. Правосознание и его деформация // Евразийский научный журнал. 2017. № 2. С. 30-31.
6. Кabanenko М.С. Деформация конституционного правосознания // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2013. №1 (34). С. 14-19.
7. Маслак Ю.А. Проблема деформации правосознания и пути ее преодоления // Ogarev-Online. 2015. № 16 (57). С. 6.
8. Муслумов Р.Р. Правовое сознание личности: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. 83 с.
9. Осипов Р.А. Правовая информированность и правосознание граждан: вопросы теории: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 215 с.
10. Руденко К.И. Факторы деформации правосознания молодежи // Теория и практика общественного развития. 2015. № 9. С.17-20.
11. Сенин И.Н. Деформации правосознания и пути их преодоления // Эпоха науки. 2017. № 12. С. 87-91.
12. Стругова Е.В. О правосознании и его деформации // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 41-48.
13. Стуканов В.Г. Психологическая характеристика деформаций правосознания личности // Человек: преступление и наказание. 2017. № 3. С. 241-245.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Adel'seitova A.B., Gumenyuk E.V. O deformatsii pravosoznaniya v usloviyah globalizatsii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2019. № 4. S. 3-8.
2. Batanov A.A. Ponyatie pravovogo soznaniya v otechestvennoj psihologii // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN. 2009. № 4-1. S. 89-93.
3. Dzanagova M.K., Beteeva M.M. Deformatsiya pravosoznaniya. Prichiny i posledstviya // European research. 2016. № 12 (23). S. 127-128.
4. Drozdova A.M., Kovalev V.V. O nekotoryh aspektah deformatsii lichnostnogo i obshchestvennogo pravosoznaniya // YUridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 2. S. 13-19.
5. Zurabova H.M. Pravosoznanie i ego deformatsiya // Evrazijskij nauchnyj zhurnal. 2017. № 2. S. 30-31.
6. Kabanenko M.S. Deformatsiya konstitucionnogo pravosoznaniya // Vestnik OmGU. Seriya. Pravo. 2013. № 1 (34). S. 14-19.
7. Maslak YU.A. Problema deformatsii pravosoznaniya i puti ee preodoleniya // Ogarev-Online. 2015. № 16 (57). S.6.
8. Muslumov R. R. Pravovoe soznanie lichnosti: ucheb. posobie. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2013. 83 s.
9. Osipov R.A. Pravovaya informirovannost' i pravosoznanie grazhdan: voprosy teorii: dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2018. 215 s.
10. Rudenko K.I. Faktory deformatsii pravosoznaniya molodezhi // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2015. № 9. S.17-20.
11. Senin I.N. Deformatsii pravosoznaniya i puti ih preodoleniya // Epoha nauki. 2017. № 12. S. 87-91.
12. Strugova E.V. O pravosoznanii i ego deformatsii // YUridicheskaya nauka. 2016. № 1. S. 41-48.
13. Stukanov V.G. Psihologicheskaya harakteristika deformatsij pravosoznaniya lichnosti // CHelovek: prestuplenie i nakazanie. 2017. № 3. S. 241-245.

А.В. ТУРКИН

Субъект преступления, предусмотренного ст. 200.3 УК РФ

АННОТАЦИЯ. В статье представлены результаты исследования признаков субъекта преступления, предусмотренного ст. 200.3 УК РФ. Доказано, что уголовную ответственность за незаконное привлечение денежных средств для долевого строительства должны нести не только руководители организации – застройщика, но физические лица и индивидуальные предприниматели. Привлечение средств дольщиков указанными лицами – это грубейшее, наиболее опасное нарушение требований Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ, которое автоматически влечет другие нарушения – физические лица и индивидуальные предприниматели не вправе заключать договоры долевого строительства, не могут получить разрешение на строительство многоквартирного дома, не выполняют обязанность по уплате отчислений (взносов) в компенсационный фонд и размещению денежных средств участников долевого строительства на счетах эскроу и т.д. Уголовное законодательство не может игнорировать общественную опасность этих действий. Поэтому при конструировании уголовно-правового запрета, предусмотренного ст. 200.3 УК РФ, законодатель отказался от регламентации дополнительных признаков субъекта преступления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ст. 200.3 УК РФ, незаконное привлечение денежных средств для долевого строительства, субъект преступления.

ТУРКИН АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ – генеральный директор холдинга «РСТИ» в Москве, магистрант Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: a.v.turkin@yandex.ru).

В теории уголовного права подчеркивается, что признаки состава преступления тесно взаимосвязаны между собой. Как известно, «содержание и направленность преступления всегда определяется внутренними потребностями субъекта, свойствами его личности; во внешнем деянии человека всегда проявляется его внутренне отношение к миру, к обществу, к другим членам общества»¹. Иными словами, субъективные признаки преступления определяют содержание его объективных характеристик, что отражается в составе преступного деяния. И наоборот: специфика объективных признаков состава неизбежно отражается на содержании его субъективных признаков (например, содержание объекта и объективной стороны состава преступления определяют признаки субъекта преступления, формальная конструкция состава определяет форму и вид вины).

Взяв за основу этот теоретический постулат, приступим к изучению признаков субъекта преступления, предусмотренного ст. 200.3 УК РФ (привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости).

В первую очередь, необходимо выяснить, какие лица могут нести уголовную ответственность за преступление, предусмотренное ст. 200.3 УК РФ. Понятно, что в качестве субъекта исследуемого преступления может выступать лишь физическое лицо (поскольку УК РФ не предусматривает ответственности юридических лиц²), обладающее вменяемостью и достигшее возраста уголовной ответственности (из предписаний ст. 20 УК РФ следует, что уголовной ответственности по ст. 200.3 УК РФ подлежит лицо, достигшее ко времени

1. Пудовочкин Ю.Е., Дорогин Д.А. Учение о преступлении и о составе преступления: учеб. пособие. М.: РГУП, 2017. С. 38.

2. Майорова Е.И., Яковлева Л.В. Уголовно-правовые средства охраны прав граждан – участников долевого строительства многоквартирных домов (ст. 200.3 УК РФ) // Российский следователь. 2018. № 3. С. 62-66.

совершения преступления шестнадцатилетнего возраста).

К сожалению, на этом «зона согласия» исследователей заканчивается; далее начинаются споры относительно достаточности вышеперечисленных общих признаков субъекта преступления для привлечения к уголовной ответственности по ст. 200.3 УК РФ.

Некоторые специалисты считают, что субъект преступления, предусмотренного ст. 200.3 УК РФ, должен обладать не только общими признаками, указанными в ст. 19 УК РФ, но и дополнительными характеристиками. Таким образом, сторонники этого подхода исходят из того, что субъект рассматриваемого преступления является специальным. Обосновывая эту позицию, В.В. Власенко пишет: «С учетом специфики деяния, предусмотренного ст. 200.3 УК РФ, субъект преступления является специальным. Исходя из анализа положений Закона субъектом этого преступления является лицо, обладающее в юридическом лице — застройщике — управленческими функциями, связанными с реализацией права на привлечения денежных средств у лиц по договору о долевом строительстве, — руководитель застройщика (ст. 3.2). В качестве руководителя застройщика могут выступать следующие лица: 1) член коллегиального исполнительного органа застройщика; 2) лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа застройщика; 3) руководитель управляющей компании, если она осуществляет функции единоличного исполнительного органа застройщика; 4) лицо, выполняющее функции временного единоличного исполнительного органа застройщика»³.

Обратим внимание, что представленная В.В. Власенко характеристика субъекта преступления, предусмотренного ст. 200.3 УК РФ, базируется на предписаниях Федерального

закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ. Дело в том, что указанный закон устанавливает законный порядок привлечения денежных средств граждан для долевого строительства многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости. Что же касается ст. 200.3 УК РФ, то она предусматривает ответственность за привлечение денежных средств граждан для долевого строительства в нарушение установленного порядка, т.е. за незаконное привлечение денежных средств граждан для долевого строительства. Одним из таких нарушений является привлечение денежных средств дольщиков лицом, которое не соответствует нормативным требованиям к застройщику, в том числе и требованиям, касающимся организационно-правовой формы застройщика.

По данным криминалистического исследования, проведенного С.А. Григоряном, незаконное привлечение денежных средств для долевого строительства в 12,8% случаев осуществлялось индивидуальными предпринимателями или физическими лицами, не имеющими предпринимательского статуса⁴. И если придерживаться вышеизложенного подхода, с точки зрения которого уголовную ответственность по ст. 200.3 УК РФ могут нести лишь руководители организации — застройщика, то придется признать, что подобные деяния вообще не влекут уголовной ответственности.

Однако выведение из сферы применения ст. 200.3 УК РФ физических лиц и индивидуальных предпринимателей, незаконно привлекающих денежные средства дольщиков, было бы явно несправедливым. Привлечение средств дольщиков указанными лицами — это грубейшее, наиболее опасное нарушение требований Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ, которое автоматически влечет другие нарушения — физические лица и индиви-

3. Власенко В.В. Привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства РФ об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости (ст. 200.3 УК РФ): вопросы уголовной ответственности и освобождения от нее // Уголовное право. 2018. № 1. С. 27-32.

4. Григорян С.А. Совершенствование методики расследования преступлений в сфере долевого строительства жилья и иных объектов недвижимости: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2021. С. 82.

дуальные предприниматели не вправе заключать договоры долевого строительства, не могут получить разрешение на строительство многоквартирного дома, не выполняют обязанность по уплате отчислений (взносов) в компенсационный фонд и размещению денежных средств участников долевого строительства на счетах эскроу и т.д.

Уголовное законодательство не может игнорировать общественную опасность этих действий. Поэтому при конструировании уголовно-правового запрета, предусмотренного ст. 200.3 УК РФ, законодатель отказался от регламентации дополнительных признаков субъекта преступления. Причем такое решение представляется вполне обоснованным, ведь специализация субъекта неизбежно привела бы к неоправданному сужению сферы применения ст. 200.3 УК РФ.

Таким образом, следует признать, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 200.3 УК РФ, является любое физическое вменяемое лицо, достигшее ко времени совершения преступления 16-летнего возраста (общий субъект), в том числе лицо, которое осуществляло привлечение денежных средств для долевого строительства без соблюдения требований к организационно-правовой форме застройщика (физическое лицо, индивидуальный предприниматель).

Впрочем, сделанный вывод окончательно не снимает вопрос о круге лиц, подлежащих ответственности по ст. 200.3 УК РФ. Если привлечение денежных средств для долевого строительства осуществляли индивидуальный предприниматель или физическое лицо, не обладающее предпринимательским статусом, этот вопрос разрешается довольно просто — указанные лица и должны нести ответственность по ст. 200.3 УК РФ. Сложности возникают в той ситуации, когда денежные средства дольщиков привлекаются организацией — застройщиком, ведь в этом случае необходимо

определить, какое физическое лицо (одно или несколько) должно нести уголовную ответственность по ст. 200.3 УК РФ.

Этот непростой вопрос приобретает сквозной характер для многих экономических преступлений. Если преступление связано с деятельностью коммерческой организации, то при определении круга физических лиц, подлежащих ответственности, нужно обеспечить «логически стройный и юридически корректный переход от нарушения запрета, адресованного в конечном итоге юридическому лицу (платить налоги, не заниматься монополистической деятельностью, сберегать конкурсную массу при банкротстве и т.п.), к физическому лицу, которому нарушение запрета может быть поставлено в вину»⁵.

Ориентиром для правоприменительных органов в этом плане служит правовая позиция высшей судебной инстанции, зафиксированная в абз. 2 п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве»: «При осуществлении организацией (независимо от формы собственности) незаконной предпринимательской деятельности ответственности по статье 171 УК РФ подлежит лицо, на которое в силу его служебного положения постоянно, временно или по специальному полномочию были непосредственно возложены обязанности по руководству организацией (например, руководитель исполнительного органа юридического лица либо иное лицо, имеющее право без доверенности действовать от имени этого юридического лица), а также лицо, фактически выполняющее обязанности или функции руководителя организации».

Руководствуясь этим общим посылом, субъекты правоприменительной деятельности исходят из того, что к уголовной ответственности по ст. 200.3 УК РФ должно привлекаться одно или несколько лиц из числа руководи-

5. Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть: монография / Г.А. Есаков; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 218.

телей организации-застройщика. Чаще всего (94% изученных приговоров) к уголовной ответственности по ст. 200.3 УК РФ привлекается лицо, наделенное полномочиями по заключению от имени организации-застройщика договора, на основании которого осуществляется привлечение денежных средств участников долевого строительства. Наличие таких полномочий необходимо расценивать как выполнение организационно-распорядительных функций, в связи с чем соответствующее лицо приобретает статус лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой организации (см. п. 1 примечания к ст. 201 УК РФ). Указанными полномочиями обладает руководитель исполнительного органа организации-застройщика (как правило, генеральный директор) либо иное лицо, которое наделено соответствующими полномочиями на основании доверенности.

Так, например, Ленинский районный суд города Кирова признал несостоятельной ссылку стороны защиты на то, что подсудимый, занимавший в ООО «...» должность технического директора, не является субъектом предусмотренного ст. 200.3 УК РФ преступления. Вопреки доводам защиты в ст. 200.3 УК РФ не предусмотрены признаки специального субъекта преступления, которым может быть любое лицо. Как установлено в судебном следствии, подсудимый в период совершения преступления в соответствии с выданными ему доверенностями имел полномочия на представление интересов ООО «...» перед всеми физическими и юридическими лицами, заключение любых сделок и договоров, пользование и распоряжение всеми счетами организации, внесение и получение денежных средств в любом количестве, которые и использовал для совершения указанных в описательной части приговора действий по привлечению денежных

средств потерпевших с нарушением положений Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ⁶.

Более того, некоторые правоприменители считают, что лицо может признаваться субъектом исследуемого преступления только в том случае, если оно подписывало договор, послуживший основанием для привлечения денежных средств участников долевого строительства. Руководствуясь этой логикой, они считают, что лицо, которое не подписывало соответствующие договоры, не подлежит уголовной ответственности по ст. 200.3 УК РФ. Этот подход получил отражение в ряде судебных решений.

Так, например, Второй кассационный суд общей юрисдикции, отменяя обвинительный приговор и Определение суда апелляционной инстанции, указал следующее. Суд апелляционной инстанции не привел фактические данные и не сослался на конкретные правовые нормы, опровергающие позицию стороны защиты о том, что состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 200.3 УК РФ, отсутствует, поскольку подсудимый не является субъектом преступления и не заключал договоры с гражданами об участии в долевом строительстве. Все действия по организации процедуры строительства и документации выполняли другие лица. Подсудимый, являясь директором организации, не заключал договоры долевого участия в строительстве многоквартирных домов, а заключал договоры подряда, согласно которым в компетенцию подрядчика входило только выполнение строительных работ⁷.

Представляется, что этот правоприменительный подход необоснованно сужает круг потенциальных субъектов преступления, предусмотренного ст. 200.3 УК РФ. Следует учитывать, что объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 200.3 УК РФ, образуют не только заключение (под-

6. Приговор Ленинского районного суда города Кирова от 20.09.2021 по делу № 1-288/2021 // URL: www.consultant.ru.

7. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 09.06.2022 № 77-1804/2022 // URL: www.consultant.ru; апелляционное постановление Карачевского районного суда Брянской области от 05.04.2017 по делу № 10-2/2017 // URL: www.consultant.ru.

писание) договора долевого строительства или суррогатного договора, но и получение денежных средств для долевого строительства в наличном или безналичном виде на основании соответствующего договора. Более того, в отдельных случаях в объективную сторону исследуемого преступления входит деяние — способ, в качестве которого выступает обман или безобманное убеждение. А значит, исполнителем преступления может выступать не только руководитель, который заключил договор от имени организации-застройщика, но и лицо, фактически получившее денежные средства в наличном виде или безналичном виде (например, кассир, при условии его осведомленности о незаконности деятельности по привлечению средств дольщиков), а также лицо, сообщавшее заведомо ложные сведения дольщикам или убеждавшее их внести деньги для долевого строительства.

Предложенный подход полностью согласуется с теоретическим учением о соучастии в преступлении. Уголовно-правовая доктрина признает исполнителем (соисполнителем) лицо, которое «выполняет деяние, образующее элемент объективной стороны преступления»⁸. Подчеркнем: исполнитель полностью или частично выполняет объективную сторону преступления, которая может быть намного шире границ объективной стороны состава преступления.

В подтверждение этому можно привести множество примеров:

— с момента нападения объективная сторона состава разбоя считается полностью выполненной, а разбой признается юридически оконченным (п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»). При этом объективная сторона конкретного преступления, предусмотренного ст. 162 УК РФ, помимо нападения включает в себя завладение чужим имуществом. Исходя

из этого, в п. 14.1 постановления Пленума от 27.12.2002 № 29 разъясняется, что лица, которые присоединились к эксцессу исполнителя, воспользовавшись примененным им насилием, опасным для жизни или здоровья, для завладения имуществом потерпевшего или удержания этого имущества, признаются соисполнителями разбоя;

— соучастник кражи, который подстраховывал других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления, не принимая непосредственного участия в изъятии имущества, признается соисполнителем кражи (п. 10 постановления Пленума от 27.12.2002 № 29), хотя в объективную сторону состава кражи эти действия не входят;

— лицо, которое удерживало потерпевшего в то время, как иные лица наносили летальные повреждения, признается соисполнителем убийства, хотя состав убийства эти действия не предусматривает.

Приведенные примеры убеждают, что круг возможных субъектов (исполнителей) преступления, предусмотренного ст. 200.3 УК РФ, нужно устанавливать с учетом содержания объективной стороны конкретного посягательства. При этом необходимо учитывать, что она включает не только основное преступное действие, состоящее, как правило, из двух элементов (заключение договора и получение денег), но действие — способ, в качестве которого могут выступать обман и безобманное убеждение. Все лица, выполнившие указанные действия, должны признаваться соисполнителями преступления, вне зависимости от их должностного статуса в организации-застройщике.

Отдельного рассмотрения заслуживает крайне непростой вопрос о квалификации действий фактического руководителя организации — застройщика, осуществлявшего стратегическое и оперативное управление посредством подконтрольного ему номинального руководите-

⁸ Украинчик А.В. Исполнитель преступления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 42, 46.

ля, который подписывал договоры долевого строительства (суррогатные договоры)⁹.

Уголовно-правовая оценка его действий зависит от следующих ключевых факторов: субъективное отношение номинального руководителя к незаконной деятельности по привлечению денежных средств для долевого строительства (осознавал ее незаконность или не осознавал); форма соучастия в преступлении. С учетом этих критериев возможны следующие варианты квалификации:

1) если номинальный руководитель действовал невиновно, т.е. не осознавал преступный характер деятельности по привлечению денежных средств граждан для долевого строительства, то он не подлежит ответственности по ст. 200.3 УК РФ. В таком случае фактический руководитель в силу ч. 2 ст. 33 УК РФ признается посредственным исполнителем преступления;

2) если номинальный руководитель, выполняя объективную сторону предусмотренного ст. 200.3 УК РФ преступления (подписывая договоры, принимая денежные средства от дольщиков), осознавал преступный характер деятельности по привлечению денежных средств граждан для долевого строительства, то он признается исполнителем (соисполнителем) этого преступления¹⁰. Фактический руководитель застройщика в этом случае признается организатором преступления, предусмотренного ст. 200.3 УК РФ (за исключением случаев, когда он одновременно выступает в качестве соисполнителя, например, лично получает деньги от дольщиков). Если же при таком распределении преступных функций соучастники действовали в составе организованной группы, то каждый из соучастников, включая фактического руководителя, должен признаваться соисполнителем преступления¹¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Власенко В.В. Привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства РФ об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости (ст. 200.3 УК РФ): вопросы уголовной ответственности и освобождения от нее // Уголовное право. 2018. № 1. С. 27-32.
2. Григорян С.А. Совершенствование методики расследования преступлений в сфере долевого строительства жилья и иных объектов недвижимости: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2021.
3. Есаков Г.А. Уголовное и корпоративное законодательство: современные точки соприкосновения (на примере субъекта преступления) // Закон. 2018. № 10. С. 38-49.
4. Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть: монография / Г.А. Есаков; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.
5. Майорова Е.И., Яковлева Л.В. Уголовно-правовые средства охраны прав граждан – участников долевого строительства многоквартирных домов (ст. 200.3 УК РФ) // Российский следователь. 2018. № 3. С. 62-66.
6. Пудовочкин Ю.Е., Дорогин Д.А. Учение о преступлении и о составе преступления: учеб. пособие. М.: РГУП, 2017.
7. Украинчик А.В. Исполнитель преступления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.

⁹ Вывод о том, что лицо являлось фактическим руководителем организации-застройщика, должен подтверждаться совокупностью объективных обстоятельств. К ним, в частности, можно отнести: доминирующее участие в уставном капитале организации-застройщика; стратегическое и оперативное руководство застройщиком; отдачу обязательных для выполнения распоряжений номинальному руководителю; принятие решений, касающихся хозяйственной деятельности общества (напрямую или через промежуточных юридических лиц); отсутствие у номинального руководителя реальных управленческих полномочий; извлечение выгоды от деятельности организации-застройщика; возможность определять (контролировать) деятельность формально отделенных от него экономических субъектов (см.: Есаков Г.А. Уголовное и корпоративное законодательство: современные точки соприкосновения (на примере субъекта преступления) // Закон. 2018. № 10. С. 38-49).

¹⁰ При этом тот факт, что номинальный руководитель выполнял распоряжения фактического руководителя, не исключает уголовной ответственности в силу ст. 42 УК РФ.

¹¹ В судебной практике выработано правило, согласно которому преступные действия всех участников организованной группы независимо от их роли в совершении преступления подлежат квалификации как соисполнительство без ссылки на статью 33 УК РФ (п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»).

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Vlasenko V.V. Privlecheniye denezhnykh sredstv grazhdan v narusheniye trebovaniy zakonodatelstva RF ob uchastii v dolevom stroitelstve mnogokvartirnykh domov i (ili) inykh obyektov nedvizhimosti (st. 200.3 UK RF): voprosy ugovolnoy otvetstvennosti i osvobozhdeniya ot neye // Ugolovnoye pravo. 2018. № 1. S. 27-32.
2. Grigoryan S.A. Sovershenstvovaniye metodiki rassledovaniya prestupleniy v sfere dolevogo stroitelstva zhilia i inykh obyektov nedvizhimosti: dis. ... kand. jurid. nauk. Ufa. 2021.
3. Esakov G.A. Ugolovnoye i korporativnoye zakonodatelstvo: sovremennyye tochki soprikosnoveniya (na primere subyekta prestupleniya) // Zakon. 2018. № 10. S. 38-49.
4. Esakov G.A. Ekonomicheskoye ugovolnoye pravo: Obshchaya chast: monografiya / G.A. Esakov; Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». 2-e izd. M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki. 2020.
5. Mayorova E.I., Yakovleva L.V. Ugolovno-pravovyye sredstva okhrany prav grazhdan – uchastnikov dolevogo stroitelstva mnogokvartirnykh domov (st. 200.3 UK RF) // Rossiyskiy sledovatel. 2018. № 3. S. 62-66.
6. Pudovochkin Yu.E., Dorogin D.A. Ucheniye o prestuplenii i o sostave prestupleniya: ucheb. posobiye. M.: RGUP. 2017.
7. Ukrainchik A.V. Iсполнител prestupleniya: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2021.

РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

**Нотариат: учебное пособие для студентов вузов,
обучающихся по направлению «Юриспруденция» /
под науч. ред. Г.Б. Мирзоева, Н.Д. Эриашвили.
М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2022. 399 с.**

ШАГИЕВА РОЗАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры частного права Государственного университета управления, профессор кафедры гражданского права Российской таможенной академии;

КОСАРЕНКО НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

Нотариат в Российской Федерации в условиях развития гражданского общества призван обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации. В наши дни нотариат стал эффективным, востребованным институтом гражданского оборота.

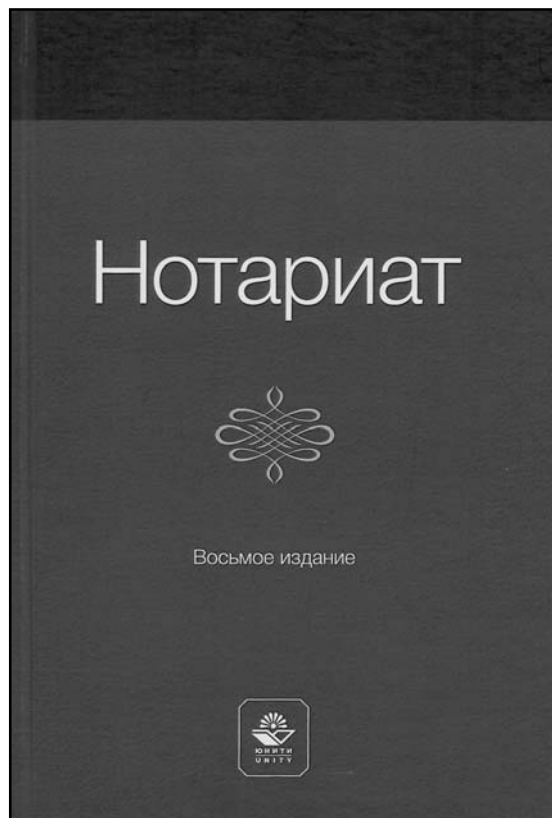
Качественной профессиональной подготовке нотариусов в настоящее время уделяется особое внимание, чему способствуют введение учебной дисциплины «Нотариат в Российской Федерации», издание различных монографий, учебников, учебных пособий, публикация научных статей.

В 2022 году в издательстве ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право вышло 8-е издание, переработанное и дополненное, учебное пособие «Нотариат» под научной редакцией Г.Б. Мирзоева и Н.Д. Эриашвили.

Нотариат как учебная дисциплина (учебный курс) – это систематизированная для оптимизации процесса обучения информация (учебный материал) о нотариате как науке, ее основных постулатах и правовых категориях. В новом издании учтены последние изменения в законодательстве о нотариате и проанализированы новые нормативные акты, относящиеся к нотариальной деятельности.

Предмет учебного курса «Нотариат в Российской Федерации» включает в себя изучение правовых основ и статуса нотариуса и нотариальной деятельности, формирование определений терминов «нотариат», «нотариальная деятельность», выявление их существенных признаков, сравнительный анализ деятельности нотариата в России и зарубежных странах, рассмо-

трение принципов организации нотариата, особенностей роли нотариуса в судопроизводстве, а также этических основ и стандартов профессиональной деятельности нотариуса.

Согласно ст. 2 Основ законодательства РФ о нотариате, при совершении нотариальных действий нотариусы обладают равными правами и несут одинаковые обязанности независимо от того, работают они в государственной нотариальной конторе или занимаются частной практикой.

В соответствии со ст. 15 Основ законодательства РФ о нотариате нотариусы имеют право: совершать предусмотренные законодательством нотариальные действия; составлять проекты сделок; изготавливать копии документов и выписки из них; давать разъяснения по вопросам совершения нотариальных действий; истребовать от физических и юридических лиц сведения и документы, необходимые для совершения нотариальных действий, и др.

Обязанности нотариусов указаны в ст. 16 Основ законодательства РФ о нотариате: оказывать физическим и юридическим лицам содействие в осуществлении их прав и защите законных интересов; разъяснять клиентам права и обязанности, предупреждать о последствиях совершаемых нотариальных действий; хранить в тайне сведения, предоставленные им в связи с осуществлением профессиональной деятельности; отказывать в совершении нотариальных действий, заведомо противоречащих действующему законодательству.

Авторы данной книги рассматривают нотариат в двух аспектах: как науку и учебную дисциплину. Как справедливо они отмечают, наука – это система знаний, т.е. понятий, положений и выводов, о нотариате как институте гражданского общества, а также система деятельности государственных органов и должностных лиц, на которых нормативными правовыми актами возложена обязанность по совершению нотариальных действий от имени Российской Федерации. Наука о нотариате – одна из специальных отраслей (подотраслей) российской юридической науки.

Предметом данной науки являются нормативные правовые акты России и субъектов РФ о нотариате как системе государственных органов и должностных лиц, их деятельности, а также практика применения этих нормативных актов, история развития нотариата, опыт развития нотариата и законодательства о нотариате в зарубежных правовых порядках.

Наукой о нотариате разрабатываются и обосновываются научные положения, правовые категории и конструкции, которые используются в дальнейшем в процессе нормотворчества и становятся теоретиче-

ской базой для нормативных правовых актов. При этом следует отметить, что сами по себе положения и выводы правовой науки не имеют нормативного, общеобязательного характера.

Учебный курс «Нотариат в Российской Федерации» включает в себя учебный и практический материал по таким основным темам, как сущность нотариата в Российской Федерации; организация нотариата в Российской Федерации; нотариальные палаты; учреждение и ликвидация должности нотариуса; стажер и помощник нотариуса; нотариальное делопроизводство; сущность нотариальных действий; отдельные виды нотариальных действий; нотариальное оформление наследственных прав граждан; нотариальная деятельность при отчуждении долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью; международно-правовая деятельность нотариуса; нравственные основы нотариальной деятельности.

Учебная дисциплина «Нотариат в Российской Федерации» содержит обобщенные и систематизированные сведения о правовых явлениях, понятиях, категориях, связанных с нотариатом как институтом гражданского общества и нотариальной деятельностью, а его изучение позволяет понимать не только содержание, но и смысл правового регулирования отношений с участием нотариусов, грамотно оценивать и анализировать достоинства и недостатки действующей правовой регламентации данных общественных отношений.

Следует заметить, что в последнее время не мало существенных изменений внесено в ГК РФ, Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и иные правовые акты.

Появились новые нотариальные действия, введена единая информационная система нотариата, регламентирован электронный документооборот в нотариате, существенно изменены правила об удостоверении сделок о залоге и др. Важным нововведением стали правила о нотариальном удостоверении принятия общим собранием участников хозяйственного общества решения и состава участников общества, присутствовавших при его принятии. Все эти и многие другие изменения в правовом регулировании нотариата учтены в настоящем пособии.

Предназначена для студентов и аспирантов юридических вузов, а также руководителей хозяйствующих субъектов.

В СВЕТЕ СОБЫТИЙ

На сессии XI ПМЮФ «Юридическое образование: проблемы и перспективы»

12 мая 2023 г. в рамках XI Петербургского международного юридического форума прошла сессия «Юридическое образование: проблемы и перспективы».

В работе сессии приняли участие ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, президент Международной ассоциации русскоязычных адвокатов (МАРА), президент Гильдии российских адвокатов, Заслуженный юрист РФ, Почетный работник сферы образования РФ, профессор Г.Б. Мирзоев и исполнительный вице-президент – руководитель аппарата МАРА, заместитель президента ГРА А.Е. Зимин.

Модератором сессии «Юридическое образование: проблемы и перспективы» выступил председатель Ассоциации юристов России, председатель попечительского совета ППК «Фонд развития территорий» С.В. Степашин.

На сессиях выступили Полномочный представитель Правительства РФ в Конституционном Суде РФ и Верховном Суде РФ М.Ю. Барщевский, министр науки и высшего образования РФ В.Н. Фальков, первый заместитель министра юстиции РФ Е.Л. Забарчук, председатель Комитета Государственной Думы ФС РФ по науке и высшему образованию С.В. Кабышев, ректор Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) В.В. Блажеев, руководители вузов и крупных юридических компаний.

Участники сессии отметили, что юридическое образование является важной составляющей развития правосознания и правовой культуры, а уровень квалификации профессиональных юридических кадров напрямую влияет практически на все сферы жизни общества и государства.

Правовая система постоянно требует наличия при-

тока квалифицированных юридических кадров, обладающих высоким уровнем профессионализма и компетенции. В свою очередь большую роль в оценке юридического образования играют работодатели, а востребованность и заинтересованность в кадрах может рассматриваться как доверие к квалификации.

С какими основными проблемами сталкивается юридическое образование? Как оценить реальный уровень юридического образования в России? Какие перспективы есть у национальной системы юридического образования и что необходимо для ее развития? Эти и другие вопросы были в фокусе внимания участников сессии «Юридическое образование: проблемы и перспективы».

Праздничный концерт в РААН ко Дню Победы

12 мая 2023 г. в Российской академии адвокатуры и нотариата студенты 1-го и 2-го курсов колледжа и 1-го курса РААН под руководством специалиста по воспитательной работе О.И. Кочергиной выступили с праздничным концертом, приуроченным ко Дню Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов.

В исполнении студентов прозвучали известные песни и стихотворения на тему Великой Отечественной войны. О.И. Кочергина исполнила композицию «Ах, эти тучи в голубом».

В завершение концерта студенты исполнили марш «День Победы», все зрители присоединились к номеру и поддержали выступающих хорovým пением.

Подведены итоги XI Петербургского международного юридического форума

13 мая 2023 г. завершил свою работу XI Петербургский международный юридический форум – крупнейшая юридическая площадка для профессиональных дискуссий по вопросам защиты прав и интересов граждан, бизнеса, совершенствования правоприменительной практики, продвижения законодательных инициатив в целях развития правовой культуры.

В работе Форума приняли участие президент Международной ассоциации русскоязычных адвокатов (МАРА), председатель Международного совета российских соотечественников (МСРС), президент Гильдии российских адвокатов (ГРА), член Совета ФПА РФ, Почетный работник юстиции РФ, заслуженный юрист РФ, д.ю.н., профессор Г.Б. Мирзоев, исполнительный вице-президент – руководитель аппарата МАРА, заместитель президента ГРА А.Е. Зимин, исполнительный вице-президент ГРА, руководитель объединенной Пресс-службы ГРА, МАРА, МСРС и РААН В.Н. Еремченко.

Более 3800 участников из 54 стран, включая Россию, посетили мероприятие для того, чтобы обсудить важнейшие правовые вопросы и высказать свои предложения по даль-

нейшему развитию и укреплению международного права. Для сравнения: в 2022 году в Форуме приняли участие 3000 участников из России и 45 иностранных государств.

XI ПМЮФ посетили руководители высших органов власти из 36 иностранных государств. Участие в работе Форума приняли 20 министров юстиции, руководители высших судебных инстанций 10 иностранных государств, 5 глав международных организаций и объединений, а также 6 глав дипломатического корпуса.

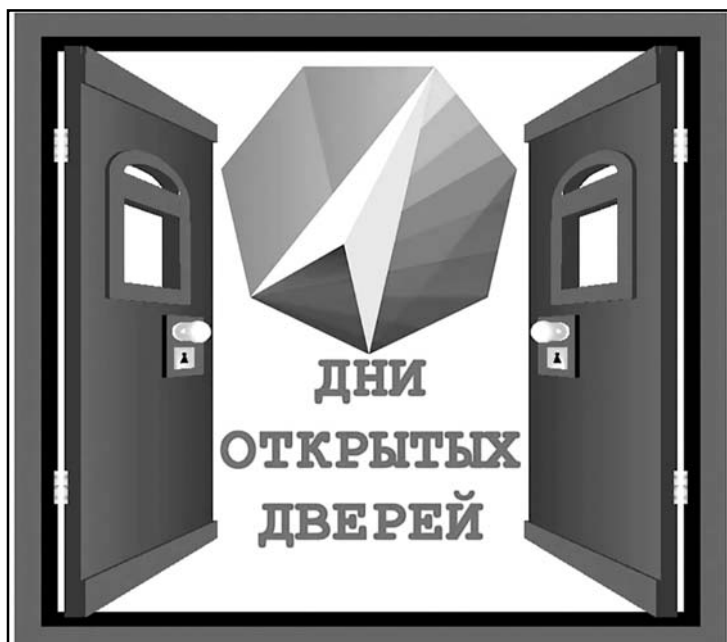
В работе XI ПМЮФ приняли участие 17 сенаторов Российской Федерации, а также 23 депутата Государственной Думы ФС РФ.

За четыре дня было проведено свыше 150 мероприятий деловой программы, охвативших широкий спектр правовых тем, а в дискуссиях поучаствовали более 500 спикеров, из них 300 человек присутствовали в очном формате.

В рамках XI Петербургского международного юридического форума подписано 15 соглашений, договоров и меморандумов.

Дни открытых дверей

27 мая 2023 г. в Российскую академию адвокатуры и нотариата на День открытых дверей были приглашены выпускники школ, их родители.

Наша академия — это эффективная система непрерывного образования, которая включает программы среднего профессионального образования, бакалавриата, магистратуры, аспирантуры, а также программы повышения квалификации и дополнительного образования.

Диплом юриста открывает большие перспективы для старта успешной карьеры. Есть бюджетные места!

«Медиация. Базовый онлайн-курс»

Российская академия адвокатуры и нотариата (РААН) приглашает пройти дистанционный курс профессиональной переподготовки **по программе «Медиация. Базовый онлайн-курс»** в объеме 252 часов. Занятия прошли в онлайн-формате в период **с 30 мая по 10 июля 2022 г.**

Обучение позволяет освоить новую профессию медиатора, получить теоретические и практические знания в области проведения процедуры медиации, расширить свой профессиональный инструментарий, дополнив его новыми навыками в области коммуникации, урегулирования споров и ведения переговоров.

По результатам прохождения курса выдается диплом о профессиональной переподготовке с присвоением квалификации «Специалист в области медиации. Медиатор», с внесением данных в Федеральный реестр сведений о документах об образовании, дающий право осуществлять деятельность в качестве профессионального медиатора. Слушатели, прошедшие обучение, имеют возможность войти в состав медиаторов Института медиации РААН и Союза медиаторов Международной ассоциации русскоязычных адвокатов.

Тренер курсов: заместитель директора Института медиации РААН, председатель Союза медиаторов Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, тренер-медиатор, Почетный адвокат России, профессиональный психолог Елена Николаевна Сенина.

Форма обучения: дистанционная.

Продолжительность курса: шесть недель (в будни слушатели курса могут в удобное время просматривать видеолекции, знакомиться с литературой, выполнять задания; по субботам проводятся интерактивные занятия в формате вебинаров с 10.00 до 17.00 с перерывом на обед).

Формат: лекционные материалы в записи, выполнение заданий, интерактивные методы обучения (аквариум, интеллектуальная карта, тренинги) в формате вебинаров.

Программа курса:

- Медиация как форма урегулирования конфликта и способ разрешения споров;
- Техники коммуникации;
- Конфликт: основы анализа;
- Переговоры: техники подготовки и ведения;
- Стадии медиации;
- Процессуальные вопросы применения медиации в гражданском судопроизводстве.

Ознакомиться с более подробной информацией и записаться на обучение можно, пройдя по ссылке s-elena-lawyer.com/leto2022.

The annotated contents of the magazine

G.B. Mirzoev

MECHANISMS FOR OVERCOMING RUSSOPHOBIA AND DISCRIMINATION OF RUSSIAN CITIZENS ABROAD

ABSTRACT. Russian Russian The article gives a legal assessment of a long overdue problem – Russophobia, which abounds in Western civilization and which manifests itself in open forms of expression of hatred and undisguised hostility to Russians, the Russian language, the Russian state, its foreign and domestic policy. The author concludes that Russophobia acts as a complex of ideas and concepts that have their own structure, typical manifestations and history.

Based on the definition of Russophobia proposed by the author, the article proposes a criminal-legal mechanism for overcoming it.

KEYWORDS: civil society, law, Western civilization, politics, Russophobia, legislation, criminal liability.

MIRZOEV GASAN BORISOVICH – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, President of the Guild of Russian Lawyers, President of the International Association of Russian-Speaking Lawyers, Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries.

S.I. Volodina, P.E. Marcheva, S.S. Yur'ev

FORENSIC EXAMINATION OF A CRIMINAL CASE IN THE ASPECT OF PROFESSIONAL RISKS OF AN ADVOCATE

ABSTRACT. The article examines the aspect of professional risk in the activity of an advocate who uses expertise. Having identified a number of problems (risks) that an advocate faces while providing qualified legal assistance, such as inequality in examination assignments in criminal proceedings, appointing examinations in non-state forensic expert institutions, including those which do not have the status of a forensic expert or expertise in the field they are entrusted with, as well as the current existence of both state and non-state forensic expert organizations, the authors propose a solution to these problems.

KEYWORDS: Advocate, professional risk, expertise, forensic examination.

VOLODINA SVETLANA IGOREVNA – candidate of legal sciences, Head of Department of the Bar of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), attorney;

MARCHEVA POLINA EVGEN'EVNA – candidate of legal sciences, associate professor of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), attorney;

YUR'EV SERGEY SERGEEVICH – doctor of juridical science, attorney.

G.G. Goldin, L.O. Ternovaya

"VIRTUAL POLICE" CIVILIZATIONAL ORIGINS AND LEGAL JUSTIFICATION

ABSTRACT. The authors of the article attempted to analyze a problem that is complex from many points of view, which is associated with the functioning of structures at different times and in different states, collectively called the "moral police". In Western countries, their creation was largely a response not only to an internal civilizational request for the preservation of traditional values, but reflected the geopolitical meaning of the search for enemies within one's own country in order to increase activity

on the external front. In the countries of the East, such institutions arise in order to strengthen the cohesion of society, emphasizing its cultural and confessional identity. Neither model can be in demand in Russian realities, and the fragmentation of legislation in the field of public morality reflects the diversity of Russia's cultural and historical experience.

KEYWORDS: traditional values, civilizational foundations, law and order, legal consciousness, public morality, morality police.

GOLDIN GENNADY GLEBOVICH – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Russian Academy of Advocacy and Notary (RAAN);

TERNOVAYA LYUDMILA OLEGOVNA – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology and Management of the Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI).

N.N. Kosarenko

PHILOSOPHICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE REGULATION

ABSTRACT. The article discusses some philosophical problems related to artificial intelligence. The main philosophical problem in the field of artificial intelligence is whether it is possible to simulate human thinking. In this article, the author examines the essence of this problem in the field of artificial intelligence. The article emphasizes the importance of methodology.

KEYWORDS: society, philosophy, state, law, artificial intelligence, consciousness.

KOSARENKO NIKOLAY NIKOLAEVICH – Candidate of Philosophical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Plekhanov Russian University of Economics.

R.A. Strakhov, B.V. Shagiev

DYNAMIC STABILITY OF LEGISLATION: INDICATORS AND GOALS

ABSTRACT. The article discusses the term "dynamic stability" of legislation. Its main characteristics, indicators and goals of such dynamic stability are indicated. The authors tried to justify its inevitability for a healthy state system that is able to quickly respond to external changes while maintaining the ability to stabilize.

KEYWORDS: dynamic stability of legislation, legal system, dynamism of legislation, stability of legislation, lawmaking.

STRAKHOV ROMAN ALEKSEEVICH – 3rd year full–time postgraduate student of the Russian Academy of Advocacy and Notariate (NOU OVO "RAAN");

SHAGIEV BULAT VASILOVICH – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Fundamental Jurisprudence and International Law of the NOU OVO "RAAN".

A. A. ROZHNOV

THE LEGAL STATUS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND THE CLERGY IN THE REIGN OF EMPEROR NICHOLAS I

ABSTRACT. The article represents a description of the legal status of the Russian Orthodox Church and members of the white and black clergy in the 2nd quarter of the 19th century during the reign

of Emperor Nicholas I. This problem has undoubted theoretical and cognitive interest and also has indisputable practical significance in developing an optimal model of relations between the state and the Church at the present stage. Legal, rather than general historical aspects of the interaction between the state and the Church in the imperial period of the Russian history require further more thorough research, therefore their in-depth study is among the priorities of historical and legal science. The author reviews such problems as the organization of Church governance at the synodal and diocesan levels, the legal status of parish clergy and monasticism, property rights of monasteries, episcopal houses and churches. The article also deals with the state's policy towards non-believers, non-Orthodox and schismatics. The article briefly describes all the key legal aspects of the relationship between the state and the Church during the reign of Emperor Nicholas I, which can serve as a basis for further scientific research in this area.

KEYWORDS: Russian Russian Orthodox Church history, clergy, monasticism, Synod, history of Russian law, Charter of spiritual consistories.

ROZHNOV ARTEMIY ANATOLIEVICH – professor of the Department of the International and Public Law of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of Russian Federation, doctor of law, associate professor.

E.V. Borovik

COMPLIANCE WITH THE PRINCIPLE OF "TRANSPARENCY" DURING THE DIGITALIZATION OF PUBLIC PROCUREMENT

ABSTRACT. In the article, the author analyzes the conceptual importance of observing the principle of "transparency" during the digitalization of public procurement processes as one of the fundamental principles. Transparency is arguably one of the most important ethical principles in any procurement system. Modern digitalization of public procurement is carried out in conditions of increased control, fueled by technological advances, therefore, in this transition period, the most important thing is to preserve the principle of "transparency", which can be interpreted as providing access to public contracts, disclosure of rules governing procurement in general and regulating specific purchases, rule-based decision-making and opportunities for verification their enforcement and compliance.

KEYWORDS: transparency, public procurement system, digitalization, digitalization, principles.

BOROVIK EKATERINA VLADIMIROVNA – Assistant of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of the degree of Candidate of Legal Sciences of the Kutafin Moscow State Law University.

K.I. Brykin

TRANSFORMATION OF THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM: FINANCIAL AND LEGAL APPROACH

ABSTRACT. The article deals with the study of the transformation of the public administration system. The author considers examples of the transformation of public authorities into companies, as well as the integration of individual companies (development institutions) into the public administration system. The article analyzes the scientific views on the issues raised by prominent scientists in the field of legal theory, constitutional, administrative and financial law, and studies the current legal regulation. The author comes to the conclusion that the practice of delegating public functions, including public financial activities, proves the transformation of the public administration

system, its decentralization, increasing the level of trust between the state and business, as well as expanding the range of subjects of financial law, which is aimed at improving the quality of the public administration system and services provided by the state in order to create comfortable conditions for the life of citizens and doing business.

KEYWORDS: public administration, subject of financial law, public financial activity, budget financing, state contract, Central Bank of the Russian Federation, Deposit Insurance Agency, development institute, Rosatom, Roskosmos.

BRYKIN KONSTANTIN IGOREVICH – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Fundamental Jurisprudence and International Law of the Russian Academy of Advocacy and Notaries.

S.I. Konev, I.L. Sarkisyan, V.V. Zharkova, G.F. Yakubova
THE INFLUENCE OF ESG PRINCIPLES ON NATIVE LEGISLATION
IN THE FIELD OF FUEL AND ENERGY COMPLEX

ABSTRACT: One of the trends of public administration is ESG principles. The responsible approach of legal entities to environmental protection, corporate governance and occupational safety increases the investment attractiveness of companies. This trend is most pronounced in the oil and gas industry. Based on the analysis of local acts of companies of the fuel and energy complex and recent changes in labor legislation, the authors put forward a thesis about the positive impact of ESG principles on the sphere of relations under consideration.

KEYWORDS: public administration, fuel and energy complex, greenwashing, ESG principles, legislation

KONEV SERGEY IGOREVICH – Deputy Dean of the Faculty of Law Gubkin University old teacher departments of information, energy law and criminal law disciplines;

SARKSYAN ILYA LEONOVNA – old teacher Departments state-legal disciplines and criminal-legal disciplines of PRUE. Russian Federation named after G.V. Plekhanov;

ZHARKOVA VLADISLAVA VLADIMIROVNA – Gubkin University, specialist of the department for organization of youth science and scientific events;

YAKUBOVA GULNUR FYARITOVNA – Gubkin University, student of the Faculty of Law.

A.V. Ostroushko
THE BOUNDARIES OF STATE SOVEREIGNTY
OF THE NATIONAL SEGMENT OF CYBERSPACE

ABSTRACT: The improvement of the mechanism of legal protection of the rights and legitimate interests of citizens in cyberspace can be carried out through the development and adoption of a set of legislative initiatives aimed at strengthening the protection of citizens' rights, as well as through improving the legal environment in the field of information and digital technologies. Norms that set limits on the impact of Russian norms in cyberspace should play a significant role in this process.

In this article, the author considers the problem of developing the basic principles of establishing the boundaries of the extension of state sovereignty to relations in cyberspace and the allocation of a national segment of cyberspace. The author comes to the conclusion that the uncertainty of the boundaries of cyberspace, in the context of the current geopolitical situation, is a challenge for the Russian legislator and law enforcement agencies in the field of legal provision of cybersecurity.

KEYWORDS: national security, cyberspace, borders, sovereignty, security

OSTROUSHKO ALEXANDER VLADIMIROVICH – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International and Public Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

O.G. Filipenkova
**FEATURES OF PUBLIC LEGAL REGULATION
OF COMPULSORY SOCIAL INSURANCE**

ABSTRACT. The article deals with topical issues of compulsory social insurance, which is characterized by a number of features that distinguish it from other types of insurance. From the point of view of the financial category, it can be considered as a special system of relations regarding the redistribution of national financial resources that form specialized funds, funds from which are directed to the material support of a part of the population that, for various reasons, is unable to participate in social work. The material component of compulsory social insurance is special state extra-budgetary funds formed at the expense of policyholders.

KEYWORDS: state, law, social protection, compulsory social insurance, insurance interest, risk, insured event.

FILIPENKOVA OLESYA GENNADIEVNA – a senior lecturer at the Department of Law of the Institute of Economics, Management and Law of the Moscow City Pedagogical University.

O.V. Efimova
**FEATURES OF THE LEGAL REGIME OF THE PROPERTY
OF INSTITUTIONS
FEATURES OF THE LEGAL REGIME
OF THE PROPERTY OF INSTITUTIONS**

ABSTRACT. Institutions as legal entities are active participants in property turnover. At the same time, the peculiarities of the legal status of these organizations cause legislative restrictions on the possibility of exercising their rights of property owners, but also on the possibility of creditors of institutions to foreclose on the debtor's property. These features and limitations are investigated in this article.

KEYWORDS: institution, unitary legal entity, the right of operational management, especially valuable movable property.

EFIMOVA OLGA VLADIMIROVNA – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines and Notary of the NOU OVO "RAAN", Associate Professor of the Department of Law of the Institute of Economics, Management and Law of the GAOU VO "MGPU"

YU.A. Krokhina
CRYPTOCURRENCY IS THE ACTUAL OBJECT OF CIVIL RIGHTS

ABSTRACT. On the basis of the financial and economic essence of the cryptocurrency, an analysis of its legal features was carried out in order to identify the possibility of referring to the objects of civil rights. The correlation of the immanent characteristics of cryptocurrency with the legal features of legalized things, results and benefits justifies the conclusion that it can be classified as "other things".

In the context of the rotation of models of public management of national financial systems and illegal

economic sanctions imposed by unfriendly countries against the Russian Federation, digital financial assets, which include cryptocurrency, have the potential of a payment settlement instrument for foreign economic transactions. In this regard, as well as in order to streamline civil circulation between residents of the Russian state, the need for legislative consolidation of the definition of cryptocurrency in the Civil Code of the Russian Federation is argued.

KEYWORDS: Digital financial assets, cryptocurrency, digital money, digital rights, things, property, obligations, smart contract, protection methods, real protection methods.

KROKHINA YULIA ALEXANDROVNA – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Disciplines of the Higher School of Public Audit (Faculty), Moscow State University. Lomonosov, member of the Scientific Advisory Board at the Supreme Court of the Russian Federation.

L.E. Permyakov, A.V. Kosov

ABOUT SOME PROBLEMS OF ARBITRATION (ARBITRATION PROCEEDINGS) AS A WAY TO PROTECT BUSINESS PARTICIPANTS (LEGAL REGULATION, PROBLEMS AND WAYS TO OVERCOME THEM)

ABSTRACT. The article discusses some problems that hinder the development of arbitration (arbitration proceedings) in order to ensure the protection of business participants. The authors conclude that it is extremely important to continue the mission of popularizing arbitration among students and novice practitioners. In addition, it would be advisable to hold conferences and student competitions on arbitration (arbitration proceedings) within the walls of higher educational organizations with the broad involvement of scientific and business communities.

KEYWORDS: arbitration reform, permanent arbitration institution, arbitration institute, arbitration (arbitration proceedings), arbitrators (arbitrators).

PERMYAKOV LEONID EVGENIEVICH – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Russian State University (e-mail: leonid.permiakow@yandex.ru)

KOSOV ALEXANDER VLADIMIROVICH – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Russian Academy of Advocacy and Notary (KNOW OVO "RAAN").

Yu.V. Petrovicheva. V.Yu. Knutova

SEPARATE PROVISIONS ON THE LEGAL STATUS OF ACTIONS OF THIRD PARTIES IN THE ADMINISTRATION OF CORPORATE DISPUTES IN COMMERCIAL ARBITRATION COURTS

ABSTRACT. This article analyzes the concept of corporate dispute, is contained in the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation and the significance of corporate disputes when they are submitted to the international commercial arbitration.

The text discusses the types of corporate disputes, their division by arbitrability for commercial arbitration as an alternative way to protect the rights of participants in corporate relations. When referring a corporate dispute to commercial arbitration, the author raises the issue of the procedure for joining a third party to the arbitration proceedings and, as a consequence, the procedure for their execution of court decisions, if they have not joined the arbitration clause.

In addition, the author touches upon the specifics of individual corporate disputes that relate to non-arbitrable ones.

KEYWORDS: court, judgment, corporate dispute, commercial arbitration, commercial organization.

PETROVICHEVA YULIA VLADIMIROVNA – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil and Business Law of the All-Russian Academy of Foreign Trade, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines and Criminal Law Disciplines of Plekhanov Russian University of Economics;

KNUTOVA VARVARA YURYEVNA – lawyer, partner of the Sotheby's law firm.

I.Y. Rogaleva, G.A. Rogaleva

LABOR RELATIONS IN THE DIGITAL ECONOMY

ABSTRACT. In the article, we examined one of the urgent problems of regulating labor relations through the use of electronic document management. A certain difficulty arises in the application of information systems for conducting personnel records management. With the introduction of new changes in labor legislation, employees have more opportunities for remote workflow, as well as clear rules for the possibility of using it in their work. Electronic document management in the field of labor relations covers the creation, use and storage by the employer and the employee who is hired of electronic documents sacred to work.

KEYWORDS: employment contract, employer, electronic signature, employee.

ROGALEVA IRINA YURYEVNA – PhD, Associate Professor at the Department of State-legal and criminal law disciplines. Address: Plekhanov Russian University of Economics;

ROGALEVA GALINA ANATOLIEVNA – PhD, Associate Professor at the Department of Labor Law and law of social security.

O. A. Avdeeva, V.V. Avdeev, V.V. Varmund

LEGAL POLICY IN THE FIELD OF REGULATION OF LEGAL PERSONALITY AND CRIMINAL LIABILITY OF A DELINQUENT PERSON

ABSTRACT. The article discusses theoretical and methodological approaches to understanding legal personality. The doctrinal foundations of legal personality are reflected in the context of the interdependence of such categories as legal capacity and legal capacity of a person. Scientific approaches to understanding the legal capacity of an individual based on knowledge in the field of law, psychology, medicine and pedagogy are investigated. The features of the differentiation of legally significant boundaries of the legal capacity of an individual, taking into account age and psychological criteria, are determined. Scientific approaches to the definition of criteria for the sanity of an individual are disclosed. A comparative legal analysis of the legislative regulation of the legal capacity of an individual is carried out on the example of the development of domestic criminal legislation.

KEYWORDS: legal personality, legal capacity, legal capacity, criminal law, offense, delinquency, legal liability, criminal liability, legal policy.

AVDEEVA OLGA ANATOLYEVNA – Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of FGKOU VO "VSI of the Ministry of Internal Affairs of Russia", Associate Professor, Irkutsk;

AVDEEV VADIM AVDEEVICH – Doctor of Law, Professor, Professor of the Higher School of Law of the Yugra State University, Khanty-Mansiysk;

VARMUND VIKTORIA VSEVOLODOVNA – a senior lecturer at the Department of Notarization and Civil Law Disciplines of the Russian Academy of Advocacy and Notariate (NOU OVO "RAAN").

D.V. Miroshnichenko
CRITICISM OF CONSTRUCTIVISM IN CRIMINAL LAW

ABSTRACT. The article analyzes constructivism as a scientific approach to understanding crime, the role and significance of criminal law and its limits. In particular, the task is to give a general overview of constructivism as a methodological tool, and to establish its epistemological value. The idea is expressed that constructivism itself is not groundless and is in the context of socio-cultural changes characterized by the decline of values and ontologies (postmodernism). Constructivism levels the ontology of the criminal, which means it rests on extreme skepticism about the values of modern society. Deconstructing the ontology of crime, at the same time, in this scientific setting, the connection between the being of the subject and its value-based social dimension is broken. Thus, it is impossible from this position to explain how there is a human idea of the criminal.

KEYWORDS: crime, criminal law, constructivism, value, society, postmodernism, nihilism, skepticism.

MIROSHNICHENKO DANIIL VIKTOROVICH – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Advocacy and Criminal Law Disciplines of the Russian Academy of Advocacy and Notary.

M.I. Pastukhov
**SOME FEATURES OF CRIMINAL PROCEEDINGS
IN THE REPUBLIC OF BELARUS**

(part 1)

ABSTRACT. This article explores the significant features of the criminal procedure legislation and law enforcement practice in the Republic of Belarus. At the same time, special attention is paid to guarantees for the protection of persons suspected and accused of committing crimes. Based on the results of the study, proposals are made to improve the legislation of the Republic of Belarus.

KEYWORDS: criminal process, preliminary investigation, trial, suspect, accused, defender, prosecutor, appeal, supervision.

PASTUKHOV MIKHAIL IVANOVICH – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law of the educational institution "BIP-University of Law and Socio-Information Technologies", Minsk.

V.A. Chukreev
**CRIMINAL LAW REGULATION
OF ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES**

ABSTRACT. The relevance of the article is due to the fact that at present the issues of improving the institution of criminal law counteraction to illegal actions in the field of the use of assisted reproductive technologies are of particular relevance. The main attention is paid to legal problems directly related to possible mistakes and abuses of medical workers providing medical care in this area. The solution of the problems of this study was carried out using the method of comparative analysis. The novelty

of the study lies in an attempt to identify areas for improving modern domestic legislation. The article substantiates the expediency of introducing a criminal law ban not only on commercial transactions with human organs, but also on the commercial use of human reproductive materials, primarily women.

KEYWORDS: human exploitation, criminal law, reproductive technologies, physiological properties, improvement of legislation

CHUKREEV VADIM ANDREEVICH – Candidate of Law, Deputy Prosecutor of the Sverdlovsk Region, Prosecutor's Office of the Sverdlovsk region.

S.E. Kasyanov
ABOUT THE REAL AND IDEAL ASPECTS
OF JUSTICE IN CRIMINAL LAW

ABSTRACT: The presented article examines the views on the role of justice in criminal law, in connection with which some doctrinal positions are analyzed. Separately, attention is drawn to the definition of justice as a subjective category, and as such, this position is criticized. The idea of the intermediate essence of justice in law (in particular, in criminal law) is substantiated, in which it performs an ideal function at the level of the goal, the proper order of things and practical (at the level of real law and order). Thus, the ideal and the real beginnings are combined in justice. Moreover, reality is ensured by looking at real social relations and social values.

KEYWORDS: criminal law, justice, crime, principle, idea, society, law and order.

KASYANOV SERGEY EVGENIEVICH – Postgraduate student of the Department of Advocacy and Criminal Law Disciplines of the Russian Academy of Advocacy and Notary.

L.V. Kiryanova
PERSONAL DATA PROTECTION DOCTRINE

ABSTRACT. The development of information technologies and digitalization of all spheres of life, on the one hand, contribute to the expansion of opportunities, economic activity of citizens, create conditions for the wider realization of their rights, and on the other hand, make a person vulnerable due to the threat of the dissemination of personal data. Let's look at what the legal protection of such data in Russia is based on, what measures are being taken today to prevent unauthorized access to personal information.

KEYWORDS: personal data, personal data protection, information security, concept, doctrine, personal rights, information security.

KIRYANOVA LYUDMILA VIKTOROVNA – Postgraduate student of the Department of Civil Law and Process of the Academy of Labor and Social Relations.

C.A. Kukhturskaya
THE USE OF ELECTRONIC EVIDENCE IN THE CIVIL PROCESS:
PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

ABSTRACT. The article points out the problems of using electronic means of proof in the civil process, as well as the features of legitimation of the most commonly used of them in judicial practice. The author analyzes the attitude of the court in civil proceedings to such means of proof as

correspondence in messengers, correspondence by e-mail, information from social networks and other means of proving the factual circumstances of the case. Some ways of modernizing the civil process of modernity are proposed.

KEYWORDS: evidence; proving; civil process; electronic evidence; electronic messages; digitalization; information obtained from the Internet.

KUKHTURSKAYA CATHERINE ALEXANDROVNA – Post-graduate student of the 4th year of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

A.A. Sirotkin

ON THE QUESTION OF THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE STATE OF THE LEGAL CULTURE OF RUSSIAN SOCIETY

ABSTRACT. This article discusses the need for a theoretical and practical study of the processes of digitalization and their impact on the legal culture of society and man, in particular. An important aspect is to determine the impact on the legal culture of the law regulating the use of digital technologies, new legal traditions, transforming legal education and upbringing, the level of digital and legal literacy.

Theoretical understanding in this area can be useful in practical activities related to the development and improvement of legal culture, determining the most optimal ways to regulate the use of digital technologies. The purpose of the article is to determine the main trends of the influence of digitalization on the state of the legal culture of Russian society.

KEYWORDS: digitalization, legal awareness, digital technologies, law, digital legal culture, legal education.

SIROTKIN ALEXANDER ALEKSEEVICH – a Managing Partner of the Moscow Law Office "Prime", a postgraduate student of the Department of Fundamental Jurisprudence and International Law of the Russian Bar and Notary (PSB "RAAN").

D. A. Skudarnov

FEATURES OF THE DEFORMATION OF THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN CITIZENS

ABSTRACT. The article changes the actual problem of our time – the deformation of legal consciousness, its causes, prerequisites, problems and problems. Legal consciences (individual and public) are analyzed and the accepted legal consciences are considered depending on the relationship of society and citizens to law and legal concepts. It is determined that the deformation of legal consciousness is a distorted understanding of rights and values. Within the framework of the paths under consideration, this contradiction with a negative phenomenon, it was found that it is possible to effectively increase the level of literacy and awareness of the population (legal information of the population through legal information and an increase in the volume of legal research in educational institutions).

KEYWORDS: legal awareness, deformation of legal awareness, law, personality, society, state, legal culture, legal education, legal education.

SKUDARNOV DMITRY ALEKSANDROVICH – post-graduate student of the Department of International and Public Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

A.V. Turkin

**THE SUBJECT OF THE CRIME PROVIDED FOR IN ART. 200.3 OF THE
CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

ABSTRACT. The article presents the results of a study of the signs of the subject of a crime under Art. 200.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. It has been proven that not only the heads of the developer organization, but individuals and individual entrepreneurs should bear criminal responsibility for illegally raising funds for shared construction. The attraction of funds from equity holders by these persons is the grossest, most dangerous violation of the requirements of the Federal Law of December 30, 2004 No. 214-FZ, which automatically entails other violations – individuals and individual entrepreneurs are not entitled to enter into shared construction agreements, they cannot obtain permission to build an apartment building, do not fulfill the obligation to pay deductions (contributions) to the compensation fund and place the funds of participants in shared construction on escrow accounts, etc. Criminal law cannot ignore the public danger of these actions. Therefore, when constructing a criminal law prohibition under Art. 200.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, the legislator reasonably refused to regulate additional features of the subject of the crime.

KEYWORDS: art. 200.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, illegal attraction of funds for shared construction, the subject of the crime.

TURKIN ALEXEY VIKTOROVICH – General Director of the holding "RSTI" in Moscow, Master's student of the Russian Academy of Advocacy and Notary.

Требования к оформлению статей

1. Представляемая статья должна быть оригинальной по содержанию. В статье необходимо сформулировать рассматриваемую проблему, отразить объект исследования, новизну результатов исследования и область их применения. Статья должна заканчиваться выводом.

2. Редакция журнала заинтересована в публикациях результатов научных исследований, связанных с деятельностью адвокатуры и нотариата, судебной власти, правоохранительных органов, исследований в области истории, теории государства и права и остальным отраслям права, а также в материалах по экономике, социологии и другим гуманитарным наукам.

Кроме этого, в журнале могут быть опубликованы тезисы выступлений на научно-практических конференциях, симпозиумах, круглых столах, обзоры о проведенных научных мероприятиях, рецензии, отзывы на докторские, кандидатские диссертации, монографии, учебники и другие материалы, представляющие научный интерес для наших читателей.

3. Объем статьи 6-12 страниц; обзор, рецензия, информация – не более 3 страниц.

4. При определении объема материала просим исходить из таких параметров:

- текст печатается на стандартной бумаге формата А-4, через 1,5 интервала;
- размер шрифта основного текста – 14, в Microsoft WORD 2000-2003;
- поля – 2 см;
- название (заглавие) статьи оформляется 14-м жирным шрифтом, межстрочный интервал – одинарный, отделяется от текста сверху и снизу 1 строкой.

5. Соблюдать при оформлении статьи следующую последовательность:

- над заглавием (справа) указывается автор (инициалы, фамилия);
- заглавие;
- под заглавием дается краткая аннотация и ключевые слова; сведения об авторе (фамилия, имя, отчество – полностью, должность, место работы, уч. степень, звание и адрес электронной почты);

6. В конце статьи приводится «Библиография» (оформляется в соответствии с действующим ГОСТом, в алфавитном порядке). Затем дается транслитерация русскоязычной библиографии в соответствии с таблицей.

Буква	Транслит	Буква	Транслит	Буква	Транслит	Буква	Транслит
а	a	з	z	п	p	ч	ch
б	b	и	i	р	r	ш	sh
в	v	й	y	с	s	щ	sch
г	g	к	k	т	t	ь и ъ	опускаются
д	d	л	l	у	u	ы	y
е	e	м	m	ф	f	э	e
е	e	н	n	х	kh	ю	yu
ж	zh	о	o	ц	ts	я	ya

На сайте <http://www.translit.ru> можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу, предварительно настроив программу по нашим правилам: й (y), щ (sch), э (e), ю (yu), я (ya)!

7. Все указанные позиции под пп. 5 обязательно оформляются и на английском языке.

8. Ссылки, сноски проставляются постранично автоматически, шрифт для сносок – 12, нумерация сквозная. В сносках на авторов источников сначала следует указать фамилию, затем инициалы, обязательно привести название публикации, затем источник – место, год, номер, страница. Постраничные сноски делаются в усеченном варианте (без тире).

9. Перед библиографическим списком аспирант или соискатель указывает научного руководителя, сведения о нем (фамилия, имя, отчество – полностью, должность, место работы, уч. степень, звание).

При использовании нормативного акта следует привести полное (без сокращений) наименование, указать его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т.д.), дату (день принятия – цифрами, месяц – словом, год принятия – четырьмя цифрами). Например: Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

10. К рукописи прилагаются:

– сведения об авторе (фамилия, имя, отчество); статус: уч. степень, уч. звание (при наличии), должность и место работы, учебы;

– почтовый служебный или домашний адрес с индексом и телефон;

– рецензия на статью с подписью, заверенной соответствующей кадровой структурой, выписка из протокола заседания кафедры с рекомендацией к опубликованию. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения). Отзыв научного руководителя (для аспирантов, адъюнктов, соискателей). Статья сдается с подписями автора (-ов) на последней странице.

11. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и др. форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем. За любые неправомерные заимствования или использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, авторы несут ответственность в соответствии с законодательством РФ. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.

12. Настоятельно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания юридических терминов, оформление текста работы и ссылок в соответствии с рекомендуемыми Правилами.

13. Плата за публикацию рукописей с аспирантов не взимается.

14. Автору предоставляется право получить бесплатный электронный вариант журнала, а также печатный экземпляр журнала при условии возмещения расходов по его пересылке на указанный автором почтовый адрес.

15. Представленные авторами статьи регистрируются, подлежат обязательному рецензированию членами редакционного совета журнала или приглашенными редакцией учеными, научная специализация которых близка к теме статьи. Авторам предоставляется возможность ознакомиться с содержанием рецензий. При наличии замечаний рукопись возвращается автору на доработку.

16. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения и размещение его в электронной версии журнала.

17. В случае невыполнения предъявляемых к оформлению статьи требований редакция имеет право отказать автору в публикации.

18. Журнал выходит 1 раз в три месяца (март, июнь, сентябрь, декабрь). Срок выхода статьи 3 месяца.

Рукопись направляется в редакцию по адресу:

105120, г. Москва, Малый Полуярославский пер., д.3/5, стр.1, Российская академия адвокатуры и нота-

риата (с обязательным приложением электронной версии) и может быть направлена по электронной почте: pkosagenko@yandex.ru в Microsoft WORD 2000-2003 (файлу присваивается имя по фамилии автора с указанием «для журнала», «в материалы конференции», например: Кузнецова Г.П., для журнала).

Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдаче рукописей, принимаются по телефону редакции: +7-495-917-38-80, Косаренко Николай Николаевич.

В аннотации к статье в журнале «Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата» необходимо указать актуальность темы, результаты исследования, теоретическую и практическую значимость и новизну. Объем 0,7-1 страница.

ОБРАЗЕЦ ПРИЛАГАЕТСЯ

***Аннотация.** Актуальность темы. На основе проведенного исследования автор предпринимает попытку выявить нормативный механизм, регулирующий взаимодействие хозяйствующих субъектов и разработанный государством в целях предотвращения монополизации экономической деятельности, поскольку существуют серьезные проблемы недобросовестной конкуренции, в частности, в сфере гражданской авиации, что обуславливает иной подход к исследуемой проблематике.*

Методы исследования. В ходе проведения исследования применены исторический, сравнительно-правовой, формально-догматический методы, метод комплексного анализа, статистический метод.

Результаты исследования (выводы). Научное исследование позволило выявить декларативность эффективности существующих на сегодняшний день механизмов обеспечения конституционного запрета на монополизацию отдельных видов экономической деятельности и обосновать на научной основе необходимость совершенствования нормативной базы и устранения выявленных автором недостатков, приводящих к нарушению баланса интересов различных субъектов предпринимательской деятельности в области правового регулирования гражданской авиации (коммерческих перевозок) и, как следствие, к уменьшению доступности авиационных услуг для населения.

Теоретическая и практическая значимость. Сделанные выводы могут быть использованы в учебной литературе по конституционному и транспортному праву, а также в качестве рекомендаций для правотворческой деятельности.

Новизна. Автором предложен оригинальный подход к совершенствованию нормативного механизма осуществления конституционного запрета монополизации экономической деятельности и недобросовестной конкуренции на примере правового регулирования сферы гражданской авиации.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ АДВОКАТОВ (МАРА)

Основана в 2015 году

Ассоциация юристов «Международная ассоциация русскоязычных адвокатов» (МАРА) – некоммерческая корпоративная организация, созданная в организационно-правовой форме ассоциации, основанной на добровольном членстве юридических и физических лиц: юристов, адвокатов, нотариусов и правозащитников различных стран.

Ассоциация учреждена Международным советом российских соотечественников и Гильдией российских адвокатов при поддержке Администрации Президента РФ, МИД России, Россотрудничества, Федеральной палаты адвокатов РФ и Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом. В создании ассоциации также приняли участие иностранные представители более 80 государств.

Важнейшей задачей ассоциации является сотрудничество с соотечественниками, занимающимися юридической практикой за рубежом с использованием в работе русского языка, а также с международными, национальными, региональными правозащитными союзами и ассоциациями. Предметом такого взаимодействия является защита интересов Российской Федерации, российских граждан и юридических лиц в судебных, государственных, административных и иных органах иностранных государств.

Основными целями и предметом деятельности Ассоциации являются:

- координация деятельности и осуществление представительства интересов членов Ассоциации;
- защита прав и законных интересов российских соотечественников, проживающих за рубежом;
- организация защиты интересов Российской Федерации в случае межгосударственных конфликтов;
- организация юридической помощи компаниям и фирмам от недружественных поглощений, представительства сторон по хозяйственным спорам, взысканию долгов и убытков, делам о банкротстве, сопровождение разного рода сделок;
- организация юридической помощи по уголовным делам, в т.ч. в сфере экономических и хозяйственных отношений;
- содействие укреплению сотрудничества Ассоциации с юристами, некоммерческими правозащитными организациями, адвокатскими сообществами в странах СНГ и других государствах;
- расширение и укрепление международных, профессиональных и культурных связей;
- оказание экспертной помощи и поддержки при обсуждении законопроектов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации и зарубежных государств, касающихся законных прав и интересов российских соотечественников;
- пропаганда признанных мировым сообществом принципов и стандартов защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом;
- изучение и распространение передового мирового опыта правозащитной деятельности, а также обмен опытом работы русскоязычных юристов разных стран;
- подготовка письменных заключений и консультаций, независимых правовых экспертиз и исследований различных законопроектов и нормативных правовых актов;
- содействие в разработке законодательства о гарантиях правовой защиты соотечественников.

Президент – Мирзоев Гасан Борисович;

Первый вице-президент – Неборский Михаил Юрьевич;

Вице-президент – Иоффе Михаил Леонидович;

Исполнительный вице-президент – руководитель аппарата – Зимин Александр Евгеньевич

Адрес:

Россия, 105120, Москва, Малый Полуярославский пер., д.3/5, стр.1.

Приемная президента:

Тел.: +7-495-917-82-48, факс: +7-495-917-30-67;

Web.: www.iarl.pro E-mail: info@iarl.pro

ВНИМАНИЕ!

Уважаемые читатели! Подписку на 2023 год на журнал
«Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата»
можно оформить в редакции журнала.

Стоимость подписного издания

один номер 500 рублей,
на полугодие 1000 рублей,
на год 2000 рублей.

Чтобы оформить подписку на журнал «Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата» через редакцию журнала, можно воспользоваться опубликованной квитанцией, оплатить в любом отделении Сбербанка России, а копию квитанции об оплате отправить по e-mail: nauka-raa@nm.ru или почтой по адресу: Малый Полуярославский пер., д.3/5, стр.1, г. Москва, 105120, Россия.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Форма ПД-4			
Получатель платежа „Российская академия адвокатуры и нотариата“			
ИНН 7709255964			
ОАО „Банк ВТБ“			
БИК 044525187			
Корреспондентский счет	30101810700000000187		
Расчетный счет	40703810900030000197		
Ф.И.О., адрес плательщика			
Вид платежа	Дата	Количество комплектов	Сумма
Подписка на журнал «Ученые труды РААН»			
Плательщик			R0903

Кассир

КВИТАНЦИЯ

Форма ПД-4			
Получатель платежа „Российская академия адвокатуры и нотариата“			
ИНН 7709255964			
ОАО „Банк ВТБ“			
БИК 044525187			
Корреспондентский счет	30101810700000000187		
Расчетный счет	40703810900030000197		
Ф.И.О., адрес плательщика			
Вид платежа	Дата	Количество комплектов	Сумма
Подписка на журнал «Ученые труды РААН»			
Плательщик			R0903

ВАШ РЕАЛЬНЫЙ ШАНС СДЕЛАТЬ КАРЬЕРУ АДВОКАТА И НОТАРИУСА ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ АДВОКАТУРЫ И НОТАРИАТА

Лицензия № 1587 от 06 августа 2015 г. (бессрочно)
Свидетельство о государственной аккредитации № 2681 от 04 октября 2017 г.

Председатель Президиума РААН	Ю.С. Пилипенко — вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ, член Адвокатской палаты Московской области, член-корреспондент РААН, профессор кафедры адвокатуры Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук
Председатель Попечительского совета РААН	А.К. Исаев — заместитель руководителя фракции «Единая Россия» в Государственной Думе ФС РФ, канд. юрид. наук, доцент
Президент	Г.Г. Черемных — действительный член (академик) РААН, заслуженный юрист РФ, Почетный адвокат России, доктор юрид. наук, профессор
Вице-президенты:	А.П. Галоганов — президент Федерального союза адвокатов России, президент Международного союза (содружества) адвокатов, президент Адвокатской палаты Московской области, заслуженный юрист РФ, доктор юрид. наук, профессор кафедры адвокатуры и правоохранительной деятельности РААН К.А. Корсик — президент Федеральной нотариальной палаты РФ, доктор юрид. наук, профессор кафедры нотариата РААН
Ректор	Г.Б. Мирзоев — президент Гильдии российских адвокатов, президент Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, председатель Международного совета российских соотечественников, член Совета Федеральной палаты адвокатов РФ, заслуженный юрист РФ, доктор юрид. наук, профессор

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

КОЛЛЕДЖ

Специальность 40.02.01 Право и организация социального обеспечения Квалификация «Юрист»	очная форма — на базе 9 классов — 2 года 10 месяцев; очная форма — на базе 11 классов — 1 год 10 месяцев; заочная форма — на базе 9 классов — 3 года 6 месяцев; заочная форма — на базе 11 классов — 2 года 6 месяцев
--	--

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

БАКАЛАВРИАТ

Направление подготовки 40.03.01 ЮРИСПРУДЕНЦИЯ Квалификация «Бакалавр»	очная форма — 4 года; (бюджетные места) очно-заочная форма — 4 года 6 месяцев; заочная форма — 4 года 6 месяцев (на базе СПО или высшего образования)
Профиль: правозащитная деятельность	

МАГИСТРАТУРА

Направление подготовки 40.04.01 ЮРИСПРУДЕНЦИЯ Квалификация «Магистр»	очная форма — 2 года; (бюджетные места) очно-заочная форма — 2 года 4 месяца; заочная форма — 2 года 4 месяца (бюджетные места)
Профильная направленность:	Адвокат и адвокатская деятельность; Корпоративный юрист; Нотариус и нотариальная деятельность; Правовое сопровождение сделок с недвижимостью; Юридическая конфликтология и медиация; Юрист в сфере противодействия преступности

АСПИРАНТУРА

Программы подготовки научных и научно-педагогических кадров	очная форма — 3 года
--	----------------------

Научная специальность:	5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки
-------------------------------	---

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Высшие курсы повышения квалификации адвокатов Российской Федерации
Высшие курсы повышения квалификации нотариусов Российской Федерации
Курсы по подготовке претендентов на приобретение статуса адвоката
Институт судебного представительства
Институт медиации

ПРИЕМНАЯ КОМИССИЯ

Адрес: 105120, г. Москва, Малый Полуярославский пер., д.3/5, стр.1
Проезд: ст. м. «Курская», «Чкаловская» (10 минут пешком)
Тел. +7-495-917-24-78, +7-495-916-16-04, факс +7-495-917-30-67. Адрес сайта: www.raa.ru, e-mail: pkraan@yandex.ru

Ежедневно принимаются заявки от членов адвокатских и нотариальных палат, представителей причастных к адвокатуре и нотариату профессий на прохождение обучения на Высших курсах повышения квалификации адвокатов и нотариусов.
Слушатели курсов обеспечиваются учебной и методической литературой.

Начальник Учебно-методического отдела — Ю.Н. Богданова, тел.: +7-495-917-05-83.
Ответственный секретарь приемной комиссии — Р.П. Смирягина, тел.: +7-495-917-24-78.
Высшие курсы повышения квалификации адвокатов РФ — С.И. Володина, тел.: +7-495-916-13-64.
Высшие курсы повышения квалификации нотариусов РФ — Н.Н. Тоцкий, тел.: +7-495-916-12-48.
Институт судебных представителей — В.В. Иванова, тел.: +7-495-916-13-64.
Институт медиации — Е.Н. Сенина, тел.: +7-909-218-07-97.

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ АДВОКАТОВ (МАРА)

Основана в 2015 году

Ассоциация юристов «Международная ассоциация русскоязычных адвокатов» (МАРА) – некоммерческая корпоративная организация, созданная в организационно-правовой форме ассоциации, основанной на добровольном членстве юридических и физических лиц: юристов, адвокатов, нотариусов и правозащитников различных стран.

Ассоциация учреждена Международным советом российских соотечественников и Гильдией российских адвокатов при поддержке Администрации Президента РФ, МИД России, Россотрудничества, Федеральной палаты адвокатов РФ и Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом.

В создании ассоциации также приняли участие иностранные представители более 80 государств.

Важнейшей задачей ассоциации является сотрудничество с соотечественниками, занимающимися юридической практикой за рубежом с использованием в работе русского языка, а также с международными, национальными, региональными правозащитными союзами и ассоциациями. Предметом такого взаимодействия является защита интересов Российской Федерации, российских граждан и юридических лиц в судебных, государственных, административных и иных органах иностранных государств.

Основными целями и предметом деятельности Ассоциации являются:

- координация деятельности и осуществление представительства интересов членов Ассоциации;
- защита прав и законных интересов российских соотечественников, проживающих за рубежом;
- организация защиты интересов Российской Федерации в случае межгосударственных конфликтов;
- организация юридической помощи компаниям и фирмам от недружественных поглощений, представительства сторон по хозяйственным спорам, взысканию долгов и убытков, делам о банкротстве, сопровождение разного рода сделок;
- организация юридической помощи по уголовным делам, в т.ч. в сфере экономических и хозяйственных отношений;
- содействие укреплению сотрудничества Ассоциации с юристами, некоммерческими правозащитными организациями, адвокатскими сообществами в странах СНГ и других государствах;
- расширение и укрепление международных, профессиональных и культурных связей;
- оказание экспертной помощи и поддержки при обсуждении законопроектов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации и зарубежных государств, касающихся законных прав и интересов российских соотечественников;
- пропаганда призванных мировым сообществом принципов и стандартов защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом;
- изучение и распространение передового мирового опыта правозащитной деятельности, а также обмен опытом работы русскоязычных юристов разных стран;
- подготовка письменных заключений и консультаций, независимых правовых экспертиз и исследований различных законопроектов и нормативных правовых актов;
- содействие в разработке законодательства о гарантиях правовой защиты соотечественников.

Президент – Мирзоев Гасан Борисович;

Первый вице-президент – Неборский Михаил Юрьевич;

Вице-президенты: Губенков Сергей Юрьевич, Гурованидис Георгий Тамазович, Иоффе Михаил Леонидович.

Адрес:

Россия, 105120, Москва, Малый Полуярославский пер., д.3/5, стр.1.

Приемная президента:

Тел.: +7-495-917-82-48, факс: +7-495-917-30-67;

Web.: www.iarl.pro E-mail: info@iarl.pro